

Н. А. Кораблев

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н.А. Кораблев

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАРЕЛИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX —
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Н.А. Кораблев

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАРЕЛИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

ПЕТРОЗАВОДСК
2011

УДК 346.26(09)(470.22)

ББК 65.9(2Рос.Кар.)

К 66

Р е ц е н з е н т ы :

А.М. Пашков, зав. кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук

Е.Ю. Дубровская, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидат исторических наук

Кораблев Н.А.

К 66 Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 269 с.: табл. 7.

ISBN 978-5-9274-0462-9

В современных условиях становления рыночной экономики в России проблема истории предпринимательства во второй половине XIX – начале XX вв., когда оно развивалось в относительно свободной обстановке, имеет несомненную научную актуальность. На материале карельского края, экономика которого в период капитализма сохраняла своеобразный промыслово-аграрный характер, тема формирования и деятельности местной предпринимательской элиты до сих пор не становилась предметом специального исследования. В монографии главным образом на основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала рассматриваются такие вопросы, как численность, национальный и социальный состав предпринимателей в Карелии, пути формирования предпринимательской среды в крае, основные направления деятельности местного делового сообщества, становление ассоциированных форм предпринимательской деятельности, разграничение сфер влияния между местным и «пришлым» капиталом. Прослеживается история ведущих предпринимательских династий края. Значительное место уделено характеристике общественно-политической и филантропической деятельности предпринимателей.

УДК 346.26(09)

ББК 65.9(2Рос.Кар.)

ISBN 978-5-9274-0462-9

© Н.А. Кораблев, 2011

© Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН, 2011

© Карельский научный центр РАН, 2011

ВВЕДЕНИЕ

В становлении и развитии капиталистической рыночной экономики в России в пореформенный период XIX и в начале XX вв. ведущая роль принадлежала частным предпринимателям. Во многом благодаря их инициативе, энергии, деловой хватке и организаторским талантам создавались сотни новых промышленных, транспортных и торговых предприятий, возникали новые рабочие места, были достигнуты высокие показатели экономического развития, в результате чего страна из традиционно аграрной превратилась в аграрно-индустриальную державу.

В разных регионах Российской империи темпы формирования предпринимательского слоя и масштабы его деловой активности были далеко не одинаковыми. В центре, особенно в столичных районах, данный процесс начался значительно раньше, чем на окраинах, и уже к середине XIX в. здесь имелись значительные по численности и весьма влиятельные группы крупных предпринимателей. В Москве и прилегающем к ней промышленном районе ведущую роль играли текстильные фабриканты, вышедшие из крестьян и крупных купцов. В составе петербургской группировки буржуазии было значительное число выходцев из дворянского сословия и предпринимателей иностранного происхождения, навсегда или надолго осевших в России. Наибольшее влияние здесь имели владельцы предприятий машиностроения, металлообработки и транспорта, а также банкиры.

В отличие от столиц и центральных регионов на обширных окраинах империи, в том числе и в Карелии, где прочно сохранялись устои традиционного аграрно-промыслового

хозяйствования, к моменту реформы 1861 г. процесс формирования предпринимательского слоя находился в начальной стадии. Он развертывался здесь в основном уже в пореформенное время, по мере втягивания края в орбиту капиталистического развития.

В современных условиях перехода России к рыночной экономике проблема истории предпринимательства во второй половине XIX — начале XX вв., когда оно развивалось в относительно свободной обстановке, имеет несомненную научную актуальность. На материале карельского края тема формирования и деятельности местной предпринимательской элиты до сих пор не становилась предметом специального исследования.

В монографии главным образом на основе впервые вовлекаемого в научный оборот архивного материала предполагается рассмотреть такие вопросы, как условия и пути формирования предпринимательской среды в крае, численность, сословный и национальный состав предпринимательского слоя, основные направления деятельности предпринимателей, соотношение торгового и промышленного предпринимательства, разграничение сфер деятельности между местным и пришлым капиталом, общественно-политическая и филантропическая деятельность предпринимателей.

Ставится задача определить основные закономерности и особенности развития предпринимательства в Карелии в пореформенные десятилетия XIX и начале XX вв., охарактеризовать личный вклад наиболее крупных и влиятельных представителей делового мира в развитие хозяйства и социальной инфраструктуры края.

В отечественной историографии теме предпринимателей и частного предпринимательства долгое время не уделялось должного внимания. В советский период история «третьего сословия», в отличие, например, от истории рабочего класса и крестьянства, не относилась к разряду приоритетных тем. По существу лишь с 60-х гг. XX в., когда стали публико-

ваться работы И.Ф. Гиндина¹, можно говорить о начале изучения в СССР истории торгово-промышленного класса. В монографии «Государственный банк и экономическая политика царского правительства» И.Ф. Гиндин сосредоточил основное внимание на выяснении роли правительственной политики в хозяйственном развитии пореформенной России, выявлении основных форм и методов ее воздействия на экономику.

Исследователь полагал, что несмотря на целый ряд покровительственных мер в отношении буржуазии приоритетной задачей царского правительства оставалось «укрепление власти помещиков», и поэтому его экономический курс отличался крайней противоречивостью. Правящие круги стремились совместить «политику, направленную на капиталистическое развитие страны, с сохранением полукрепостнических отношений в деревне»². На примере двух столиц И.Ф. Гиндин также поставил вопрос о региональных различиях в формировании и облике торгово-промышленного класса, выдвинув положение о так называемой «московской» и «петербургской» буржуазии³.

Значительный вклад в историографию торгово-промышленного класса в России внес Л.Е. Шепелев. В монографии «Акционерные компании в России», вышедшей в 1973 г.⁴, он впервые проследил процесс возникновения в стране ассоциированных форм частного предпринимательства, осветил правовой режим их деятельности. В книге проанализирована также динамика акционерного дела в России за 1861 – 1917 гг.

Другие работы этого автора посвящены рассмотрению торгово-промышленной политики царского правительства, выяснению ее целей, стимулов и характера⁵. Л.Е. Шепелев предложил более углубленную и развернутую трактовку данной проблемы по сравнению с И.Ф. Гиндиным. Он отметил, что промышленная модернизация осуществлялась правящими кругами России с целью поддержания статуса страны в качестве ве-

ликой державы при сохранении существующего политического режима (самодержавия) и его главной социальной опоры — поместного дворянства. Но в то же время, подчеркивал исследователь, царизм был вынужден содействовать и процессу формирования буржуазии, так как иначе нельзя было решить задачу создания крупной промышленности. А поскольку интересы предпринимательского слоя во многих отношениях расходились с интересами дворян-помещиков, создавалась основа для политического лавирования самодержавия. По выражению Л.Е. Шепелева, «выращивание буржуазии сочеталось с поддержкой дворянства»⁶.

Проблемы взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России, некоторые особенности предпринимательства крестьян нашли отражение в вышедшей в 1983 г. монографии П.Г. Рындзюнского⁷.

Попытка комплексного анализа экономических и социальных сторон истории крупной российской буржуазии в пореформенный период была предпринята В.Я. Лаверычевым⁸. В его монографии на общем фоне социально-экономического развития страны рассматривались источники формирования, структура и численность крупной буржуазии, ее социальный облик, характеризовались формы участия предпринимателей в общественной жизни, их взаимодействие с государственными институтами. В.Я. Лаверычев, отталкиваясь от общего числа выданных в стране купеческих свидетельств и делая ряд допущений (автор, например, считал, что каждое свидетельство распространялось не менее чем на 8 — 10 человек), определял общую численность крупной буржуазии в России в начале 80-х гг. XIX в. приблизительно в 800 тыс. — 1 млн человек. При этом в среде крупной буржуазии он особо выделил богатейшую прослойку, численность которой определил в 50 — 60 тыс. человек⁹. В современной отечественной историографии полученные В.Я. Лаверычевым статистические данные признаются значительно завышенными¹⁰.

В 1970—80-х гг. был издан также ряд работ, посвященных анализу политической позиции российских буржуазных кругов в предреволюционный период начала XX в.¹¹ В основе своей они сохраняют информативную и научную ценность. Однако нельзя не отметить, что на данных исследованиях в особенности сказались идеологические стереотипы, свойственные советской историографии, предопределявшие, по выражению Ю.А. Петрова, «разоблачительный» подход авторов к буржуазии как к объекту исследования¹².

Место крупной буржуазии в сословно-иерархической системе страны, источники ее формирования, структура и численность, организационные формы предпринимательской деятельности в конце XIX — начале XX вв. освещались в работе А.Н. Боханова¹³. Автор уделил значительное внимание такой мало изученной в литературе теме, как торговые дома. Проанализировав состав совладельцев торговых домов, А.Н. Боханов делает важный вывод о том, что торговые дома явились в России первой массовой капиталистической структурой, участники которой рекрутировались в основном за счет выходцев из народных низов. Отметим, что А.Н. Боханов впервые в общероссийской литературе обратил внимание на крупнейшую из созданных в Карелии при активном участии крестьян предпринимательских компаний — «Онежское пароходное общество». Он писал: «Наличие в качестве совладельцев мещан и крестьян не означает, что данное предприятие является небольшим... Несколько крестьян Олонецкой губернии создали пароходную фирму с капиталом более чем 200 тыс. руб.»¹⁴.

Еще один важный вопрос, рассматриваемый в монографии, — определение численности торгово-промышленной буржуазии в начале XX в. На основе данных, собранных в связи с проектом введения подоходного обложения, он определил к 1910 г. численность крупнобуржуазной верхушки в 30 тыс. человек (без членов семей), а вместе с ними примерно в 200 тыс. человек, что составляло около 0,1 %

населения страны¹⁵. Тем самым А.Н. Боханов весьма существенно скорректировал статистические оценки, данные ранее В.Я. Лаверычевым.

Среди других поднятых в монографии проблем (связи крупного капитала с высшими государственными учреждениями, участие в российских компаниях представителей иностранного бизнеса и др.) обращает на себя внимание сюжет о деловой элите России. Автор привел пофамильный перечень 223 представителей крупного бизнеса, концентрировавших в своих руках управляющие функции в 40 % российских акционерных компаний и олицетворявших финансовую олигархию¹⁶. В дальнейшем А.Н. Боханов развил и углубил данный сюжет в специальной работе, изданной в 1994 г.¹⁷

Плодотворную попытку отобразить эволюцию банкирского предпринимательства в дореволюционной России предпринял Б.В. Ананьич в монографии «Банкирские дома в России. 1860 – 1914. Очерки истории частного предпринимательства»¹⁸. Проанализировав политику государства по отношению к банкирским заведениям, автор выявил тенденцию к усилению регламентации банкирского дела со стороны правительственных чиновников, заинтересованных в упрочении административного контроля над экономикой. Материалы, помещенные в приложении к монографии, дают представление о размерах, структуре, основных направлениях операций более чем 150 банкирских фирм накануне Первой мировой войны. На основе комплекса архивных и опубликованных материалов автор дал развернутую и детальную характеристику трех ведущих банкирских домов дореволюционной России — Гинцбургов, Поляковых и Рябушинских.

Процесс становления и развития крупной финансовой буржуазии, возникновения финансово-промышленных групп и их перерастания в монополистические объединения в Российской империи проследил в своей монографической трилогии В.И. Бовыкин¹⁹.

С началом радикальных структурных реформ в начале 1990-х гг. и переходом к рыночной экономике в постсоветской России проблеме формирования и деятельности торгово-промышленного класса в отечественной историографии стало уделяться значительно больше внимания. Благоприятно сказалось на разработке проблемы и снятие идеологического диктата. На основе новых подходов и привлечения вновь выявленного материала в середине — второй половине 1990-х гг. был создан ряд очерков, отражающих основные этапы истории предпринимательства в нашей стране на всем протяжении его существования, начиная с эпохи Средневековья²⁰.

Исследователи также обратились к целому ряду ранее не изучавшихся аспектов темы, разработка которых активно продолжается и в настоящее время. Среди них — история крупнейших предпринимательских династий²¹, конфессиональная и национальная специфика предпринимательства²², культура, быт и духовная жизнь представителей делового мира²³. Значительно активизировалось изучение предпринимательской благотворительности, начатое в переходное время конца 1980 — начала 90-х гг. работой А.Н. Боханова о видных российских меценатах и коллекционерах²⁴. Появился целый ряд исследований по политической истории буржуазии, для которых характерно стремление к объективному рассмотрению вклада предпринимательских кругов в развитие политических процессов в России²⁵.

Важной вехой в отечественной историографии проблемы явился выход в 2000 г. первого коллективного обобщающего труда по истории предпринимательства в России в двух книгах²⁶. В общем введении к монографии авторы, указывая на неоднозначность употребляемых в литературе понятий предпринимательства, дают, на наш взгляд, взвешенную и четкую формулировку данного термина: «Предпринимательство — это индивидуальное или коллективное занятие каким-либо видом экономической деятельности... на-

правленным не на удовлетворение собственных потребностей, а на рыночный сбыт, извлечение прибыли»²⁷.

Во втором томе издания, непосредственно посвященном периоду второй половины XIX — начала XX вв., последовательно освещаются такие вопросы, как правовые основы предпринимательской деятельности в пореформенный период, ее организационные формы, сословная и профессиональная организация деловых кругов, их взаимоотношения с правительственными кругами и рабочим классом. Отдельные разделы посвящены филантропической и меценатской деятельности предпринимателей.

Значительное место проблеме формирования буржуазии уделено в вышедшей в 2004 г. фундаментальной монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, которая посвящена анализу сословно-классовой структуры российского общества в конце XIX — начале XX вв. Авторы используют многофакторный подход к проблемам классовообразования, учитывая не только отношения собственности и ее размер, но также положение в системе производства, способы получения и уровень доходов и связанное с этим качество жизни²⁸. На основе анализа обширного массива законодательных и статистических материалов в работе, в отличие от представлений, закрепившихся в советской историографии, делается вывод о незавершенности в стране процесса формирования буржуазии, как и других классов индустриального общества. В этой связи указывается на крайнюю неоднородность буржуазных кругов, слабую консолидацию средней и мелкой буржуазии.

Авторы подчеркивают, что «удельный вес буржуазии в социальной структуре населения страны был невелик». Даже в наиболее развитых капиталистических центрах страны Петербурге и Москве, по данным городских переписей начала XX в., доля буржуазных хозяев (собственников заведений, использовавших наемный труд) не превышала 7 — 8 % самостоятельного населения²⁹.

Обращаясь к характеристике предпринимательского слоя на основе материалов податной статистики, авторы справедливо обращают внимание на наличие в его среде не только крупной, средней и мелкой буржуазии, но и мелких товаропроизводителей некапиталистического типа, в которых они видят прообраз представителей современного «малого» бизнеса. На общероссийском уровне к мелким товаропроизводителям Н.А. Иванова и В.П. Желтова условно относят владельцев основной части предприятий негильдейского уровня (после принятия закона о промысловом налоге 1898 г. — владельцев предприятий низших разрядов — начиная с малоодоходной части предприятий III разряда в торговле и VI — в промышленности)³⁰. Однако они оговаривают, что в реальной действительности грань между различными социальными группами предпринимателей, и особенно «между мелкой и средней буржуазией, а также мелкой буржуазией и владельцами мелких предприятий некапиталистического типа была в значительной степени условной». По примерным подсчетам Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, к 1908 г. численность владельцев некапиталистических предприятий составляла около 38 % всех лиц, уплачивавших промысловый налог³¹.

Как нам представляется, в условиях окраинной Карелии группа владельцев негильдейских предприятий имела более сложный переходный характер, чем в наиболее развитых районах страны. Она включала в себя как предпринимателей мелкотоварного типа, так и мелких хозяев раннебуржуазного толка, активно применявших методы «первоначального накопления капитала». Лавочник, торговавший по свидетельству мелочного торгога, здесь зачастую одновременно выполнял функции местного кредитора-ростовщика, а также посредника в сбыте крестьянской промысловой и сельскохозяйственной продукции, что обычно не находило отражения в официальной налоговой документации и статистике. Среди мелких пред-

принимателей-торговцев бытовала и практика посреднических операций по перепродаже сезонной рабочей силы лесопромышленникам.

В монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой существенное внимание уделено также вопросу об источниках формирования предпринимательского слоя. Как показано в работе, основное ядро крупной торгово-промышленной буржуазии, к которой авторы относят владельцев заведений первогильдейского уровня, составляло купечество. В то же время выходцы из среды крестьянства и мещанства сосредоточивались в большинстве своем «на более низких этажах социальной лестницы», то есть пополняли в основном ряды средней и мелкой буржуазии, а также предпринимателей мелкотоварного типа³².

Более специализированный характер носит монография М.К. Шаццло, также увидевшая свет в 2004 г. и посвященная проблемам социальной структуры российской буржуазии в конце XIX в. В работе прослежен процесс ослабления сословных начал в сфере предпринимательства в пореформенной России. Автор пришел к выводу, что по мере развития капитализма и либерализации торгово-промышленного законодательства в составе широких предпринимательских кругов в целом снижался удельный вес купцов и одновременно происходили размывание самого купечества и деградация его сословных институтов.

При этом М.К. Шаццло сделал ряд ценных наблюдений, свидетельствующих о слабости сословных купеческих структур на Европейском Севере по сравнению с общероссийским фоном. Он, в частности, обратил внимание на полное отсутствие в северных губерниях — Архангельской и Олонецкой — органов купеческого сословного самоуправления³³, а также отметил, что после принятия «Положения о промысловом налоге» 1898 г. в Олонецкой губернии доля купечества среди предпринимателей являлась одной из самых низких в России (19,4 % против 30 %) ³⁴.

Важным является вывод автора о том, что формирование «среднего слоя» в России шло в одном направлении со странами Запада, поскольку к началу XX в. его основное ядро составляли лица, занимавшиеся торгово-промышленным предпринимательством³⁵.

Заметным вкладом в историографию проблемы явилась подготовленная Г.Н. Ульяновой первая обобщающая монография, посвященная феномену российской благотворительности³⁶. Автор обстоятельно и комплексно проанализировал деятельность существовавших в стране благотворительных институтов. В работе подчеркивается, что в силу отсутствия в Российской империи государственной системы социального обеспечения именно благотворительность являлась базовым элементом всей сферы помощи малоимущим. На большом фактическом материале Г.Н. Ульянова показала ведущую роль предпринимательских кругов в создании и развитии благотворительных структур в пореформенной России. Кроме того, на примере ряда крупнейших городских центров страны рассмотрены региональные аспекты развития благотворительности (небольшие по общероссийским меркам города Европейского Севера остались вне поля зрения исследовательницы).

Значительный интерес вызывает вышедшая в 2006 г. монография видного петербургского специалиста по проблеме М.Н. Барышникова, в которой предпринята плодотворная попытка применения широко используемого в современной экономической науке институционального подхода к анализу развития предпринимательства в стране во второй половине XIX — начале XX вв. Автором убедительно показано, что переход от индивидуального предпринимательства к фирме сопровождался ограничением частных (личных и групповых) интересов и нахождением их баланса с целью повышения прибыльности и повышения конкурентоспособности предприятия. Выстраивание баланса интересов, начинаясь со сферы неформальных отношений (се-

мейно-клановых, земляческих, конфессиональных и т. п.), закреплялось в формальной сфере путем выработки соответствующих юридических документов (договора, контракты, уставы и др.) и организационных решений (выбор формы компании и стратегии ее развития)³⁷.

Многоаспектный анализ российского законодательства второй половины XIX – начала XX вв. в области предпринимательской деятельности предприняла в новой монографии И.В. Поткина³⁸. При этом автор акцентировала внимание на те области законодательства, которые ранее почти не подвергались специальному изучению. Это – право собственности; специфика регулирования деловой активности в сферах торговли, промышленности, транспорта, кредита и страхования; местное торгово-промышленное законодательство на западных окраинах (Финляндия, Польша, Бессарабия). Отмечая длительное сохранение отдельных сословных и национальных ограничений в сфере бизнеса и тенденцию к жесткому государственному регулированию банковского и акционерного дела, И.В. Поткина делает в то же время принципиально важный общий вывод: «Анализ эволюции законодательства на протяжении всего XIX в. и начала XX в. позволил выявить генеральную тенденцию его развития. Она заключалась в несколько замедленной, но все-таки отчетливо выраженной либерализации правовых условий предпринимательской деятельности»³⁹.

Из других исследований последних лет следует выделить также капитальную монографию В.В. Керова о феномене старообрядческого предпринимательства в России⁴⁰ и коллективный труд петербургских историков, анализирующих фирму как важнейший институт в системе отечественного предпринимательства⁴¹.

Для научного понимания процесса формирования и деятельности торгово-промышленного класса в масштабе всей страны наряду с исследованиями общероссийского характера важны также труды, посвященные его отдель-

ным региональным отрядам. Первые специальные работы данного плана, посвященные буржуазии Москвы и Сибири, подготовленные А.С. Нифонтовым, М.Л. Гавлиным и Г.Х. Рабиновичем, появились в середине 1950 — начале 1980-х гг.⁴² Однако для советской историографии они были редким исключением.

В последние два десятилетия (с начала 1990-х гг.) региональная историография проблемы развивается исключительно активно. Вышел ряд ценных монографических исследований, посвященных буржуазии столичных городов — Петербурга и Москвы⁴³. Плодотворно разрабатывается данная тема также на материалах губерний Европейского Центра⁴⁴, Юга России⁴⁵, Поволжья⁴⁶, Урала⁴⁷ и особенно Сибири⁴⁸. Большое внимание уделяется вкладу отдельных, как столичных, так и провинциальных предпринимателей и предпринимательских династий в экономическое и социокультурное развитие дореволюционной России⁴⁹.

К сожалению, на общероссийском фоне история становления и развития предпринимательства на Европейском Севере в пореформенную эпоху до сих пор исследована недостаточно и фрагментарно. Выделяется обстоятельное исследование Е.И. Овсянкина, посвященное купеческому сословию Архангельска за период от возникновения города до 1917 г.⁵⁰ Роль частных предпринимателей в становлении морского пароходства в регионе показана в работе Г.П. Попова и Р.А. Давыдова⁵¹. Имеется также диссертация В.В. Тевлиной, в которой рассматривается исключительно проблема иностранного капитала в регионе⁵². Вклад купечества г. Вологды в развитие промышленности нашел некоторое отражение в статье Г.Н. Козиной⁵³. Что же касается территории Карелии, проблема формирования и деятельности торгово-промышленного класса, принципиально важная для объективного понимания истории края во второй половине XIX — начале XX вв., к настоящее-

му времени остается почти неразработанной. Значительных специальных исследований по данной проблематике на материале Карелии нет.

Некоторые сведения о процессе зарождения местной буржуазии можно почерпнуть из работ Я.А. Балагурова⁵⁴. В монографии «Приписные крестьяне Карелии в XVIII — XIX вв.» рассматриваются крестьянская торговля, переход крестьян в городские сословия, предпринимательская деятельность богатых приписных крестьян Олонецкого горного округа в дореформенный период XIX века. В работе «Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии» приводятся данные о существовавших в крае во второй половине XIX — начале XX вв. частных заводах⁵⁵.

Краткую информацию о предпринимательстве в деревне Карелии в пореформенный период можно найти в вышедших в конце 1950-х гг. статьях Г.А. Нефедовой, посвященных более общим проблемам экономической истории края⁵⁶.

В последнее время отмечается определенное оживление интереса карельских историков к рассматриваемой теме. В 1994 г. нами была опубликована небольшая статья о крестьянском предпринимательстве в Карелии в пореформенный период⁵⁷. С обзорной статьей общего характера о формировании торгово-промышленного класса в крае в XVIII — первой трети XX вв., которая основана на опубликованных источниках и литературе, выступил В.Г. Баданов⁵⁸. Несколько публикаций об отдельных видных представителях делового мира Карелии осуществила Т.А. Мошина⁵⁹.

В вышедшей в 2004 г. монографии В.В. Ефимовой, посвященной правовым, социальным и финансово-бюджетным аспектам деятельности органов городского самоуправления Петрозаводска в 1870 — 1918 гг., некоторое внимание уделено и участию в работе этих органов представителей местного делового мира⁶⁰. Ряд докладов и сообщений краеведческого плана о династии петрозаводских купцов Пименовых и традициях купеческой благотворительности были пред-

ставлены на состоявшейся в 2007 г. научно-практической конференции «Пименовские чтения»⁶¹.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают 1861 – 1914 гг. Начальный рубеж определяется реформой 1861 г., давшей определенный простор развитию торгового и промышленного капитала в России. Заключительный рубеж – 1914 год, начало Первой мировой войны, которая положила конец мирному, эволюционному периоду развития отечественной экономики и привела к расстройству хозяйственной и финансовой системы российского государства. В отдельных случаях при отсутствии соответствующей информации за более ранний период нами используются данные, относящиеся к 1914 – 1917 гг.

Территориальные рамки работы включают в себя четыре уезда Олонецкой губернии (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий, Пудожский) и Кемский уезд Архангельской губернии, вошедшие в 1920 г. в состав Карельской Трудовой Коммуны, а затем Карельской АССР.

Непосредственным объектом исследования является предпринимательская среда карельского края, вне зависимости от сословной принадлежности конкретных ее представителей к купечеству, крестьянству, мещанству либо иным группам населения. Деятельность пришлых (иногогородних) и иностранных предпринимателей в Карелии затрагивается попутно, при освещении общих вопросов торгового-промышленного развития края.

При работе над темой автору пришлось столкнуться с рядом объективных трудностей, связанных с особенностями корпуса источников. В Карелии не сложилось корпоративных предпринимательских организаций, подобных, например, купеческим управам, и поэтому не существует единых комплексных фондов по поднятым в исследовании вопросам. Практически не дошли до нас и фонды частных торговых и промышленных предприятий, принадлежавших местным представителям делового мира. Как правило, материалы о раз-

ных сторонах деятельности предпринимателей расплывены по многим фондам, делам и отдельным документам, потребовалось немало усилий по их поиску и выявлению. В силу характера самой предпринимательской деятельности и требований законодательства деловыми людьми и контролирующими органами соблюдался принцип коммерческой тайны. Поэтому многие конкретные реалии деловых операций вообще не получили отражения в источниках.

Вместе с тем выявленные нами материалы в целом позволяют раскрыть тему и ответить на поставленные вопросы. Основой для написания монографической работы послужили неопубликованные документы из фондов Национального архива Республики Карелия (далее НА РК).

Наиболее ценный комплекс материалов по истории предпринимательства в крае сосредоточен в фонде Олонецкой губернской казенной палаты (Ф. 4). Казенная палата, подчинявшаяся Министерству финансов, производила раскладку налогов и вела наблюдение за их поступлением, осуществляла надзор за частной торговлей и промышленностью.

В составе фонда по своей информативной значимости особенно выделяются «Журналы генеральных проверок торговых и промышленных заведений», а также «Ведомости о числе выданных торговых документов» и списки лиц, получивших купеческие и иные торгово-промышленные свидетельства. Данные источники дают возможность составить представление о численности и составе владельцев торговых и промышленных заведений края, о размерах и характере деятельности частных торгово-промышленных предприятий. Значительный интерес представляют также материалы о переходе крестьян и мещан в купеческое сословие. К сожалению, некоторые важные документы этого фонда за изучаемый период утрачены (в частности, ведомости о выдаче торговых свидетельств за целый ряд лет).

Материалы фонда казенной палаты позволяют дополнить и уточнить документы, хранящиеся в фондах подат-

ных инспекторов Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского уездов Олонецкой губернии (Ф. 6, 7, 8), осуществлявших на местах контрольные функции в отношении частных торгово-промышленных предприятий.

Документы контрольно-ревизионного учета в отношении коммерческих заведений, действовавших на территории Кемского уезда Архангельской губернии, в НА РК отложились в фонде местного податного инспектора (Ф. 304) и частично раскладочного присутствия (Ф. 552). В фонде Кемского уездного казначейства (Ф. 226) сохранились карточки заявлений предпринимателей за ряд лет о выдаче им патентов на торгово-промышленные заведения.

Обращаясь к официальной статистике оборотов, необходимо иметь в виду, что в Российской империи она в значительной степени формировалась на основе показаний самих владельцев торгово-промышленных предприятий, корректировавшихся затем членами податных (раскладочных) присутствий и податной инспекцией. Обязательного ведения учетных торговых книг из-за низкого уровня грамотности населения закон не требовал. Вследствие этого абсолютные цифры товарооборотов, несомненно, приходится оценивать как заниженные по сравнению с действительностью⁶². Тем не менее при отсутствии другой учетной документации и при опоре прежде всего на относительные показатели данная статистическая информация позволяет в какой-то мере прояснить и конкретизировать динамику развития предпринимательства.

В фондах канцелярии олонецкого губернатора (Ф. 1) и Олонецкого губернского правления (Ф. 2) наиболее ценными для нас являлись материалы, дающие сводную характеристику торгово-промышленного развития края, а также дела, связанные с представлениями к наградам деятелей местного делового мира за коммерческую и общественную деятельность. Они нередко содержат важные биографические подробности и любопытные личностные характеристики предпринимателей.

В фондах Олонецкой палаты гражданского и уголовного суда (Ф. 9) и Петрозаводского окружного суда (Ф. 30) наше внимание привлекли дела с документами о разделе и наследовании имущества и капиталов отдельных купцов, торгующих крестьян и мещан, о конфликтах между предпринимателями. Ценные, хотя и разрозненные материалы о создании и деятельности крупнейшей местной компании — товарищества «Онежское пароходное общество» — имеются в фонде нотариуса Петрозаводского окружного суда (Ф. 372). К сожалению, документальный комплекс данного фонда пострадал при эвакуации архива в годы Великой Отечественной войны и в целом сохранился слабо, многие его дела были заново сформированы из россыпи.

В фонде Олонецкого губернского статистического комитета (Ф. 27) содержатся статистические материалы, отражающие общие показатели торгово-промышленного развития края.

Отдельные документы, позволяющие охарактеризовать общественную и благотворительную деятельность предпринимателей, сохранились в фондах Петрозаводской городской думы (Ф. 71), инспекторов народных училищ Петрозаводского и Олонецкого уездов (Ф. 78, 335), Главного совета Александрo-Свирского православного братства (Ф. 114), Олонецкого губернского попечительства детских приютов (Ф. 337) и некоторых других документальных комплексах НА РК.

Интересные мемуарные свидетельства о представителях делового мира дореволюционного Петрозаводска содержатся в воспоминаниях местного старожилы, бывшего чиновника Олонецкой духовной консистории И.М. Никитина (1881 — 1965), написанных в 1950-х гг. и хранящихся в архиве Карельского государственного краеведческого музея⁶³.

В работе использованы также материалы, представленные в юбилейных документальных сборниках «Петрозаводск: 300 лет истории»⁶⁴.

Для характеристики правовых условий предпринимательской деятельности автор обращался к Полному собранию законов Российской империи (собрание II и III; далее ПСЗ), где сосредоточены основные законодательные акты по данному вопросу.

Значительную ценность как источник по теме нашего исследования представляет местная периодическая печать. В газетах «Олонецкие губернские ведомости» (далее ОГВ), «Архангельские губернские ведомости», журналах «Вестник Олонецкого губернского земства» (далее ВОГЗ), «Известия Общества изучения Олонецкой губернии» довольно часто публиковались материалы о коммерческой и общественной деятельности предпринимателей, о развитии торговли и промышленности в крае, помещались некрологи наиболее видных деятелей местного делового мира. Несколько интересных публикаций о проблемах деловой жизни успело появиться на страницах кратковременно издававшейся (июнь – сентябрь 1906 г.) кадетской газеты «Олонецкий край», закрытой властями. Отдельные сведения о благотворительности предпринимателей содержатся на страницах журнала «Олонецкие епархиальные ведомости».

Ценным справочным источником являются «Памятные книжки» и «Адрес-календари» Олонецкой и Архангельской губерний. Они содержат материалы о личном составе государственных, коммерческих и благотворительных учреждений края, в отдельных выпусках приводятся также статистические сведения, списки заводов и фабрик, крупнейших купцов и промышленников, владельцев паровых судов.

Из дореволюционных справочно-информационных изданий общероссийского характера наиболее важное значение для данной работы имели указатели и списки промышленных предприятий, а также списки торговых домов и акционерно-паевых предприятий⁶⁵. Таков основной корпус источников, использованных нами для раскрытия темы исследования.

¹ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861 – 1892). М., 1960.

² Гиндин И.Ф. Государственный банк... С. 17.

³ Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2, 3; Он же. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. // История СССР. 1966. № 3.

⁴ Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. Недавно издательство Санкт-Петербургского университета выпустило второе издание этой ценной книги, дополнив его рядом журнальных публикаций автора по проблеме (Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России XIX – начала XX в. СПб., 2006).

⁵ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; Он же. Царизм и буржуазия в 1904 – 1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.

⁶ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 19.

⁷ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983.

⁸ Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861 – 1900 гг.). М., 1974.

⁹ Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 70 – 71.

¹⁰ Шацилло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX в. М., 2004. С. 174 – 175.

¹¹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в 1905 – 1907 гг. М., 1970; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905 – 1917 гг. Л., 1977; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. Л., 1988; Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981; Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

¹² Петров Ю.А. Московское предпринимательство в контексте экономической и политической истории России. Вторая половина XIX – начало XX в. / Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2007. С. 156.

¹³ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Там же. С. 255 – 256.

¹⁶ Там же. С. 199 – 212.

¹⁷ Боханов А.Н. Деловая элита России. М., 1994.

¹⁸ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860 – 1914: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006.

¹⁹ Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Он же. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. – 1908 г. М., 1984; Он же. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.

²⁰ Барышников М.Н. История делового мира России. М., 1994; Кузьмичев А.Д. Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М., 1995; Шендаков Г.Н. История предпринимательства и коммерции в России. Волгоград, 1996; Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997; Предприниматели и предпринимательство в России. От истоков до начала XX в. М., 1997 и др.

²¹ Мартынов С.Д. Деловая Россия: финансы и банкирский промысел: Штигилиц, Гинцбурги, Поляковы, Рябушинские. СПб., 1993; 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995; Барышников М.Н. Предпринимательство и предприниматели России: Историко-биографический справочник. М., 1997 и др.

²² Писемский В.А., Калашнов Ю.Н. Православие и духовный тип российского предпринимателя // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1. Ч. 2; Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. М., 1994; Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации предпринимательства в России. СПб., 1999; Ананьич Б.В. Предпринимательство в России (Религиозно-национальный аспект) / Экономическая история России XIX – XX вв. Современный взгляд. М., 2001. С. 243 – 253 и др.

²³ Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв.: Сб. статей. М., 1996; Брянцев М.В. Культура русского купечества (воспитание и образование). Брянск, 1999; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999 и др.

²⁴ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Нещеретный П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993; Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996; Горбунова Е.Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX – XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Прохоров В.Л. Российское предпринимательское благотворение: неизвестные страницы (XIX – начало XX вв.). М., 1998; Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001 и др.

²⁵ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное

направление в русском либерализме. М., 1996; Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России. СПб., 1997; Зиновьев А.П. Политические партии и общественные объединения промышленников и предпринимателей России на рубеже XIX – XX веков: Учебное пособие. М., 2000 и др.

²⁶ История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в.; Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000.

²⁷ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 5.

²⁸ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 7, 556.

²⁹ Там же. С. 345, 353.

³⁰ Там же. С. 383, 390 – 391.

³¹ Там же. С. 400.

³² Там же. С. 452 – 453, 555.

³³ Шацилло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX в. С. 72.

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Там же. С. 195.

³⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005.

³⁷ Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006.

³⁸ Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX вв. М., 2009.

³⁹ Там же. С. 278.

⁴⁰ Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

⁴¹ Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб., 2007.

⁴² Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (по материалам переписей населения г. Москвы в 70 – 90-х гг. XIX в.) // Ист. зап. М., 1955. Т. 54. С. 239 – 250; Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 168 – 188; Он же. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период // Ист. зап. М., 1973. Т. 92; Он же. Московский торгово-промышленный капитал в конце XIX в. (По материалам гильдейского налогообложения) // Русский город. М., 1981. Вып. 4; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Томск, 1975.

⁴³ Поткина И.В. Деловая Москва: Очерки по истории предпринимательства. М., 1997; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914. М., 1999; Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2006; Павлова О.К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге. Вторая половина XIX – начало XX вв. СПб., 2007 и др.

⁴⁴ Захаров В.В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1996; Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX вв. Рязань, 1996; Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000; Жирова И.А., Федорова О.Н. Очерки истории предпринимательства в Липецком крае в конце XIX – начале XX в. Липецк, 2006; Лавицкая М.И. Орловское купечество второй половины XIX – начала XX в. Орел, 2007 и др.

⁴⁵ Самарина Н.В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914). Ростов н/Д, 1992; Шеховцова Н.А. Развитие предпринимательства на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002; Качалян А.С. Горнопромышленники юга России в конце XIX – начале XX века: предпринимательский менталитет: Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003; Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе Кавказских Минеральных Вод. 1780–1917 гг. Пятигорск, 2003; Еременко А.А. Акционерное дело на Дону (1860-е–1914 гг.). Ростов н/Д, 2005 и др.

⁴⁶ Сухова О.А. Провинциальное предпринимательство: основные направления деятельности и культурная среда второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998; Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2000; Бессолицын А.А. Становление предпринимательских организаций в Поволжье. Конец XIX – начало XX в. Волгоград, 2004; Самарское купечество: вехи истории / Под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006 (2-е изд., 2008); Литвинова И.Н. Буржуазия Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006 и др.

⁴⁷ Бухаров Е.Е. Развитие предпринимательства в России в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Урала: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Баяндина Н.П. Пермь купеческая. Пермь, 1997 (2-е изд., 2002); Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск,

2001; Кружкова Т.И. Деятельность представителей делового мира Урало-Сибирского региона (во второй половине XIX – начале XX вв.), Екатеринбург, 2002; Пашкова О.Н. Купечество Южного Урала во второй половине XIX века: по материалам Оренбургской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002 и др.

⁴⁸ Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX вв. Красноярск, 1995; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1–4. Новосибирск, 1994 – 1999; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001 и др.

⁴⁹ Гавлин М.Л. Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. М., 1991; Он же. Из истории российского предпринимательства: династия Кнопов. М., 1995; Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997; Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998; Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегородского предпринимательства XVII – начала XX в. Н. Новгород, 1999; Усанов Б.П. Николай Иванович Путилов – ученый, инженер, предприниматель. СПб., 2000 и др.

⁵⁰ Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. В настоящее время в Интернете размещено 2-е, дополненное издание исследования. См.: Электронный ресурс. Режим доступа: http://lit.lib.ru/o/owsjankin_e_i/text_0030.shtml

⁵¹ Попов Г.П., Давыдов Р.А. Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX в. Кн. 1. Екатеринбург – Архангельск, 2003.

⁵² Тевлина В.В. Иностранное предпринимательство на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1994.

⁵³ Козина Г.Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX вв.) // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 85 – 148.

⁵⁴ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962.

⁵⁵ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии (1861 – 1917). Петрозаводск, 1968.

⁵⁶ Нефедова Г.А. Важнейшие промыслы карельских крестьян в пореформенный период (1862 – 1905 гг.) // Учен. зап. Петрозавод. ун-та. 1957. Т. 6. Вып. 1. С. 74 – 87; Она же. Торговля Карелии после отмены крепостного права в России (1861 – 1900 гг.) // Учен. зап. Карел. пед. ин-та. 1960. Т. 9. С. 27 – 33.

⁵⁷ Кораблев Н.А. Крестьянское предпринимательство в Карелии во второй половине XIX в. / Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 56 – 67.

⁵⁸ Баданов В.Г. Из истории становления торгово-промышленного класса в Карелии (XVIII – XX вв.) / Становление предпринимательства в Республике Карелия: опыт и проблемы переходного периода 1991 – 2003 гг. Петрозаводск, 2003. С. 93 – 119.

⁵⁹ Мошина Т.А. Градоначальники Пименовы: из истории городского самоуправления // Север. 1998. № 11. С. 108 – 110; Она же. Купец и городской голова В.Д. Лысанов: штрихи к портрету // Краевед. 10 лет. Петрозаводск, 1999. С. 78 – 80; Она же. Заонежанин Лысанов – предприниматель, общественный деятель, изобретатель, знаток и популяризатор культуры // Рябининские чтения – 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 80 – 82.

⁶⁰ Ефимова В.В. Петрозаводское городское самоуправление (1870 – 1918). Петрозаводск, 2004.

⁶¹ Пименовские чтения – 2007: Материалы городской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2007.

⁶² Это обстоятельство признавали и представители местных ревизионных органов того времени. Так, управляющий Олонецкой казенной палатой Н.П. Бильбасов в 1904 г. при обсуждении планов разработки нового положения о промысловом налоге писал: «Обороты по действующему ныне Положению определяются раскладочными присутствиями слишком приблизительные, ... причем замечается, что обороты ... у более или менее крупных торговцев в большинстве случаев, ниже действительных». НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 64/119. Л. 88 об. – 89.

⁶³ Архив Карельского Государственного краеведческого музея (далее КГКМ). Д. 771.

⁶⁴ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. 1803 – 1903. Петрозаводск, 2001; Кн. 3. 1903 – 2003. Петрозаводск, 2003.

⁶⁵ Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим Княжеством Финляндским. 2-е изд. СПб., 1881; Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1894; Список фабрик и заводов России 1910 г. М. – СПб. – Варшава, 1912; Акционерно-паевые предприятия России. М., 1913; Вся торгово-промышленная Россия. Киев, 1913; Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Изд. 2-е. Пг., 1914; Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг., 1915.

ГЛАВА I

Условия для развития предпринимательства в крае. Численность, источники формирования и состав предпринимательского слоя

Отмена крепостного права правительством Александра II в 1861 г. открыла для России путь к утверждению капиталистической рыночной экономики на основе широкого развития частного предпринимательства. В сферу коммерческой жизни активно втягивались представители всех слоев и социальных групп населения. Развитию предпринимательства способствовали и осуществленные правительством реформы в области торгово-промышленного налогообложения. Принятое в 1863 – 1865 гг. «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» в значительной степени устраняло сословное неравенство в правах на занятие предпринимательской деятельностью. Устанавливалось, что отныне «как купеческие, так и промысловые свидетельства могут выдаваться лицам обоего пола русским подданным всех состояний и иностранцам»¹. Отменялась особая категория «торгующих крестьян». Вместо прежних трех сохранялись две купеческие гильдии, запись в них давала некоторые преимущества (освобождение от уплаты податей, рекрутской повинности, телесных наказаний и др.).

Однако приобретать гильдейские свидетельства разрешалось и без перечисления в купечество, «с сохранением в настоящем звании». Правда, в последнем случае крестьяне, помимо уплаты гильдейских пошлин, были обязаны уплачивать все сборы и отбывать повинности как по своему сель-

скому обществу, так и по городскому, где выбиралось свидетельство², что являлось очевидным сословным анахронизмом. Некоторые особо доходные виды деятельности оставались привилегией купечества, преимущественно первогильдейского (оптовая торговля, банковское и страховое дело, содержание крупных промышленных и транспортных предприятий).

Законодатель стремился учесть различия в уровне экономического развития отдельных регионов страны. За исключением купеческих свидетельств 1-й гильдии, устанавливалась дифференцированная оплата свидетельств на право занятия торговлей и промыслами по пяти классам (разрядам) местностей. В целом дифференциация местностей вполне отвечала сложившимся реалиям хозяйственной жизни.

К I классу были отнесены наиболее крупные промышленные и коммерческие центры обширной империи: Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Рига. Во II класс вошли 23 города, выделявшиеся численностью населения и оживленной экономической жизнью. Из городов Европейского Севера России в данной категории оказался только Архангельск — крупный портовый и лесопромышленный центр общероссийского значения. Административный центр Олонецкой губернии — г. Петрозаводск был отнесен к III классу городских и сельских местностей «с существующей мануфактурной промышленностью»; Петрозаводский и Олонецкий уезды, лежащие на Онежско-Ладожском водном пути, — к IV классу местностей, а Повенецкий и Пудожский — к низшему, V классу. К этому же классу причислили и Кемский уезд Архангельской губернии³.

По сравнению с дореформенным временем стоимость торгово-промышленных патентов была значительно снижена. По положению 1865 г. за купеческое свидетельство 1-й гильдии полагалось уплатить 265 руб. (вместо 660 руб. до реформы); за свидетельство 2-й гильдии в местностях I класса — 65 руб., II класса — 55 руб., III класса — 45 руб., IV класса

— 35, V класса — 25 руб. Ранее цена свидетельства 2-й гильдии повсеместно в России составляла 264 руб. Стоимость промысловых свидетельств на мелочный торг в местностях III—V классов была установлена в размере от 8 до 15 руб. в год, тогда как купцам прежней 3-й гильдии приходилось платить за свидетельство 50—75 руб.⁴ Кроме свидетельств, надо было приобрести также билет на каждое торговое или промышленное предприятие, стоимость которого, например, в местностях III класса по 1-й гильдии равнялась 20, а по 2-й гильдии — 15 руб.

Существенные льготы предоставлялись мелким сельским промышленникам. Крестьяне без выборки торговых документов и уплаты пошлин могли содержать «сельскохозяйственные заведения, как-то маслобойни, лесопильни, кирпичные заводы и др. тому подобные» в селениях, к которым они были приписаны, при условии, если в заведениях имелось не более 16 рабочих и не употреблялись машины и снаряды, приводимые в движение паровым двигателем⁵.

В середине 1880-х гг., в условиях, когда, с одной стороны, правительство взяло курс на постепенную отмену подушной подати и снижение выкупных платежей, а с другой, — обозначились первые успехи торгово-промышленного развития страны, был предпринят ряд мер, направленных на усиление налогообложения предпринимательской деятельности. С изданием в 1884 г. Закона «О более равномерном обложении торговли и промышленности» ставки налога за выдачу документов на право торговли и промыслов были заметно повышены. Теперь за свидетельства 1-й гильдии сбор устанавливался в 565 руб., 2-й гильдии, в зависимости от класса местности — от 40 до 120 руб., и за свидетельства на мелочный торг — от 10 до 30 руб.⁶ Однако и эти ставки налогов были ниже дореформенных.

Законом от 15 января 1885 г. «О налогообложении промышленности и торговли» вводился дополнительный сбор с крупных предприятий. Акционерные компании, обязанные

публичной отчетностью, должны были уплачивать его в виде 3-процентного сбора с чистой прибыли. Для неакционерных гильдейских предприятий устанавливался примерно равный ему по размеру так называемый раскладочный сбор. Этот сбор взимался с предполагаемой прибыли заведений, содержащихся по свидетельствам на право промыслов и торговли⁷. С 1889 г. к платежу раскладочного сбора были привлечены и негильдейские предприятия.

По закону от 30 апреля 1885 г. учреждалась должность участковых податных инспекторов, на которых возлагался надзор за доходностью торгов, промыслов и имуществ, подлежащих обложению. В обязанности податных инспекторов входили наблюдение за размерами доходов, их сокрытием и занижением, контроль за поступлением сборов. Податные инспектора должны были председательствовать в уездных податных присутствиях, которые создавались по закону от 15 января 1885 г. для выполнения поручений казенной палаты по наблюдению за сбором пошлин с торговли и промыслов. На губернском уровне также создавалось по податным делам присутствие под председательством управляющего казенной палатой, заведовавшее дополнительным сбором с торгово-промышленных предприятий⁸.

Наряду с этими мерами Департаментом торговли и промышленности Министерства финансов проводилась работа по корректировке градации местностей по уровню экономического развития. Соответствующий запрос в 1887 г. был направлен и к управляющему Олонецкой губернской казенной палатой. Опросив уездных податных инспекторов, управляющий категорически высказался за сохранение прежнего статуса за местностями карельского края. «Экономическое положение Олонецкой губернии, — писал он, — весьма не высоко, и, несомненно, можно сказать, со времени введения в действие Положения о пошлинах торговли и промыслов не сделало успехов... Возвышение класса для каких-либо пунктов... по платежу торговых пошлин, я при-

знавал бы, не имеющим прочной опоры в действительной экономической жизни»⁹. Вряд ли речь шла об отсутствии экономического прогресса в крае, скорее дело заключалось в том, что на фоне России в целом этот прогресс был не столь заметным. Пожелания главы местного финансового ведомства в центре были приняты во внимание.

Последней крупной реформой в системе торгово-промышленного налогообложения в дореволюционной России стало принятие в 1898 г. нового положения о государственном промысловом налоге, которое окончательно подорвало сословные начала в торгово-промышленной жизни страны. Хотя прежний, патентный принцип обложения в своей основе оставался, единицей обложения отныне становилось не лицо или учреждение, а предприятие или промысел. Полностью устранилась связь между покупкой промыслового свидетельства для предпринимательских занятий и получением купеческих документов. Гильдейский сбор хотя и сохранялся, но из основного промыслового налога превращался в сбор за принадлежность к купечеству. Тем самым положение 1898 г. открыло путь к окончательному размыванию купеческого сословия¹⁰.

Для выборки свидетельств и уплаты патентных сборов все промышленные предприятия были разделены на 8 разрядов, а стационарные торговые предприятия — на 4 разряда¹¹. Причисление предприятия к тому или иному разряду осуществлялось главным образом на основе внешних признаков (характер производства и торговли, число помещений, приказчиков и т. д.). Так, например, основную часть торговых заведений I разряда составляли оптовые магазины и склады; крупные предприятия, занимавшиеся скупкой сельхозпродуктов с оборотом более 300 тыс. руб. в год; кредитные учреждения с основным капиталом свыше 200 тыс. руб.; частные банкирские дома и конторы¹².

Патенты II разряда выбирали магазины и лавки, осуществлявшие продажу товаров потребителям и мелким торговцам;

предприятия по скупке сельхозпродуктов на сумму от 50 до 300 тыс. руб. в год; частные винные склады и т. п. К III разряду были отнесены мелкие розничные лавки и трактирные заведения. К IV разряду относились ларьки и палатки, в которых не применялся труд наемных приказчиков.

Шкала ставок основного (патентного) налога для первых пяти разрядов промышленных предприятий (ранжировалась в пределах от 1500 руб. до 50 руб.) была единой для всей страны. Одинаковый уровень налога (500 руб.) предусматривался также для I разряда стационарных торговых предприятий. Для более низких разрядов предприятий (с VI по VIII — для промышленных и со II по IV — для стационарных торговых) устанавливалась дополнительная дифференциация налоговых ставок в зависимости от класса местностей в соответствии с уровнем их экономического развития. Столицы — Петербург и Москва — были поставлены вне классов, а остальные регионы и города разделены на четыре класса. Административный центр Олонецкой губернии г. Петрозаводск был отнесен к 3-му классу, а вся остальная территория Карелии — к низшему, 4-му классу. Ставки основного налога в местностях 3-го класса были примерно вдвое, а в местностях 4-го класса — втрое ниже, чем в местностях 1-го класса¹³. Приобретение при желании, кроме патента на предприятие, еще и купеческого свидетельства, обходилось в 75 рублей по 1-й гильдии и в 30 рублей по 2-й гильдии.

Наряду с патентным сбором, по новому положению, сохранялся и дополнительный налог, введенный в середине 1880-х гг. Он был различен для неакционерных и акционерных предприятий. Первые должны были уплачивать раскладочный сбор, сумма которого определялась на 3 года в законодательном порядке и затем разверстывалась по губерниям, уездам и отдельным предприятиям исходя из местных условий и экономического состояния предприятий. Кроме того, неакционерные предприятия уплачивали процентный сбор в

размере 3,3 % с той части прибыли, которая в 30 раз превышала сумму основного промыслового налога. Размеры дополнительного раскладочного сбора исчислялись не из «предполагаемой прибыли», как ранее, а из расчета средней прибыли для разного типа предприятий за прошедший год.

Акционерные компании должны были уплачивать налог с основного капитала и с прибыли (процентный сбор). Налог с капитала составлял 0,15 %, т. е. 15 коп. с каждой сотни руб. капитала. Сбор с прибыли взимался в размере от 3 до 6 %, если прибыль была более 3, но меньше 10 %; при большей прибыли уплачивались 6 % со всей суммы прибыли плюс 5 % с излишка прибыли сверх 10 %.¹⁴

Важным нововведением для условий Карелии и Европейского Севера было то, что по положению 1898 г. по сути дела впервые подвергались податному учету и налогообложению лесозаготовки как самостоятельный вид производства. Ранее они подлежали специальному оформлению и контролю только в том случае, если сопровождалась устройством особых дворов, складов и амбаров, что, как правило, предпринимателями не практиковалось. Официальный комментатор нового закона писал по данному поводу: «Все означенные торговые промыслы, часто очень крупные, и прибыльные ускользали от обложения»¹⁵.

Положение сохраняло некоторые льготы для мелких сельских промышленников. Так, не требовалось выборки патентов для создания предприятий по первичной переработке продуктов местного сельского хозяйства и занятия ремеслом или крестьянскими промыслами «с помощью одних только членов семьи или одного наемного рабочего». На этих же условиях разрешалось вести разработку лесов при помощи не более 4-х наемных рабочих, содержать вне городов лесопилни, имеющие не более одной пилорамы (даже при наличии механического двигателя); мельницы, имеющие не более 4-х поставов; кирпичные и смолокурные заведения с числом рабочих не более 20-ти¹⁶. Необходи-

мо отметить, что в условиях Карелии под эти льготы подпадали, за единичными исключениями, почти все мелкие сельские промышленные заведения.

В 1906 г. был принят закон, расширивший круг неакционерных предприятий, обязанных уплачивать процентный сбор с прибыли. Размер этого сбора устанавливался теперь в 5 % с той части прибыли, которая в 20 раз превышала оклад основного промыслового налога. Тем же актом был повышен налог с капитала акционерных предприятий до 0,2 %, а также процентный сбор с их прибыли¹⁷.

В начале XX в. в России активно дебатировался вопрос о переходе от патентной системы торгово-промышленного обложения к подоходной, применявшейся в большинстве стран Западной Европы и более отвечавшей реалиям рыночной экономики. В итоге в 1916 г. закон о подоходном налоге был разработан и принят, но до Февральской революции он так и не вступил в силу¹⁸.

По оценкам исследователей, пореформенное российское торгово-промышленное законодательство хотя и отставало в своем развитии от законодательства ведущих стран Западной Европы, не противоречило принципам свободы предпринимательства и в целом создавало для предпринимателей благоприятный правовой режим¹⁹.

По сравнению с центром Европейской России условия для занятия предпринимательской деятельностью в Карелии были более сложными. Отдаленный северный край относился к числу слабозаселенных аграрно-промысловых районов страны. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 г., здесь проживало 215 тыс. чел. По уровню плотности населения (1,9 чел. на кв. версту) Карелия к концу XIX в. стояла гораздо ближе к Сибири (0,8 чел.), чем к Европейской России в целом (17,5 чел. на кв. версту)²⁰. Подавляющая часть населения (в 1897 г. — 197 тыс. чел., или 91,2 %) проживала в мелких сельских поселениях, разбросанных на обширной территории. В крае не было крупных

городов. В административном центре Олонецкой губернии г. Петрозаводске к 1897 г. насчитывалось 12,5 тыс. жителей, это был самый маленький губернский город в России. В уездных городах — Олонце, Повенце, Пудожье и Кеми проживало по 1 — 2 тыс. чел.²¹ Они не обрели промышленного значения и играли роль локальных административно-торговых центров.

Необходимо отметить, что в отношении перечисленных в сословие мещан бывших мастеровых крупнейшего в крае казенного Александровского завода, составлявших вместе с членами семей треть населения Петрозаводска (около 4 тыс. чел.), при проведении реформы 1861 г. было установлено законодательное ограничение прав на предпринимательскую деятельность. Статья 11-я «Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» от 8 марта 1861 г. гласила, что «увольненные от обязательной службы горнозаводские люди... могут заниматься промыслами и торговлей, наряду с прочими свободными обывателями», но при этом им не дозволялось «устраивать в заводских селениях такие промышленные заведения, в которых производство основывается... на огненном действии, требующем дров или угля», а также воспрещалось «устройство лесопильных мельниц и производство торговли лесом»²². Тем самым закон нарушал в отношении бывших мастеровых принцип свободы предпринимательства. Особенно абсурдным являлось запрещение заниматься лесопилением и торговлей древесиной в центре богатого лесом края. Это ограничение стало одним из факторов, сдерживавших экономическое развитие пореформенного Петрозаводска, да и края в целом.

В течение рассматриваемого периода сохранялась известная транспортная оторванность Карелии от центра страны; слабой и архаичной, даже по российским меркам, оставалась внутрикраевая дорожная сеть. В письме олонецкого губернатора П.П. Шиловского, разосланном в уездные земские

управы в феврале 1913 г., отмечалось: «Недостаток удобства путей сообщения является одним из тормозов экономического развития Олонецкой губернии»²³. Вплоть до Первой мировой войны край не имел прямого выхода к формирующейся железнодорожной системе России. Установившееся в пореформенный период XIX в. пароходное сообщение по Онежско-Ладожскому водному пути и Белому морю обслуживало в основном юго-восточную часть края и поморские волости Кемского уезда. Навигация продолжалась в течение 5-6 месяцев. С ее закрытием связи Карелии с центром страны резко ослабевали. Местный рынок традиционно реагировал на это событие значительным повышением цен. Губернатор М.И. Зубовский в обзоре края за 1914 г. констатировал: «Товарообмен в Олонецкой губернии производится, главным образом, в пору навигации»²⁴.

Основными сухопутными дорогами оставались начинавшиеся от Петрозаводска старинные почтовые тракты на Петербург, Вытегру и Повенец (последний усилиями земства в 1878 г. был продлен до Сумского Посада), а также тракт между Олонцом и Сердоболем в Выборгской губернии. Массовую перевозку грузов гужевым транспортом по ним можно было осуществлять главным образом в зимнее время. В стороне от почтовых трактов, по сути дела, царило бездорожье. По проселочным дорогам в летнее время грузы нередко доставлялись на лошадях, запряженных в волокуши, а зимой устанавливался санный путь по «зимникам». Однако даже проселки были далеко не везде. По данным земского статистического справочника, к 1913 г. в четырех карельских уездах Олонецкой губернии 53,9 % селений (1050 из 1968) были лишены каких-либо дорог и поддерживали связь с внешним миром только с помощью конных и пешеходных лесных троп²⁵.

В целях ослабления бездорожья, преодоления разобщенности между районами края и усиления транспортных связей с центром страны во второй половине XIX — нача-

ле XX вв. земством и общественностью края не раз выдвигались проекты постройки Беломорско-Балтийского канала и железной дороги, которая бы соединила Карелию со столицей. Однако эти проекты долгое время не находили поддержки в правительственных кругах. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь в 1912 г., когда Николай II утвердил устав созданной в Петербурге с участием французского капитала фирмы «Акционерное общество Олонецкой железной дороги», которая поставила целью строительство железнодорожного пути от ст. Званка (ныне Волховстрой) до Петрозаводска. Работы на этой трассе начались накануне Первой мировой войны, весной 1914 г. А 1 января 1915 г. император в силу очевидной стратегической необходимости принял решение о строительстве железнодорожной магистрали от Петрозаводска до незамерзающего мурманского побережья силами и на средства казны²⁶.

Вплоть до начала XX в. в Карелии отсутствовали финансово-кредитные учреждения. Для местного делового сообщества, только что становившегося на ноги, создание собственного коммерческого банка являлось непосильной задачей. В этих условиях инициативу в решении кредитной проблемы попытались взять на себя земские круги. В 1874 г. Олонецкое губернское земство выступило с проектом организации в Петрозаводске земского общества взаимного кредита. Планировалось, что взнос земства в основной капитал общества составит 10 тыс. руб. Министерство финансов 18 мая 1875 г. даже утвердило устав этого кредитного учреждения. Согласно типовым требованиям для такого рода обществ, оно должно было насчитывать не менее 50 членов, сумма первоначальных взносов которых в основной капитал не должна была уступать по размеру земскому паю²⁷. Но завершить организационную работу в определенный уставом 6-месячный срок земцы не смогли, и общество взаимного кредита было признано несостоявшимся.

В 1881 г. Олонецкая губернская земская управа по предложению своего нового председателя В.В. Савельева, который и сам имел предпринимательские интересы, вновь подняла перед властями кредитно-финансовый вопрос, направив губернатору Г.Г. Григорьеву специальную аналитическую записку. В ней отмечалось: «Отсутствие кредитных учреждений весьма неблагоприятно отзываясь на местной торговле и промыслах. Имея в виду, что на обязанность земства... возложено попечение о развитии местной торговли и промышленности, управа полагала бы ходатайствовать перед правительством об открытии в г. Петрозаводске отделения Государственного банка, в который местные жители могли бы вносить на текущий счет свои сбережения и в случае нужды получать из него ссуды под учет векселей и под залог имущества». К предложению присоединилась городская управа Петрозаводска, положительно отнесся к нему и сам губернатор. Однако инициатива местных деятелей не была поддержана в Петербурге²⁸.

В 1884 г. губернская газета констатировала, что в крае по-прежнему «не только нет никаких банков, но и ссудных касс». Далее отмечалось: «Вследствие сего ссужаться в деньгах, хотя бы и с верным залогом, нет другого выхода, как обращаться за деньгами к ростовщикам и платить неслыханные в других местах проценты — по 3—10 коп. на рубль за 1 месяц»²⁹. Необходимо, правда, отметить, что в деловой среде издавна также существовала практика взаимного частного кредитования под более «божеский», чем у ростовщиков, процент, однако к ней можно было с успехом прибегнуть лишь при наличии широких личных связей, прочного положения в бизнесе и в ограниченных пределах. Лишь наиболее крупные предприниматели края с устоявшейся деловой репутацией имели возможность систематически пользоваться услугами петербургских, рыбинских и архангельских банковских структур.

Первое в Карелии финансово-кредитное учреждение — муниципальный банк в Петрозаводске — было открыто с помощью правительственного займа только в 1903 г., а отделение государственного банка появилось в Петрозаводске в 1911 г. — незадолго до Первой мировой войны³⁰. На этот раз инициатива открытия банка исходила из правительственных кругов — от министра финансов России В.Н. Коковцова.

Названные выше факторы — слабая заселенность края, низкий уровень транспортной инфраструктуры и длительное отсутствие системы коммерческого кредита — в значительной мере тормозили процесс накопления и оборота капиталов, однако в условиях утверждавшейся рыночной экономики все же не могли его остановить.

Некоторое представление о росте деловой активности в Карелии в пореформенные десятилетия можно получить на основе данных о выдаче документов на право занятия торговлей и промыслами. Так, за период с 1867 по 1898 гг. по четырем карельским уездам Олонецкой губернии число выданных гильдейских свидетельств увеличилось со 103 до 198 (в 1,9 раза), а промысловых свидетельств на мелочный торг — с 264 до 450 (в 1,7 раза)³¹.

Важные сведения о численности и составе предпринимательского слоя в крае содержатся в материалах «Журналов генеральной поверки торговых и промышленных предприятий». Согласно Положению от 9 февраля 1865 г. «О пошлинах на право торговли и других промыслов» (ст. 104), городские думы, волостные правления или заменяющие их учреждения обязаны были проводить «по крайней мере, один раз в год в неопределенные сроки генеральную, то есть общую поверку торговых и промышленных заведений» на подведомственной территории³². В проведении поверки в городах, а также в «значительнейших селениях, где производится наиболее обширная торговля», кроме местных должностных лиц, непременно участвовали чинов-

ники губернской казенной палаты. С учреждением по закону от 15 января 1885 г. податной инспекции поверка торговли и промышленности стала проводиться под руководством участкового податного инспектора³³. По положению о промысловом налоге 1898 г. (ст. 73), поверка должна была производиться в течение всего года, но конкретные сроки ее окончания в каждом податном участке устанавливались управляющим губернской казенной палатой. Определялось также (ст. 33, 71), что поверка торговли и других промыслов в пределах податных участков возлагается на податных инспекторов и их помощников при содействии торговых депутатов. В сельской местности допускалось проведение поверки представителями местной администрации при наличии двух свидетелей³⁴.

На практике по различным причинам (длительное отсутствие на месте владельца, временное прекращение деятельности, заведомая убыточность, транспортная труднодоступность и т. п.), пропуски отдельных предприятий при поверке, особенно на селе, все же были. Однако такие пропуски носили случайный, непреднамеренный характер и были единичным явлением.

В ведомостях по итогам поверки обычно указывались фамилия, имя и отчество владельца заведения; сословная группа, к которой данное лицо принадлежало; местонахождение и характер заведения (лавка, оптовый склад, завод и др.); вид, дата и место выдачи торгового или промышленного свидетельства; заведующий предприятием (хозяин или приказчик); род продаваемых товаров или производимой продукции. Данная информация дает возможность определить круг владельцев торговых и промышленных заведений, выяснить социальное происхождение и состав предпринимателей. С 1885 г. в материалах поверки стали указываться также обороты и прибыль предприятий, однако, как уже отмечалось, эти данные обычно значительно занижались.

Для характеристики изменений в численности и составе предпринимателей Карелии в рассматриваемый период нами были подвергнуты статистической обработке данные «Журналов генеральной поверки торговых и промышленных заведений» по четырем карельским уездам Олонецкой губернии за 1870, 1890, 1900, 1913 гг. и по Кемскому уезду Архангельской губернии за 1888 и 1898 гг. Кроме того, по Кемскому уезду был обработан комплекс заявлений предпринимателей о выдаче свидетельств на торгово-промышленные предприятия за 1912–1913 гг., сохранившийся в фонде местного казначейства.

Итоги обработки «Журналов генеральной поверки...» по карельской части Олонецкой губернии представлены в таблицах 1–4.³⁵ Как видно из таблиц, на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. наблюдался последовательный и устойчивый рост числа официально зарегистрированных предпринимателей. Если в 1870 г. единоличных владельцев и совладельцев семейных торгово-промышленных предприятий по району насчитывалось 366, то в 1890 г. — 546, в 1900 г. — 798, а в 1913 г. — 889 человек. Таким образом, за период 1870–1913 гг. численность торгово-промышленного слоя здесь увеличилась в 2,4 раза. Наиболее активно рост происходил в период промышленного подъема 1890-х гг.³⁶

По Кемскому уезду, где в нашем распоряжении имеются подобные материалы за 1888, 1898 и 1913 гг. (к сожалению, в последнем случае с отдельными лакунами), также прослеживается общая тенденция к росту предпринимательской прослойки, хотя и не столь активная (табл. 5). В 1888 г. здесь зафиксировано 123 индивидуальных владельца торгово-промышленных заведений³⁷, в 1898 г. — 144³⁸, в 1913 г. (по неполным данным) — 158³⁹. Таким образом, численность индивидуально-частных предпринимателей, действовавших в крае к концу XIX в., может быть определена примерно в 950 человек и к 1913 г. — в 1050 человек.

Таблица 1. Численность и состав индивидуальных владельцев владельцев торгово-промышленных заведений по 4 карельским уездам Олоонецкой губернии в 1870 г.

Сословные группы	г. Петрозаводск		Петрозаводский уезд		Олоонецкий уезд		Повенецкий уезд		Пудожский уезд		Всего по 4 уездам	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число*	%
Дворяне	1	0,8	1	1,4	—	—	1	3,4	—	—	2	0,5
Почетные граждане	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кушцы	22	17,7	3	4,3	22	18,0	5	17,2	8	24,2	52	14,2
Мещане	34	27,5	1	1,4	7	5,7	4	13,8	3	9,1	49	13,4
Крестьяне	40	32,3	58	82,9	77	63,2	18	62,2	20	60,6	211	57,7
Чинovníки	2	1,6	—	—	5	4,1	—	—	—	—	7	1,9
Воинское сословие	20	16,1	1	1,4	7	5,7	1	3,4	2	6,1	31	8,5
Финляндские уроженцы	2	1,6	5	7,2	3	2,5	—	—	—	—	9	2,4
Иностранные поданные	1	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,3
Отставные мастеровые	2	1,6	1	1,4	—	—	—	—	—	—	3	0,8
Прочие	—	—	—	—	1	0,8	—	—	—	—	1	0,3
Итого	124	100,0	70	100,0	122	100,0	29	100,0	33	100,0	366	100,0

* В данной графе в табл. 1 — 4 (итоги по 4 уездам) исключен двойной учет предпринимателей, имевших предприятия в нескольких уездах.

Таблица 2. Численность и состав индивидуальных владельцев торгово-промышленных заведений по 4 карельским уездам Олонецкой губернии в 1890 г.

Сословные группы	г. Петрозаводск		Петрозаводский уезд		Олонецкий уезд		Повенецкий уезд		Пудожский уезд		Всего по 4 уездам	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
Дворяне	1	0,7	1	0,8	—	—	—	—	—	—	2	0,4
Почетные граждане*	2	1,3	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,4
Купцы	29	19,2	2	1,5	9	7,1	10	11,8	8	13,1	55	10,1
Мещане	48	31,8	—	—	9	7,1	4	4,7	5	8,2	66	12,1
Крестьяне	43	28,4	113	86,9	99	78,0	63	74,1	44	72,1	357	65,3
Чинovníки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воинское сословие	25	16,6	1	0,8	4	3,1	7	8,2	4	6,6	41	7,5
Финляндские уроженцы	2	1,3	11	8,5	6	4,7	—	—	—	—	19	3,5
Иностранные подданные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	1	0,7	2	1,5	—	—	1	1,2	—	—	4	0,7
Итого	151	100,0	130	100,0	127	100,0	85	100,0	61	100,0	546	100,0

* В данной графе здесь и в табл. 3 и 4 не учитывались погомственные и личные почетные граждане, временно сохранявшие и купеческий статус.

Таблица 3. Численность и состав индивидуальных владельцев торгово-промышленных заведений по 4 карельским уездам Олонецкой губернии в 1900 г.

Сословные группы	г. Петрозаводск		Петрозаводский уезд		Олонецкий уезд		Повенецкий уезд		Пудожский уезд		Всего по 4 уездам	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
Дворяне	—	—	—	—	—	—	1	0,8	—	—	1	0,1
Почетные граждане	2	1,1	—	—	1	0,5	—	—	1	1,1	4	0,5
Купцы	21	11,8	1	0,5	10	4,8	3	2,3	8	8,6	38	4,8
Мещане	72	40,5	2	1,0	23	11,0	16	12,2	7	7,5	120	15,0
Крестьяне	57	32,0	197	94,6	170	81,3	107	81,7	75	80,6	591	74,1
Чиновники	2	1,1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,2
Воинское сословие	20	11,2	1	0,5	—	—	4	3,0	2	2,2	27	3,4
Финляндские уроженцы	—	—	5	2,4	4	1,9	—	—	—	—	9	1,2
Иностранные подданные	3	1,7	1	0,5	1	0,5	—	—	—	—	4	0,5
Прочие	1	0,6	1	0,5	—	—	—	—	—	—	2	0,2
Итого	178	100,0	208	100,0	209	100,0	131	100,0	93	100,0	798	100,0

Таблица 4. Численность и состав индивидуальных владельцев торговых-промышленных заведений по 4 карельским уездам Олонецкой губернии в 1913 г.

Сословные группы	г. Петрозаводск		Петрозаводский уезд		Олонецкий уезд		Повенецкий уезд		Пудожский уезд		Всего по 4 уездам	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
Дворяне	—	—	1	0,4	1	0,5	1	0,7	1	0,7	1	0,1
Почетные граждане	—	—	2	0,7	3	1,4	2	1,4	1	0,7	7	0,8
Купцы	12	8,1	6	2,3	7	3,3	4	2,9	9	6,1	30	3,4
Мещане	77	52,0	3	1,1	8	3,8	9	6,5	5	3,4	101	11,4
Крестьяне	54	36,5	249	92,9	182	86,7	121	87,1	129	87,1	725	81,6
Чиновники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воинское сословие	1	0,7	—	—	—	—	1	0,7	—	—	2	0,2
Финляндские уроженцы	2	1,3	5	1,9	6	2,8	—	—	1	0,7	13	1,5
Иностран-ные поддан-ные	1	0,7	2	0,7	1	0,5	1	0,7	—	—	5	0,5
Прочие	1	0,7	—	—	2	1,0	—	—	2	1,3	5	0,5
Итого	148	100,0	268	100,0	210	100,0	139	100,0	148	100,0	889	100,0

Таблица 5. Численность и состав индивидуальных владельцев торгово-промышленных заведений в Кемском уезде Архангельской губернии в 1888, 1898 и 1913 гг.

Сословные группы	1888 г.		1898 г.		1913 г.	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
Дворяне	—	—	—	—	—	—
Купцы	11	9,0	7	4,9	2	1,3
Почетные граждане	—	—	1	0,7	1	0,6
Мещане	18	14,8	15	10,4	12	7,6
Крестьяне	88	72,1	119	82,6	141	89,2
Воинское сословие	4	3,3	1	0,7	—	—
Иностранные подданные	—	—	—	—	2	1,3
Прочие	1	0,8	1	0,7	—	—
Итого	122	100,0	144	100,0	158	100,0

Корпус индивидуально-частных предпринимателей в крае состоял главным образом из местных жителей. Так, в 1870 г. из числа владельцев индивидуальных и семейных торгово-промышленных заведений в карельских уездах Олонии только 31 человек, или 8,8 % от общего числа, проживали за пределами края⁴⁰. В последующем число «пришлых» предпринимателей и их доля даже сократились. В 1890 г. таких лиц было зафиксировано 18 (3,3 % к общему числу), в 1900 г. — также 18 (2,2 % к общему числу), при этом 8 человек действовали в торговле, а 10 — в сфере лесозаготовок, ранее находившейся вне поля зрения податной инспекции. В 1913 г. из 20 иногородних предпринимателей (2,3 % от общего числа) трое были заняты торговлей, а 17 лесозаготовками. В Кемском уезде «пришлых» предпринимателей также было немного. В 1888 г. их было зафиксировано 3 (2,5 %), в 1898 г. — 8 (5,5 %) и в 1913 г. — 5 (3,2 % к итогу). Необходимо, однако, отметить, что, как правило, предприятия «пришлых» предпринимателей относились к числу наиболее значительных в тех местностях, где они действовали.

По мере развития капиталистических отношений в России, помимо индивидуального предпринимательства, все шире распространялись и играли все возрастающую роль ассоциированные формы предпринимательской деятельности. В ходе деловых операций ассоциация выступала в качестве юридического лица. Процесс ассоциирования капиталов, хотя и с запозданием, нашел свое отражение и в окраинном карельском крае. Если к 1890 г. на территории карельских уездов Олонецкой губернии функционировало лишь одно предпринимательское объединение — известная петербургская лесопромышленная фирма в форме полного товарищества «Громов и К^о», то к 1900 г. — 9 ассоциированных собственников (все иногородние)⁴¹, а к 1913 г. — 22 ассоциированных собственника — из них 13 иногородних и 9 местных. Кроме того, 2 ассоциированных объединения с участием жителей присвирских волостей Олонецкого уезда действовали на Мариинской водной системе за пределами карельского края («Товарищество Важинского пароходства» и буксирное пароходство «Северный крестьянин»). На севере Карелии, в Кемском уезде, в 1898 г. оперировали 3, а в 1913 г. — 4 иногородние ассоциированные фирмы. При этом в 1898 г. одна из них («Товарищество П. Беляева наследники»), а в 1913 г. — две («Товарищество П. Беляева наследники» и «Зингер») одновременно действовали и в Олонецкой Карелии. Местные предпринимательские ассоциации в Кемском уезде отсутствовали.

Из 15 функционировавших на территории Карелии к 1913 г. иногородних фирм лишь транснациональная компания «Зингер» (продажа швейных машин) специализировалась на торговле, а остальные действовали в лесопромышленности. Масштаб операций этих лесопромышленных фирм не ограничивался только Карелией, а имел общероссийский либо региональный (в рамках Европейского Севера) характер. Среди 15-ти фирм 8 являлись акцио-

нерными компаниями, а 7 остальных — торговыми домами в форме полных товариществ и товариществ на вере⁴².

Из 9 местных, карельских компаний 5 функционировали в сфере торговли и 4 — в области промышленного производства и судоходства. Подавляющее большинство местных фирм (7) представляли собой первичную форму ассоциации — полное товарищество и лишь две — самая крупная «Онежское пароходное общество» и самая маленькая «Д.М. Кац и К^о» — являлись товариществами на вере. Всего в 9 местных компаниях на 1913 г. состояло 156 полных товарищей, из них 127 человек (81,4 %) были компаньонами «Онежского пароходного общества». Из более позднего поименного списка пайщиков «Онежского пароходного общества», датируемого 1915 г., явствует, что около трети полных товарищей, участников этой фирмы, проживали за пределами Карелии (Петербург, Вытегра, Рыбинск и др.). Многие местные участники карельских промышленных и судоходных компаний параллельно продолжали вести свой собственный бизнес. По нашим подсчетам, из 102 полных товарищей «Онежского пароходного общества» — жителей Карелии, упоминаемых в списке 1915 г., 58 человек (56,8 %) являлись собственниками единоличных торговых и промышленных предприятий. Свое личное торговое дело сохраняли и участники всех остальных производственных фирм, кроме судоходной компании «Братья Кораблевы».

Деловая среда была неоднородной по своей структуре. Содержащиеся в материалах проверок сведения о разрядах патентов, выбранных деловыми людьми для ведения торгово-промышленной деятельности, позволяют выделить среди них три основные группы: крупных, средних и мелких предпринимателей. Для периода до принятия положения 1898 г. к крупным предпринимателям принято относить владельцев патентов 1-й гильдии, к средним — обладателей патентов 2-й гильдии и к мелким — владельцев патентов на мелочный торг и промыслы⁴³. Для последующего периода, с учетом указаний

нормативных актов того времени, мы относили к крупным предпринимателям владельцев свидетельств на торговые предприятия I разряда и промышленные предприятия первых трех разрядов; к средним — свидетельств на торговые предприятия II разряда и промышленные предприятия IV и V разрядов; к мелким предпринимателям — обладателей патентов на стационарные торговые предприятия III и IV разрядов и промышленные предприятия VI — VIII разрядов⁴⁴. Результаты произведенной нами группировки в целом по карельским уездам Олонецкой губернии отражены в табл. 6.

Таблица 6. Распределение индивидуальных предпринимателей на группы по разрядам выбираемых патентов по карельским уездам Олонецкой губернии

Группы предпринимателей по разряду патентов	1870 г.		1890 г.		1900 г.		1913 г.	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
Крупные	5	1,4	10	1,8	1	0,1	1	0,1
Средние	96	26,2	141	25,8	186	23,3	202	22,7
Мелкие	265	72,4	395	72,4	611	76,6	686	77,2
Итого	366	100,0	546	100,0	798	100,0	889	100,0

Особенностью структуры деловой среды в крае являлось то, что крупных по общероссийским меркам предпринимателей «первогильдейского» уровня здесь было очень мало и за единичными исключениями они представляли «пришлый», иногородний капитал. Так, из зафиксированных проверкой 1870 г. пяти купцов 1-й гильдии (1,4 % к общему числу предпринимателей) местным являлся лишь петрозаводчанин Е.Г. Пименов, трое — П.А. Беляев, Н.И. Русанов, И.Ф. Тюменев были петербуржцами, а оптовый винный торговец, бывший откупщик И.П. Манин жил в г. Вытегре. При этом И.Ф. Тюменев уже завершал свои операции в Карелии. Два его мукомольных вододействующих завода в с. Пидьма Олонецкого уезда закрылись, а функционировал только мучной лабаз.

В 1890 г. в крае действовали 10 купцов 1-й гильдии. Основную группу из них — 7 человек составляли столичные лесопромышленники (в том числе трое выходцев из Заонежья — братья Захарьевы, совместно владевшие Кумсинской лесопильней). Оптовые винные операции своего мужа продолжала купчиха Г.И. Манина из Вытегры. К местным первогильдейцам относились только двое — петрозаводский хлеботорговец Н.П. Серого и постоянно проживавший в г. Олонце петербургский купец-судовладелец К.А. Чертов, вскоре разорившийся.

В Кемском уезде, по данным за 1888 г., был зарегистрирован лишь один первогильдеец — петербургский купец-лесопромышленник П.А. Беляев, владевший лесозаводом в с. Сорока.

К 1900 г. число купцов 1-й гильдии, имевших в Карелии единоличные или семейные предприятия, резко сократилось. Это объяснялось рядом обстоятельств: развернувшимся в лесном деле процессом ассоциирования капиталов; принятием положения о промысловом налоге 1898 г., уничтожившего прямую связь между записью в купечество и правом на предпринимательство и установившего более дробную классификацию предприятий; а также введением в крае в 1897 г. казенной винной монополии. В материалах налогового учета за 1900 г. по Олонецкой части Карелии упоминается всего двое «первогильдейцев». Одним из них был пудожанин Н.А. Базегский, другим — И.А. Шенфельд из г. Тукумс Курляндской губернии. Но если Базегский владел каменными торговыми рядами в г. Пудожье по документам I разряда, то Шенфельд занимался заготовкой леса в Пудожском уезде в размерах, соответствовавших «негильдейскому» VI разряду.

В 1913 г. из шести купцов 1-й гильдии — владельцев единоличных предприятий в Южной Карелии — пять были иногородними лесопромышленниками, занимавшимися исключительно заготовкой древесины. Двое из них — А.А. Аллон и А.Г. Вирро представляли Петербург, А.Л. Гафеншефер — Витебск,

Б.И. Шлапоберский — Псков, а А.П. Полянская — Вытегру. Однако содержащиеся ими в крае лесозаготовительные предприятия IV — VI разрядов фактически не отвечали перво-гильдейскому уровню. Единственным местным купцом 1-й гильдии оставался пудожанин, содержатель крупного торгового заведения I разряда Н.А. Базегский.

В Кемском уезде начиная с 1890-х гг. купцов 1-й гильдии в качестве индивидуальных предпринимателей не регистрировалось.

Деловая среда в крае состояла главным образом из средних и мелких предпринимателей. В целом в Олонецкой Карелии на фоне общего численного роста делового сообщества за счет активного вовлечения в коммерческую жизнь новых лиц наблюдалась тенденция к некоторому снижению удельного веса средних предпринимателей (с 26,2 % в 1870 до 22,7 % в 1913 г.) и увеличению прослойки мелких собственников (соответственно с 72,4 до 77,2 %). В Кемском уезде соотношение этих прослоек на протяжении конца 1880-х гг. — начала XX в. оставалось практически стабильным. Так, если в 1888 г. доля средних предпринимателей составляла здесь 27,0 % (33 чел. из 122), то в 1913 г. — 27,2 % (43 чел. из 158). Мелкие же предприниматели соответственно составляли в 1888 г. 72,1 % (88 чел.), а в 1913 г. — 72,8 % (115 чел.). Среди как средних, так и мелких предпринимателей, в отличие от крупных, доля иногородних была невелика.

В социальном отношении предприниматели среднего («второгильдейского») уровня являли собой в основном среднюю и отчасти мелкую буржуазию.

Более сложным и неоднозначным, как отмечается в новейшей литературе, был социальный облик мелких предпринимателей⁴⁵. Среди них имелись представители как мелкой буржуазии, так и мелкотоварные хозяева некапиталистического типа (в частности, после принятия положения 1898 г. владельцы стационарных торговых заведений IV разряда, а также хозяева ремесленно-кустарных мастерских VII — VIII разрядов). Значи-

тельная часть мелких владельцев находилась на различных переходных стадиях между мелкобуржуазной и мелкотоварной категориями. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможностей для более детального анализа социальной структуры мелкого предпринимательства в крае в рассматриваемый период*. Очевидно, однако, что в целом средняя и мелкая буржуазия являлась в условиях края системобразующим ядром торгово-промышленного слоя.

Ведущим источником формирования и пополнения предпринимательских кадров в крае являлось крестьянство. В целом по карельским уездам Олонецкой губернии доля крестьян среди предпринимателей в 1870 г. составляла 57,7 %, а к 1913 г. достигла 81,0 %. Даже в крупнейшем городе края Петрозаводске представители этого сугубо сельского по формальным канонам сословия устойчиво составляли около 1/3 предпринимательского слоя. А ведь при этом часть «городских» крестьян с течением времени перечислялась в мещанство и купечество. Впрочем, некоторые видные предприниматели из крестьян, не уступавшие по масштабам деятельности верхам купечества и имевшие недвижимость в Петрозаводске, вообще не выходили из своего сословия. По крестьянству, например, предпочитали числиться ведущие торговцы петрозаводского гостиного двора — уроженцы пригородной д. Сулажгоры Иван Никифорович и Семен Федорович Тихоновы, братья Леймановы, основатель «Онежского пароходного общества» В.Д. Лысанов, лесопромышленники Кирияновы и Фершуковы.

В Кемском уезде доля крестьян в местном деловом сообществе была еще более значительной, чем в олонецкой час-

* Более или менее однозначно к предпринимателям мелкотоварного типа после принятия положения 1898 г. могут быть отнесены владельцы мелких торговых предприятий, содержавшихся по патентам IV разряда и бесплатным патентам для членов семей военнослужащих, а также владельцы промышленных (ремесленных) предприятий VII и VIII разрядов. Таковых при проверке 1900 г. было учтено 120 чел. (15,0 % к общему итогу), а в 1913 г. 77 чел. (8,7 % к итогу).

ти края. Они в 1888 г. составляли здесь 72,1 % всех индивидуально-частных предпринимателей, а в 1913 г. — 89,2 %.

В отличие от крестьян доля традиционного торгово-предпринимательского сословия — купечества — напротив, постепенно снижалась. Особенно активно этот процесс пошел после принятия положения 1898 г., ликвидировавшего связь между получением промыслового свидетельства на предпринимательские занятия и принадлежностью к купеческим гильдиям. Если в 1870 г. в Олонецкой Карелии купцы составляли 14,2 % всех учтенных податной инспекцией предпринимателей, то в 1890 г. — 10,1 %, а в 1913 г. — только 3,4 %. Общая тенденция была характерна и для Петрозаводска, где сосредоточивалось около половины всего местного купечества. Здесь доля купцов среди индивидуальных предпринимателей за 1870—1913 гг. снизилась с 17,7 до 8,1 %. Особенно резко сократились численность и доля купечества после 1898 г. в Кемском уезде. К 1913 гг. здесь осталось всего 2 купца (1,3 % к итогу).

В отличие от представителей других сословных групп, купцы традиционно сосредоточивались в верхнем слое местного делового сообщества. Но и в среде крупных и средних предпринимателей «гильдейского» уровня удельный вес купечества также постепенно снижался, главным образом, за счет притока крестьян. Так, если в 1870 г. в целом по карельской части Олонецкой губернии купцы составляли 51,0 % всех обладателей гильдейских патентов (100 чел.), а крестьяне 42,0 %, то в 1890 г. преобладающие позиции уже занимали крестьяне — 52,3 % против 34,4 % у представителей купечества (всего «гильдейцев» было учтено 151 чел.*). А к 1913 г. доля купечества среди индивидуальных

* Некоторые представители купечества, не являвшиеся начальниками семейных капиталов или имевшие основное дело за пределами карельских уездов, содержали в крае предприятия не по гильдейским патентам, а по свидетельствам мелочного торга, что допускалось положением 1863 г. В 1870 г. по району зафиксирован 1 такой случай, в 1890 г. — 3.

предпринимателей «гильдейских» разрядов — 13,3 % — уступала уже не только доле крестьян — 62,1 %, но и мещан — 14,8 % (всего при проверке учтено 203 предпринимателя «гильдейского» уровня).

Надо отметить, однако, что хотя приток в купечество из других слоев населения в начале XX в. почти прекратился, представители уже сложившихся к этому времени купеческих родов, следуя традиции и руководствуясь соображениями престижа, как правило, стремились не покидать рядов своего сословия. Члены многих купеческих семей (Базегских, Кононовых, Куттуевых, Леонтьевых, Мартыновых, Румянцевых, Серого и других) продолжали находиться в центре местной деловой жизни.

Заметную роль в формировании прежде всего слоя мелких предпринимателей в городах края, и в особенности в Петрозаводске, играли мещане. В целом по 4 карельским уездам Олонецкой Карелии доля мещан среди предпринимателей за период 1870—1913 гг. колебалась в пределах 11,4—15,0 %. В Петрозаводске же за это время она увеличилась почти в 2 раза — с 27,5 до 52,0 %. Помимо усиления деловой активности самих представителей основного городского сословия, такой рост объяснялся еще несколькими факторами. В ряды мещан активно перечислялись выходцы из военного сословия⁴⁶, занимавшиеся торгово-промышленной практикой, число которых в губернском центре в пореформенный период XIX в. было заметным (в 1870 г. — 16,1 %, в 1890 г. — 16,6 % и в 1900 г. — 11,2 % всех индивидуальных предпринимателей). С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности и сокращением сроков военной службы для нижних чинов данная сословная группа перестала пополняться и постепенно размывалась. К 1913 г. среди предпринимателей Петрозаводска числилась всего лишь одна ее представительница — жена отставного рядового М.Н. Парийская, владевшая бакалейно-овощной лавкой на ул. Бородинской⁴⁷.

Продолжался также переход в ряды мещанского общества предпринимателей из числа крестьян, давно проживавших в губернском центре. Наконец с появлением закона 1898 г. у мещан, даже при значительном расширении дела, ослабла мотивация для записи в купечество.

В Кемском же уезде на фоне активизации предпринимательской активности крестьян удельный вес мещан в местном предпринимательском сообществе постепенно снижался. Если в 1888 г. они составляли здесь 14,8 % индивидуальных предпринимателей, то в 1913 г. только 7,6 %.

Существенной особенностью предпринимательского корпуса в Карелии являлось почти полное отсутствие в его составе представителей дворянства. Это объяснялось тем, что в крае не получило развития помещное землевладение (к 1861 г. здесь имелось всего 9 помещичьих имений, из них 7 мелкопоместных)⁴⁸. Приезжие же дворяне-чиновники, как правило, по окончании срока службы стремились отбыть в более теплые края. Заметный след в истории предпринимательства в крае в рассматриваемый период оставили лишь двое дворян — Андриан Петрович Лачинов и Василий Владимирович Савельев.

Андриан Петрович Лачинов (род. 1838) был сыном бывшего олонцкого губернатора Петра Андриановича Лачинова. По матери — Елизавете Адамовне Лачиновой-Армстронг — он приходился внуком начальнику олонцких горных заводов А.В. Армстронгу и племянником директору Петербургского монетного двора Р.А. Армстронгу. Вместе с именем в деревнях Верхний Бесовец и Бирючева (близ Петрозаводска) Андриан Лачинов унаследовал от отца вододельствующий Бесовецкий лесопильный завод на р. Шуе, построенный в 1825 г.⁴⁹ Он восстановил деятельность этого лесозавода после пожара в 1852 г., а также открыл лесной двор по продаже пиломатериалов и круглого леса в Петрозаводске. В связи с пуском в 1874 г. Соломенского парового лесозавода фирмы Громовых Бесовецкая лесопильня была

им закрыта. Но А.П. Лачинов не прекратил лесопромышленные операции. С 1870 г. он арендовал у наследников петербургского купца Скрябина, а затем выкупил у них действующий лесозавод в с. Лижма Петрозаводского уезда. А.П. Лачинов занимался также строительными подрядами. В частности, в 1858 г. за 14,1 тыс. руб. построил в Петрозаводске на Соборной площади каменное здание пансиона для детей канцелярских служащих, где в дальнейшем размещалась городская женская гимназия⁵⁰. Активная предпринимательская деятельность А.П. Лачинова завершилась в начале 1890-х гг. продажей Лижемской лесопилни петербургской фирме «Э.Г. Брандт и К^о»⁵¹.

Потомственный дворянин Василий Владимирович Савельев (1847 — после 1917) имел поместья в Вязниковском уезде Владимирской губернии и Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии. Окончив в 1866 г. кадетский корпус в Москве, некоторое время служил в армии. С 1869 г. находился на гражданской службе в Олонецкой губернии, сначала в Лодейном Поле, затем в Петрозаводске. Приходился шурином олонецкому губернатору (1870 — 1890) Г.Г. Григорьеву. В 1880 — 1905 гг. занимал пост председателя Олонецкой губернской земской управы⁵². С 1880 г. арендовал у казны Тивдийские мраморные ломки в Петрозаводском уезде и построил небольшой камнеобрабатывающий завод, где было занято до 20 рабочих. Завод выпускал подоконники, столы, камины, памятники и другие изделия, которые сбывались в Петрозаводске, Петербурге, на Шунгской ярмарке, в Финляндии. В 1885 г. на заводе изготовили плиты для постамента к памятнику Александру II в Петрозаводске. Всего В.В. Савельевым было добыто 17 тыс. пудов облицовочного камня. В 1893 г. из-за малой доходности дела он отказался от аренды ломок⁵³. Позднее, в 1912 г. В.В. Савельев, будучи выборным членом Государственного Совета от земства Олонецкой губернии, выступил одним из учредителей акционерного общества Олонецкой железной дороги, которое весной 1914 г. начало

Василий Владимирович Савельев.
Из кн. «Редкий земский юбилей
(1879–1904 г.)». Петрозаводск, 1905

работы по строительству магистрали от ст. Званка до г. Петрозаводска и в 1916 г. ввело ее в эксплуатацию⁵⁴.

Немногочисленные представители прочих социальных групп и категорий населения участвовали в предпринимательской деятельности лишь эпизодически.

Следует отметить, что на протяжении рассматриваемого нами периода около четверти всего предпринимательского корпуса в Олонецкой Карелии составляли женщины (в 1870 г. — 27,3; в 1890 г. — 30,8; в 1900 г. — 27,6 и в 1913 г. —

24,3 %). Чаще женщины владели мелкими предприятиями. Среди предпринимателей гильдейского уровня их доля была существенно меньшей (в 1870 г. — 9,0; в 1890 г. — 13,9, в 1900 г. — 17,6; в 1913 г. — 15,8 %). В местных купеческих семьях женщины возглавляли дело, как правило, лишь в случае преждевременной смерти мужей или братьев, состоявших начальниками капитала. Следует также иметь в виду, что иногда на их имя формально регистрировали часть семейного дела.

В Кемском уезде в связи с частыми отлучками мужской части населения для ведения дел, связанных с отхожими промыслами (мурманский промысел, коробейная торговля в Финляндии), доля женщин среди предпринимателей была традиционно выше, хотя и постепенно снижалась (в 1888 г. — 39,1; в 1898 г. — 36,1; в 1913 г. — 34,2 %).

Предпринимательская среда в карельском крае, как и в целом в Российской империи, была многонациональной. Преобладали в ее составе, несомненно, русские. Это предопределялось тем, что наибольшее развитие в торгово-промышленном отношении в крае получили районы, прилегающие к Онежско-Ладожскому водному пути и к Белому морю, населенные преимущественно русскими (Петрозаводск, Поморье, Западное Прионежье, Заонежье, Присвирье). Показательны сведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Согласно им, во всех пяти уездах края (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий, Пудожский уезды Олонецкой губернии и Кемский уезд Архангельской губернии) среди лиц купеческого сословия русские составляли 91,8 % (190 чел. обоюбого пола из общего числа 207 чел.)⁵⁵. Конечно, эти данные не полны и, скорее всего, завышают реальную долю русских среди предпринимателей, так как относятся лишь к верхушке местного предпринимательского слоя. Они не охватывают крестьян и мещан, выкупавших гильдейские свидетельства, но не вступавших в купеческое сословие, а также массу лиц, занимавшихся коммерческой деятельностью по свидетельствам мелочного торгова. Следует также иметь в виду, что национальная принадлежность в ходе переписи 1897 г. определялась по родному языку, что, конечно же, не давало вполне адекватной картины, особенно с учетом того, что языки коренных финно-угорских народов края — карельский и вепсский — считались бесписьменными. К сожалению, материалы торгово-промышленного учета, как правило, не содержат прямых указаний на национальность владельца того или иного предприятия.

Сложным и практически не поддающимся корректному решению является вопрос об общей численности предпринимателей из карелов и вепсов. По данным всероссийской переписи 1897 г., среди проживавших в Карелии 207 лиц купеческого сословия насчитывалось 16 карелов (7,7 % к общему итогу), все они были зарегистрированы в г. Олонце⁵⁶.

Однако эти данные охватывают лишь верхушку местного предпринимательского слоя, да и по самим условиям переписи, о чем сказано выше, должны считаться заниженными. Имеются вполне достоверные данные, что среди купцов г. Петрозаводска были как карелы, так и вепсы, но по переписи 1897 г. все они учтены как русские.

Карелы и вепсы с давних пор входили в орбиту российской государственности, имели (в рамках соответствующих сословий) тот же правовой статус, что и русские, и исповедовали общую с ними православную религию. Представители этих народов при крещении получали одинаковые с русскими православные имена. В значительной степени ими оказались восприняты и русскоязычные формы фамилий (Васильев, Кузнецов, Петров, Пименов, Сидоров и др.). Поэтому даже по косвенным признакам на основе материалов торгово-промышленного учета определить принадлежность предпринимателя к карелам, вепсам или русским, особенно если он действовал в районе со смешанным населением, во многих случаях не удается.

Вполне очевидно, однако, что карелы составляли довольно значительную и влиятельную группу среди местных предпринимателей. Интересно в этой связи, что местные чиновники и краеведы не раз писали о природной расположенности карелов к коммерческим занятиям. Так, в начале 1860-х гг. олонецкий губернатор А.А. Философов отмечал: «Карелы довольно смысленный народ и считаются в больших городах лучшими приказчиками... Все они имеют склонность к торговым предприятиям...»⁵⁷. Несколько позднее на это же обращал внимание в своей статье «Олонецкие карелы», опубликованной в губернской газете, краевед З.А. Ласточкин: «Смелость и предприимчивость — его (карела — *Н.К.*) природные качества... В какое положение его не поставьте... он везде будет на своем месте. Из него выйдет всё: хороший столяр, каменотес, мореход, стрелок, мелочный торговец, подряд-

чик, промышленник рыбой, дичью»⁵⁸. И.В. Оленев, многие годы проработавший сельским учителем в Карелии, в своем очерке о крае, изданном в начале XX в., писал: «Торговля — любимейшее занятие карела... Многие из карелов, начав торговлю с сумки, приобрели значительное состояние и устроили магазины в Петрограде и многих городах Финляндии...»⁵⁹.

Еще в дореформенный период широкую известность получила группа купцов из олонекских карелов, переселившихся в Петербург и занявших видное место в деловой жизни столицы (И.Ф. Жербин, К. Мижуев, А.Д. Пиккиев, А.С. Сергеев-Редуев)⁶⁰. И.Ф. Жербин, например, в 1821 — 1824 гг. возглавлял Петербургский биржевой комитет, из-

Купец 1-й гильдии, городской голова Санкт-Петербурга Иван Федорович Жербин. Музей Московской межбанковской валютной биржи

бирался также городским головой столицы. К концу жизни (ум. 1840) имел почетное звание коммерции советника и был возведен в потомственное дворянство⁶¹. А.С. Сергеев-Редуев в 1814 — 1818 гг. избирался ратманом и бургомистром Петербурга, а в 1825 г. представлял столичных купцов в «печальной комиссии» по случаю кончины Александра I и получил перстень от «Высочайшего имени». В 1833 — 1834 гг. он состоял директором от купечества в Государственном ассигнационном банке. Смерть купца 1-й гильдии, потомственного почетного гра-

жданина А.С. Сергеева-Редуева (1837) отмечали «Санкт-Петербургские ведомости»⁶².

В пореформенное время одним из лидеров делового мира Карелии была предпринимательская династия олонечких купцов-карелов Куттуевых, отличавшаяся разнообразием своих предпринимательских интересов. Ей принадлежали Куйтежский железоковательный завод в Олонечком уезде, лавки в Олонце и Куйтеже. Кроме того, представители этой династии занимались организацией лесозаготовок, с 1910 г. являлись совладельцами Петрозаводской спичечной фабрики «Огонёк» и пайщиками «Онежского пароходного общества».

Видными купцами-гостинодворцами в Петрозаводске стали карелы Харитон Германович Кононов из д. Юостозеро Мяндусельгской волости Повенецкого уезда и Степан Леонтьевич Леонтьев из крестьян Олонечкого уезда. Ежегодные обороты их заведений превышали 100 тыс. руб.⁶³ Сын Х.Г. Кононова Алексей Харитонович вместе с тещей М. Тихоновой организовал в 1910 г. один из первых в Петрозаводске торговых домов — полное товарищество «М.А. Тихонова и А.Х. Кононов». Это товарищество имело уставной капитал в 25 тыс. руб. и занималось продажей мучных, колониальных и винно-водочных товаров⁶⁴. В число ведущих торговцев Кемского Поморья в конце XIX — начале XX вв. входили крестьяне — уроженцы карельского села Ругозеро Повенецкого уезда братья Алексей Сысоевич и Степан Сысоевич Шуттиевы. Довольно значительную торговлю в поморском селе Сорока вел крестьянин из с. Тунгуды Егор Васильев. О его деятельности податной инспектор Кемского уезда С. Бекман писал, что «владелец предприятия сам кореляк... имеет большой сбыт товара на население соседних карельских волостей»⁶⁵. Вряд ли также можно сомневаться в том, что подавляющее большинство хозяев торговых заведений в глубинных карельских волостях Олонечкого, Петрозаводского, Повенецкого и Кемского уездов были по национальности карелами. Некоторые

из преуспевших сельских торговцев-карелов Повенецкого и Кемского уездов перебирались в Финляндию и пополняли ряды торгово-промышленной элиты великого княжества. В этой связи можно назвать имена таких видных предпринимателей, как владелец сети торговых заведений в Южной Похьянмаа Иван Митрофанов (Митро), организаторы фирмы «Таннер и Маннер» Иван Естоев и Тимофей Ремшуев, один из основателей акционерного общества «Лиексан Кауппа» Василий Мавроев (Мауро) и другие⁶⁶.

Что же касается вепсов, известно, что, пожалуй, наиболее знаменитая предпринимательская династия края — Пименовы, представители которой играли видную роль не только в деловой, но и в общественной жизни Олонецкой губернии, — имела вепское происхождение. Ее основатель — крупный торговец и подрядчик, строитель Аничкова моста в Петербурге и укреплений Кронштадта петрозаводский купец 1-й гильдии Марк Пименович Пименов был уроженцем с. Шокша Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда⁶⁷. В том же селе родился усыновленный им племянник, продолжатель семейного дела и первый председатель Олонецкой губернской земской управы купец Ефим Григорьевич Пименов. Сын Е.Г. Пименова Георгий Ефимович в начале XX в. владел лесопильным заводом в устье р. Лососинки, был пайщиком «Онежского пароходного общества» и в течение многих лет занимал пост городского головы Петрозаводска⁶⁸.

Довольно заметную национальную группу среди местных предпринимателей, особенно в Петрозаводске, составляли евреи. Хотя карельский край не входил в черту еврейской оседлости, установленную в Российской империи в 1791 г. и охватывавшую Прибалтику, Царство Польское, ряд украинских и белорусских губерний, здесь сформировалась своя еврейская диаспора. Дело в том, что к концу 1850-х гг. в Петрозаводском губернском батальоне проходили воинскую службу до 200 евреев из Привислинского края⁶⁹. По Закону

1867 г. «Об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов», нижние чины из евреев после 20-летней службы по рекрутскому набору получили право оставаться на жительство во внутренних российских губерниях и свободно избирать род занятий⁷⁰. Отставные солдаты и члены их семей и составили основной костяк местной еврейской диаспоры. Некоторые из них смогли сколотить стартовый капитал и открыли свое дело. Наиболее успешным выходцам из среды нижних чинов удалось достичь уровня купцов 2-й гильдии. В разное время в петрозаводском купечестве состояли Энох Иосселевич Биневиц, Давид Абрамович Тейхерт и Захар Соломонович Парижский (Парийский). Первые двое занимались торговлей, а З.С. Парижский основал небольшое лесопромышленное предприятие. Видную роль в деловой и общественной жизни губернского центра играли представители двух поколений купеческой династии Кацев — Гирш Перцевич и его сын Рафаил Гиршевич⁷¹.

В 1860 — 1890-х гг. в Петрозаводск и некоторые уездные города (Олонец, Повенец, Кемь) переселилось также несколько мелких предпринимателей-евреев на основе закона от 28 июня 1865 г., позволившего специалистам-ремесленникам, а также винокурам и пивоварам проживать вне черты оседлости⁷². Однако они не подлежали перечислению в городские сословия (купечество и мещанство) по новому месту жительства и могли заниматься только своим ремеслом и связанной с ним торговлей.

Кроме двух вышеупомянутых категорий еврейского населения, еще в 1859 г. право вести коммерческие операции вне черты оседлости было предоставлено купцам, состоявшим не менее пяти лет в 1-й гильдии. После десяти лет пребывания в 1-й гильдии они получали возможность свободного проживания по всей стране⁷³. Но карельский край, не отличавшийся по сравнению с Центральной Россией оживленной торгово-промышленной жизнью, не привлекал внимания крупного еврейского капитала. Правда, с 1893 г. ку-

печеское свидетельство 1-й гильдии по г. Петрозаводску в течение ряда лет приобретал Л.Э. Элиасберг, однако податная инспекция поясняла, что «он никаких предприятий по Петрозаводскому податному участку не содержит, проживает в г. Либаве Курляндской губернии»⁷⁴.

С 1890-х гг. в Важинской и Мятусовской волостях Олонцкого уезда и в самом г. Олонце лавочную торговлю вела группа татар-переселенцев из Поволжья (крестьянин Курмышского уезда Симбирской губернии Муса Ибрагимов, его наследники Мустафа, Жансыл и Нурмухамед Ибрагимовы, а также крестьяне Нижегородской губернии Мустафа Булатов, Серажетдин Мухитдинов и Латфулла Абдурахимов). По размерам оборотов их торговые заведения входили в число ведущих в своих местностях⁷⁵.

Выше уже говорилось об оттоке предпринимателей из Карелии в соседнее Великое княжество Финляндское. Но этот процесс не был односторонним. Имело место, хотя и в меньших размерах, перемещение инициативных людей с предпринимательской жилкой и в обратном направлении. По данным «Журналов генеральной поверки» 1870 г., среди владельцев торгово-промышленных предприятий в крае насчитывалось 8 финских уроженцев, в основном выходцев из Куопиоской и Улеаборгской губерний. А накануне Первой мировой войны статус финляндских уроженцев имели 11 предпринимателей. Традиционными местами их деятельности оставались Петрозаводск, Шелтозерско-Бережная волость Петрозаводского уезда и Олонцкий уезд. Обосновавшиеся в сельской местности финны-предприниматели чаще всего занимались мелкой лавочной торговлей товарами повседневного спроса. Более разнообразной была предпринимательская деятельность выходцев из Великого княжества в карельских городах.

В хозяйственной жизни Олонца в пореформенный период XIX в. видное место занимала династия купцов финляндского происхождения Холопаниных (Холопайненов). Родо-

начальник династии Герасим Холопайнен родился в 1817 г. в Куопиоском приходе и губернии, владел портновским ремеслом, знал как финский, так и русский язык. В 1846 г. вступил в брак с дочерью мещанина г. Олонца Марией Семеновной Кузнецовой, переселился в Олонец и был принят в местное мещанское общество⁷⁶. К 1870 г. он обзавелся лавкой в Олонецком гостином дворе и состоял в купцах 2-й гильдии, родовая фамилия к тому времени приобрела русифицированный вариант — Холопанин. Позднее членами купеческой корпорации г. Олонца являлись Иван Герасимович Холопанин и его жена Надежда Егоровна⁷⁷. Правда, в начале XX в. торговые дела Холопаниных пошатнулись. В 1912 г. один из внуков Герасима Холопанина вынашивал планы постройки лесопильни на р. Олонке, но проект не был реализован⁷⁸.

В г. Повенце в конце XIX в. обосновался выходец из прихода Кухмо Улеаборгской губернии Иван Максимович Пулькинен. В 1894 г. он переписался в местное мещанское общество⁷⁹. Начав дело с пивной торговли, которая после введения казенной винной монополии приносила неплохие доходы, И.М. Пулькинен в 1912 г. вместе с повенецким купцом Н.Я. Беловым восстановил бездействовавшую 15 лет лесопильню, принадлежавшую городскому обществу⁸⁰. В дальнейшем предприятие перешло в полную собственность И.М. Пулькинена⁸¹. В 1915—1917 гг. завод И.М. Пулькинена поставлял продукцию для нужд строительства Мурманской железной дороги. После революции предприятие подверглось национализации.

В Петрозаводске одним из инициаторов частного предпринимательства в производственной сфере выступил уроженец прихода Нильсия Куопиоской губернии Генрих Кейнонен. В 1866 г. он основал первую в Карелии спичечную фабрику, которая действовала до конца 1880-х гг.⁸²

В 1910-х гг. известность в деловых кругах Петрозаводска приобрели финские уроженцы братья Андрей и Кузьма Хейконены, построившие на р. Лососинке мельницу, оснащенную водяной турбиной. Мукомольное предприятие относилось к

разряду малых — на нем работали 4 рабочих, а годовая сумма производства по данным за 1913 г. составила 2,5 тыс. руб.⁸³ Но оно в городском хозяйстве заняло важную нишу, опустевшую после банкротства в 1906 г. владельца лесопильно-мельничного заведения в устье р. Лососинки купца М.Н. Пикина. Новый собственник этого заведения Г.Е. Пименов связывал свои интересы лишь с лесопильным производством. А между тем услуги местной мукомольни пользовались многие городские торговцы, приобретающие рожь в Рыбинске, и крестьяне пригородных волостей, поскольку свежемолотая мука с каждого 9-пудового куля давала припек на 2 пуда больше, чем покупная⁸⁴.

Братья Хейконены открыли также лавку в своем доме по ул. Бородинской, где, кроме муки, торговали овощными и бакалейными товарами. Оборот лавки в 1913 г. исчислялся податной инспекцией в 20 тыс. руб., что вдвое превышало средний оборот торгового предприятия в г. Петрозаводске⁸⁵. Братья установили прочные связи на крупнейших рынках России и приобрели высокую деловую репутацию. В период Первой мировой войны они являлись одними из поставщиков продовольствия для частей петрозаводского гарнизона.

В рядах предпринимателей карельского края имелось также несколько выходцев из Германии, принявших российское подданство. В 1860 — начале 80-х гг. в петрозаводском купечестве состоял уроженец Мекленбурга Федор (Фридрих) Фогель, отличавшийся активной деятельностью в сфере торговли, промышленности и особенно водного транспорта⁸⁶. Известным в губернском центре трактирщиком, избравшимся членом Петрозаводской городской управы, был уроженец Ганновера Вильгельм Аффельн. Основателем картонного производства в крае выступил бывший подданный Пруссии олонекский купец Юлий Юльевич Тейфель⁸⁷.

В конце XIX — начале XX вв. в Петрозаводске постоянно проживал сохранивший германское подданство Иоганн-Генрих Гейнеман, который содержал пекарню с наемными

рабочими и лавку по продаже хлебобулочных и кондитерских изделий, размещавшуюся первоначально на Голиковке, а потом — на ул. Жуковского⁸⁸.

В конфессиональном отношении подавляющее большинство предпринимателей из среды русских, карелов и вепсов, несомненно, принадлежали к официальному православию. В дореформенное время XIX в. сильные позиции в деловой среде края имели купцы-старообрядцы⁸⁹. Однако гонения на старообрядцев при Николае I, особенно насильственный разгром в 1854—1856 гг. признанного общероссийского центра староверчества — Выговского общежительства, находившегося на территории Карелии, изменили ситуацию. Интересы дела побуждали предпринимателей, вышедших из традиционно старообрядческих семей, избегать открытых конфликтов с властями и становиться на конформистские позиции в вопросах веры. Откровенные приверженцы «древлего благочестия» в деловой среде Карелии во второй половине XIX в. стали редким явлением. Старой веры придерживались, например, представители купеческого рода Серебряковых из г. Олонца, до середины 1890-х гг. владевшие Куйтежским железоковальным заводом⁹⁰. К старообрядцам-беспоповцам открыто причислял себя торгующий крестьянин из Рыпушкальской волости Олонецкого уезда Е.Я. Шемякин⁹¹. По свидетельству писателя-этнографа С.В. Максимова, побывавшего в Кемском Поморье в середине 1850-х гг., приверженцами старообрядчества являлись поморы-предприниматели Матвей Клементьев из Ковды и Василий Савин из Керети⁹², однако уже дети и внуки последнего выступали деятельными прихожанами и благотворителями местных православных храмов Архангельской епархии. Несомненно, однако, что были и скрытые сторонники староверия.

Действовавшие в крае предприниматели из числа евреев, татар, финнов, немцев придерживались, как правило, традиционной для этих народов конфессиональной ориентации — иудейской, мусульманской, лютеранской.

Таким образом, мы видим, что социальная база формирования торгово-промышленного слоя в Карелии состояла главным образом из крестьян и купечества и в меньшей мере из мещан. В общей сложности численность торгово-промышленного слоя в Карелии к концу XIX в. превышала 900 чел., а к 1913 г. (с учетом пайщиков местных фирм, не имевших единоличных предприятий) приближалась к 1,1 тыс. чел., что составляло около 0,5 % населения края. По общероссийским меркам местная деловая среда была представлена почти исключительно средними и мелкими предпринимателями. Лиц, осуществлявших коммерческие операции на уровне купцов 1-й гильдии, были единицы. Деловой мир Карелии складывался на многонациональной основе. В его составе, наряду с русскими, видное место занимали представители коренных финно-угорских народов края — карелы и вепсы. Заметную роль в хозяйственной жизни края играли также отдельные предприниматели — выходцы из местной еврейской диаспоры, татары-переселенцы из Поволжья, уроженцы Великого княжества Финляндского и Германии.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. 1825—1881 гг. (далее ПСЗ-II). Т. 38. Отд. I. № 39118; Т. 40. № 41779; Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000. С. 20—21.

² ПСЗ-II. Т. 38. Отд. I. № 39118; Т. 40. № 41779.

³ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. I. № 39118. Роспись В; ОГВ. 1863. 5 февраля.

⁴ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. I. № 39118; Орлов Д.И. Купечество // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 213

⁵ ПСЗ-II Т. 38. Отд. I. № 39118; Т. 40. № 41779.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. 1881—1913 гг. (далее — ПСЗ-III). Т. 4. № 2282.

⁷ См.: Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 159—173; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 174.

⁸ ПСЗ-III. Т. 5. № 2907; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 224.

⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 12/33. Л. 11, 12, 14.

¹⁰ ПСЗ-III. Т. 18. Ч. 1. № 15601. Подробнее о практических результатах налоговой реформы 1898 г. см.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 226–232; Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX – начало XX вв.) // Ист. зап. М., 1986. Т. 114. С. 277–279; Шаццлло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX в. С. 46–48, 98–105.

¹¹ ПСЗ-III. Т. 18. Ч. 1. № 15601.

¹² Там же.

¹³ Там же. Налог для промышленных предприятий VI, VII и VIII разрядов в местностях 3-го класса составлял соответственно 15, 7 и 3 руб.; в местностях 4-го класса – 10, 5 и 2 рубля. Для стационарных торговых предприятий II, III и IV разрядов в местностях 3-го класса он был установлен в размерах 75, 15 и 6 руб. соответственно, а в местностях 4-го класса – 50, 10 и 4 руб.

¹⁴ См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 228.

¹⁵ ПСЗ-III. Т. 18. № 15601; Положение о государственном промысловом налоге с изложением рассуждений, на коих оно основано. СПб., 1899. С. 26.

¹⁶ См.: Положение о государственном промысловом налоге с изложением рассуждений, на коих оно основано. С. 89, 90, 92, 93, 95.

¹⁷ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. С. 215.

¹⁸ Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России... С. 282; Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России. С. 71.

¹⁹ См.: Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России... С. 278.

²⁰ Покровская И.П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 93, 94, 97.

²¹ Там же. С. 94–95, 105–106.

²² Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов. Петрозаводск, 1861. С. 24.

²³ Дороги Карелии с древнейших времен до наших дней. СПб., 1999. С. 81.

²⁴ Обзор Олонецкой губернии за 1914 г. Петрозаводск, 1914. С. 9–10.

²⁵ Подсчитано по данным: Олонецкая губерния. Статистический справочник. Петрозаводск, 1913. С. 71.

²⁶ См.: Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Т. 1. Петрозаводск, 2005. С. 168.

²⁷ ОГВ. 1874. 1 июня; 1875. 7, 11 июня.

²⁸ Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Т. 1. С. 142.

²⁹ ОГВ. 1884. 26 июля.

³⁰ Баданов В.Г., Гнетнев К.В. Финансы Карелии. Петрозаводск, 2002. С. 68 – 71.

³¹ Подсчитано по данным: ОГВ. 1868. 11 июня; Обзор Олонецкой губернии за 1898 г. Петрозаводск, 1899. Вед. 16.

³² ПСЗ-II. Т. 40. № 41779.

³³ ПСЗ-III. Т. 5. № 5664. См. также: Галахов В.В. Некоторые вопросы изучения статистических материалов промыслового обложения 1885–1898 гг. // Ист. зап. Т. 109. М., 1983. С. 242.

³⁴ ПСЗ-III. Т. 18. Отд. 1. № 15601; Положение о государственном промысловом налоге с изложением рассуждений, на коих оно основано. С. 136, 170, 171.

³⁵ Таблицы составлены по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 15, Д. 29/53. Л. 14 – 17; Д. 30/1. Л. 106 – 107, 147 – 158; Д. 30/28. Л. 3 – 13; Д. 30/34. Л. 5 об. – 16; Д. 30/37. Л. 117 об. – 119, 140, 259 – 260; Д. 31/9. Л. 119, 120, 123, 258, 259; Д. 35/45. Л. 1 – 262; Оп. 11. Д. 24/231. Л. 1 – 153; Ф.7. Оп. 1. Д. 23/195. Л. 1 – 8, 49 – 60 (данные о лесозаготовках по Пудожскому уезду за 1900 г.); Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 261 – 307 (данные о лесозаготовках по Повенецкому уезду за 1900 г.). В материалах поверок за 1890 и 1913 гг. зафиксирована принадлежность Кумсинского лесозавода в Повенецком уезде семейству Захарьевых, но конкретный состав совладельцев не указан. Из других источников явствует, что к 1890 г. совладельцами предприятия были купцы 1-й гильдии А.Д., П.Д. и Н.Д. Захарьевы и крестьяне В.П. и Ф.П. Захарьевы, а к 1913 г. собственниками оставались крестьяне И.В. и П.В. Захарьевы и потомственные почетные граждане Ф.П. Захарьев и П.Д. Захарьев (НА РК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 47/42. Л. 16, 18 об., 76, 97; Ф. 30. Оп. 2. Д. 19/300. Л. 3 – 4: Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 215). Эти дополнительные данные были учтены в таблицах. Сведения о Кумсинском заводе за 1870 и 1900 гг. в материалах поверок отсутствуют.

³⁶ Отчасти значительный рост числа предпринимателей между 1890 и 1900 гг. объяснялся тем, что по положению 1898 г. податными органами впервые стали учитываться лесозаготовительные операции. Поверкой 1900 г. по району был выявлен 51 владелец лесоразработок, в том числе 16 из них не имели других промышленных и торговых предприятий и ранее не подлежали налоговому учету.

³⁷ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4/21. Л. 28 – 33, 54 – 65, 82 – 88, 96 – 97, 168 – 183. В деле отсутствуют материалы проверки по Кандалакшской волости, но имеются сведения (НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4/28. Л. 27), что здесь в 1888 г. торговые заведения по свидетельствам мелочного

торга содержали три крестьянина (К. Подурников, Е. Карташова и Д. Лопинцева), которые были учтены нами при подсчете.

³⁸ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 13/115. Л. 3–15; Д. 14/131. Л. 32–49, 54–68, 74–91, 96–118, 130–132, 155–186-а, 196–203. По г. Кеми данные – за конец октября 1897 г., по волостям уезда – за январь – март 1898 г.

³⁹ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 226. Оп. 9. Д. 6/23–6/30. В делах содержатся заявления предпринимателей о выдаче им свидетельств на торгово-промышленные предприятия как за 1912, так и за 1913 г. Комплекс документов за 1913 г. в целом сохранился относительно лучше. При подсчете по г. Кеми, Сумскому Посаду и 17 волостям уезда нами использованы данные 1913 г. По остальным 5 волостям (Кандалакшская, Летнеконецкая, Маслозерская, Олангская, Тунгудская) из-за отсутствия материалов за 1913 г. пришлось воспользоваться данными 1912 г. При этом очевидно, что заявления ряда предпринимателей за 1913 г. (представителей фирмы Беляевых на сорокские лесозаводы, держателей аптеки в Кеми М.Д. Лиозненского, лавочников из с. Колежма и Шуерецкое М.И. Кочиной, П.И. Старкова, И.Д. Чиракина и некоторых других), предприятия которых продолжали действовать и во время Первой мировой войны, утрачены. См.: НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 21/170. Л. 5–6 об.; Ф. 552. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 91–92 об.; Д. 1/13. Л. 7–8 об.; Д. 1/15. Л. 13–14 об.

⁴⁰ Всего в 1870 г. приписку за пределами карельских уездов имели 38 человек. Но известно, что 7 человек из них постоянно проживали в Петрозаводске (крестьяне Вытегорского уезда А.П. Игнатьев и Н.П. Левин, мещанин Минской губ. Р. Левин, крестьянка Лодейнопольского уезда А.А. Литягина, тверские крестьяне М.М. и В.А. Румянцевы, петербургский мещанин В. Шипицын). См.: Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 2. С. 42, 108, 131; Петрозаводский некрополь. Справочник / Сост. Т.А. Мошина. Петрозаводск, 2009. С. 46, 67, 88; НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14/11, Л. 28 об. – 29.

⁴¹ К 1900 г. существовали две фирмы в форме полного товарищества, в которых участвовали жители края, – «Важинское пароходство» (основана в 1891 г.) и «Товарищество Вознесенского буксирного пароходства А.И. Миронков, А.С. Кораблев и К^о» (основана в 1899 г.). Однако обе они были зарегистрированы за пределами Карелии: первая в г. Новая Ладога Петербургской губ., вторая в г. Лодейное Поле. Основной район действия этих компаний (Мариинский водный путь) и их главные конторы, располагавшиеся в лодейнопольских селах Подпорожье и Вознесенье, находились вне сферы компетенции податных органов карельских уездов (НА РК. Ф. 4. Оп. 8. Д. 1/7. Л. 7 – 8 об.).

⁴² Акционерная компания — организация для коммерческой деятельности, создававшаяся путем объединения вкладов компаньонов через выпуск и продажу акций. В случае банкротства фирмы ее участники несли ответственность только в размере вклада, внесенного в основной (акционерный) капитал. Устав акционерного общества утверждался правительством. Оно было обязано ежегодно публиковать отчеты о своей деятельности. В России существовали две разновидности акционерных компаний — акционерное общество и паевое товарищество. Паевые товарищества по сравнению с обществами отличались сравнительно узким и устойчивым кругом акционеров. Их акции выпускались высокими номиналами и зачастую были именными, перепродажа акций ограничивалась (преимущественным правом покупки пользовались другие пайщики, а порядок определения продажной цены определялся уставом).

Полное товарищество — объединение предпринимателей для совместных действий, участники которого несли солидарную ответственность по всем делам предприятия. Размер вклада каждого компаньона определялся в учредительском договоре. В товариществах на вере, кроме полных товарищей, могли принимать участие вкладчики, которые отвечали за деятельность предприятия только в размере своих вкладов в основной капитал. Вкладчики не имели решающего голоса в делах фирмы, но участвовали в прибылях в соответствии с размером вкладов. Товарищества создавались явочным порядком, но подлежали регистрации в губернских учреждениях. Они не были обязаны публичной отчетностью. См.: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Изд. 2. СПб., 2006. С. 23—30; Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. С. 515—516, 522, 525.

⁴³ См.: Шацлло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX в. С. 178.

⁴⁴ В Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета в связи с введением положения 1898 г. прямо указывалось, что «к свидетельствам 1-й гильдии приравняются промысловые свидетельства на торговые предприятия I разряда, на промышленные предприятия первых трех разрядов... а к свидетельствам 2-й гильдии — промысловые свидетельства на торговые предприятия II разряда, на промышленные предприятия IV и V разряда». ПСЗ-III. Т. 18. Отд. 1. № 15601.

⁴⁵ См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. С. 391, 400, 403.

⁴⁶ Военное сословие включало следующие категории: регулярное и иррегулярное войско (строевые и нестроевые нижние чины), бессрочно-отпускные, отставные с семьями, солдатские жены и дети. См.: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура

населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX вв. Статистический анализ. Л., 1984. С. 35. Кроме лиц, непосредственно находившихся в составе регулярных и иррегулярных войск, остальные представители данной сословной группы имели все права на ведение предпринимательской деятельности.

⁴⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 56 об. — 57.

⁴⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 242.

⁴⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 8/20. Л. 88.

⁵⁰ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 220.

⁵¹ ОГВ. 1895. 12 декабря.

⁵² НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 4/124. Л. 2 — 36.

⁵³ Там же. Ф. 30. Оп. 2. Д. 12/186. Л. 47, 97, 322 — 323.

⁵⁴ Полвека государственной и общественной службы В.В. Савельева // ВОГЗ. 1916. № 2. С. 46 — 51.

⁵⁵ Подсчитано по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи на 1897 г. Вып. 1. Архангельская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 116; Вып. 27. Олонецкая губерния. Тетрадь 3. СПб., 1904. С. 96 — 106.

⁵⁶ Подсчитано по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи на 1897 г. Вып. 1. Архангельская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 117 — 118; Вып. 27. Олонецкая губерния. Тетрадь 3. С. 118 — 119, 138 — 145.

⁵⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40/86. Л. 302.

⁵⁸ ОГВ. 1867. 6 мая.

⁵⁹ Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 97.

⁶⁰ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии... С. 193, 217; Пашков А.М. Олонец в первой половине XIX в. // Олонец. Историко-краеведческие очерки. Ч. 1. Петрозаводск, 1999. С. 108 — 112.

⁶¹ Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. С. 335; Пашков А.М. Олонец в первой половине XIX в. С. 109; НА РК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 50/390. Л. 1 об.

⁶² Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии... С. 217.

⁶³ Архив КГКМ. Д. 771. Л. 26; НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116/7. Л. 274.

⁶⁴ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). С. 31.

⁶⁵ НА РК. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 54 об.

⁶⁶ Aunuksen Repola. Joensuu, 2001. S. 158 — 164; Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 491. Rauma, 1988. S. 244 — 252.

- ⁶⁷ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии... С. 216–217.
- ⁶⁸ Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 29–31, 40–42, 144, 146, 148, 222, 325, 376; Кн. 3. С. 92, 134, 572.
- ⁶⁹ Генделев Д. Из истории еврейской общины Петрозаводска. Петрозаводск, 2002. С. 4.
- ⁷⁰ ПСЗ-II. Т. 41. № 42264.
- ⁷¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 15/12. Л. 3 об.; Оп. 6. Д. 6/11. Л. 2 об.
- ⁷² Генделев Д. Указ. соч. С. 11–12; НА РК. Ф. 4. Оп. 4. Д. 9/42. Л. 20, 28.
- ⁷³ Роговин Л.М. Систематический сборник действующих законов о евреях. СПб., 1913.
- ⁷⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 4. Д. 9/42. Л. 12 об.; Оп. 5. Д. 5/38. Л. 15.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 4. Д. 9/42. Л. 6 об.; Оп. 11. Д. 25/268. Л. 13–14, 19–20, 79–80, 124–126; Вся торгово-промышленная Россия. Стлб. 1754, 1756.
- ⁷⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 17. Д. 19/12. Л. 2, 9, 13 об., 16.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 5. Д. 1/15. Л. 16 об. – 17. Оп. 18. Д. 24/231. Л. 9.
- ⁷⁸ См.: НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 86/60.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 6. Т. 1. Д. 54/37. Л. 1–15.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 11, 14.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² ОГВ. 1890. 29 августа.
- ⁸³ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. С. 23.
- ⁸⁴ См.: ОГВ. 1891. 20 ноября.
- ⁸⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 21 об. – 22.
- ⁸⁶ ОГВ. 1884. 5 мая; Случевский К.К. По северо-западу России. Т. 1. По северу России. СПб., 1897. С. 414.
- ⁸⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 53/135. Л. 2.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 15. Д. 35/45. Л. 62 об. – 63; Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. С. 23.
- ⁸⁹ Ружинская И.Н. Приходские священники о благочестии жителей Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв. // Православие в Карелии (Материалы республиканской научной конференции). Петрозаводск, 2000. С. 111; Она же. Заонежское старообрядчество в первой половине XIX в. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV международной конференции «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 233, 234.
- ⁹⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 53/74. Л. 1, Ф. 30. Оп. 2. Д. 5/77. Л. 48, 51 об.
- ⁹¹ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 77/1214. Л. 142 об. – 143.
- ⁹² Максимов С.В. Избранное. М., 1981. С. 240–241.

ГЛАВА II

Торговое предпринимательство

Ведущей областью предпринимательской деятельности в Карелии, как это было характерно и для других сравнительно слабо развитых окраин России в рассматриваемое время, оставалась сфера товарного обращения, в которой в отличие от производственной сферы предоставлялась возможность для быстрого накопления капитала без больших предварительных затрат на развитие материально-технической базы и наем рабочей силы. Торговцы, с одной стороны, осуществляли снабжение населения края привозным продовольствием и хозяйственно-бытовыми товарами, а с другой, сосредоточивали в своих руках скупку и сбыт местной промысловой и сельскохозяйственной продукции, выступая в качестве посредников между массой мелких хозяйств и крупным рынком.

Происходившее во второй половине XIX — начале XX вв. в России утверждение капиталистических рыночных отношений способствовало значительной активизации торговой сферы экономики. Росли объемы и интенсивность товарного обращения. Свойственные для феодальной эпохи периодические формы торговли вытеснялись постоянными. Складывалась разветвленная розничная сеть магазинов и лавок. Эти процессы постепенно охватывали и окраины обширной империи, включая Карелию.

Важнейшим торговым центром края, где концентрировалась наиболее значительная часть крупных, по местным меркам, капиталов и сложилась разветвленная сеть стационарных торговых предприятий, был Петрозаводск. Для Пет-

розаводска, который исторически сформировался вокруг крупнейшего предприятия казенной военной промышленности — Александровского пушечного и снарядолитейного завода, была характерна прежде всего торговля ввозными товарами, доставлявшимися из-за пределов края — хлебом и другим продовольствием, винно-водочной продукцией, мануфактурой, галантереей и другими промышленными изделиями, преимущественно массового спроса.

Одну часть торгово-предпринимательской элиты Петрозаводска составляли потомки старых купеческих фамилий XVIII — первой половины XIX вв., другая была представлена выходцами из «неименитой» среды, главным образом, из крестьян и мещан.

Гостиный двор — средоточие торговой жизни Петрозаводска. Фото нач. XX в. Из кн. «Петрозаводск. Хроника трех столетий». Петрозаводск, 2002

Из представителей «старогильдейского», дореформенного купечества, успешно продолжавших дело в пореформенные десятилетия XIX и в начале XX вв., наиболее известной и устойчивой династией, оставившей след во многих сферах жизни города, бесспорно, являлись Пименовы.

Основатель династии Марк Пименович Пименов родился в 1799 г. в с. Шокша Петрозаводского уезда в семье крестьянина-вепса. Начиная карьеру в качестве приказчика и доверенного лица шокшинского торгующего крестьянина Павла Варапайкина, занимавшегося «каменными подрядами» в Петрозаводске и Петербурге и нанимавшего для этой цели на родине артели из местных крестьян-каменотесов. В дальнейшем он унаследовал часть капиталов и дело П. Варапайкина. С начала 1820-х гг. М.П. Пименов жил в Петербурге. С 1836 г. он состоял в столичном купечестве по 1-й гильдии и вел подрядные операции по строительству каменных зданий, мостов и набережных в Петербурге и крепостных сооружений в Кронштадте. В частности, в 1841 г. был единственным предпринимателем, который взялся по приказанию Николая I возвести каменный Аничков мост «в одно лето» и успешно справился с подрядом¹. В 1843 г. Пименов перевелся в петрозаводское купечество², а затем и переехал в Петрозаводск. Жил он во вновь построенном двухэтажном каменном особняке на Зареке (угол ул. Пробной и Лососинской набережной), который современники единодушно называли одним из лучших домов в губернском городе.

Обстоятельную характеристику коммерческих занятий М.П. Пименова дал в одном из документов, направленных министру финансов в 1850 г., олонецкий губернатор Н.Э. Писарев: «Обширность его хлебной торговли простирается слишком на 200 тыс. рублей серебром. Он снабжает хлебом не только свои лавки, которых в Петрозаводске имеет 11, но почти всех местных торговцев, в капитале ограниченных, и не могущих иметь прямых сношений с местами оптовой торговли хлебом. Кроме сего, коммерция Пименова еще замечательна торговлею разными другими продуктами — чаем, сахаром, кофе и пр., коими снабжаются также все петрозаводские торговцы или прямо от него, или под его ручательство в столице. Так, что сложность коммерческих оборотов Пименова простирается в год более, нежели на 300 тыс. рублей...

Сверх сего, на работы, которые он производит ежегодно на сумму иногда до 300 тыс. рублей серебром в Кронштадте и С.-Петербурге, он нанимает преимущественно жителей Олоонецкой губ...».³ В последние годы жизни М.П. Пименов свернул подрядно-строительное дело и полностью сосредоточился на торговых операциях. Он стал первым петрозаводчанином, которому в 1849 г. указом Сената было присвоено звание потомственного почетного гражданина, и единственным за всю историю края предпринимателем, удостоенным звания коммерции советника. Умер 20 апреля 1865 г.⁴ В свое время похороны М.П. Пименова были запечатлены на живописном полотне, по-видимому, принадлежавшем кисти петрозаводского художника М.В. Богданова и экспонировавшемся впоследствии на научно-художественной выставке в Братском Назарьевском доме в 1906 г.⁵

Наследником М.П. Пименова стал усыновленный им племянник Ефим Григорьевич Пименов (род. 1828). Известно, что он владел несколькими озерными судами и, состоя купцом 1-й гильдии, продолжал вести оптовую торговлю продовольственными товарами. В 1867 г., когда край тяжело переживал последствия неурожая, губернская газета называла Е.Г. Пименова «единственным почти, значительным в г. Петрозаводске, торговцем хлебом»⁶. Энергичные и оперативные действия Е.Г. Пименова в июле 1867 г. по закупке хлеба нового урожая во многом способствовали преодолению острого продовольственного кризиса в городе. В связи с этим та же газета аттестовала его как одного «из лучших и действительно полезных наших граждан»⁷. Торговые операции в Петрозаводске Е.Г. Пименов вел через два оптоворозничных заведения, одно из которых располагалось в гостинном дворе, а второе, действовавшее в навигационный период, — на общественной пристани⁸. Е.Г. Пименов также выполнял в городе наиболее значительные строительные подряды (в том числе по постройке казарм для губернского батальона в 1870—1871 гг. и каменного здания Олоонецкой

духовной семинарии в 1869 — 1872 гг.). О масштабах его деятельности красноречиво свидетельствует сумма последнего подряда, составившая 125 тыс. руб.⁹ Е.Г. Пименов был крупным общественным деятелем, одновременно возглавлявшим в течение ряда лет губернскую земскую управу и Петрозаводское городское самоуправление. Скоропостижно умер в расцвете сил в 1873 г. в г. Рыбинске, где решал текущие коммерческие вопросы, оставив многодетную семью, в которой было семеро сыновей и три дочери¹⁰.

Здание Олонецкой духовной семинарии, построенное Ефимом Григорьевичем Пименовым. Фото конца XIX — нач. XX в. Из кн. *«История Карелии с древнейших времен до наших дней»*. Петрозаводск, 2001

Некоторое время семейным делом руководила вдова Е.Г. Пименова Анна Николаевна, а затем его продолжили сыновья Александр Ефимович (1862 — 1936) и Георгий Ефимович (1871 — 1919). А.Е. Пименов после женитьбы в конце 1880-х гг. на дочери крупного лесопромышленника из Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии Михаила Родионовича Шарапова Пеллагее Михайловне переселился в с. Колчаново Новолодожского

Потомственный почетный гражданин, городской голова г. Петрозаводска Георгий Ефимович Пименов. Из кн. «Альбом городских голов Российской империи». СПб., 1903

уезда, однако вместе с братом Георгием участвовал и в некоторых деловых проектах в родном городе¹¹. Г.Е. Пименов жил в Петрозаводске. Оба они, в отличие от предшественников, почти не занимались торговлей, а основное внимание в своей предпринимательской деятельности уделяли производственной сфере экономики. Два лавочных помещения, сохранившихся за Г.Е. Пименовым в гостином дворе и сдававшихся в аренду,

он в 1911 г. продал потребителскому обществу¹².

Другой именитой коммерческой семьей в Петрозаводске являлись Пикины. Глава этой династии и наиболее яркий ее представитель Николай Федорович Пикин (1818 – 1890) был потомственным купцом. Его мать Екатерина Евтифеевна принадлежала к коренному петрозаводскому купеческому роду Дубровиных. Отец – Федор Пикин состоял в купечестве г. Лодейное Поле¹³.

Николай Федорович открыл самостоятельное торговое дело в 1854 г. После смерти дяди – купца 3-й гильдии Тимофея Евтифеевича Дубровина в 1863 г. – унаследовал его двухэтажный деревянный дом с флигелем на углу Святнаволоцкой ул. и Онежской набережной и капитал, который разделил поровну с младшим братом Александром¹⁴. Вел мелкооптовую и розничную торговлю хлебными, овощными и бакалейными товарами, кото-

рые приобретал в Рыбинске и Петербурге. Имел две лавки (в гостином дворе и в собственном доме на Святнаволоцкой ул.), суммарный годовой оборот которых оценивался податной инспекцией в 1890 г. в 34 тыс. руб.¹⁵ Кроме того, в 1880-х гг. оборудовал в своем доме хлебопекарное предприятие, выпекавшее булки и крендели, в котором было занято 7 рабочих. Многократно избирался городским головой г. Петрозаводска.

Дом купцов Пикиных (с 1906 г. — дом Тиккоевых). Нач. 1970-х гг.
Архив автора

При сыне Н.Ф. Пикина Марке Николаевиче дело первоначально успешно развивалось. Оборот лавок к 1900 г. увеличился до 44 тыс. руб., была построена лесопильня и открыта лесная биржа, на которой продавались пиломатериалы собственной выработки на сумму до 10,3 тыс. руб. в год. Расширилось и хлебопекарное производство¹⁶. Марк Николаевич не раз предпринимал широкие благотвори-

тельные акции. Однако в период экономического кризиса начала XX в. деловое положение М.Н. Пикина резко пошатнулось, и предприниматель обанкротился¹⁷.

Патриархом и одной из самых противоречивых фигур в среде петрозаводского купечества в первые пореформенные десятилетия являлся крупный хлеботорговец Гавриил Маркович Сывороткин (1787 – 1874). Он был сыном петрозаводского купца 3-й гильдии Марка Артемьевича Сывороткина и уже с 1820-х гг. вел самостоятельное дело¹⁸. В конце 1850 – начале 60-х гг., до отмены 3-й гильдии, был единственным в городе купцом, объявлявшим капитал по 2-й гильдии (в 1-й гильдии состоял только М.П. Пименов)¹⁹. Имел лавки в гостином дворе и на общественной пристани. Одно время содержал также оптовый склад вина в г. Повенце. Построил для себя в центре Петрозаводска два двухэтажных каменных дома, сохранившихся и доныне (пр. Маркса, 10 и ул. Куйбышева, 4). В 1864 г. в одном из этих домов он открыл первую в городе булочную и кондитерскую, устроенную «на пертурбургский лад».

Г.М. Сывороткин получил скандальную всероссийскую известность тем, что во время голода в начале лета 1867 г. осуществил спекулятивную операцию по вывозу из Петрозаводска на р. Свирь 1500 кулей муки (13,5 тыс. пудов), что привело к искусственному взвинчиванию цен на хлеб в городе. Об этом поступке сообщала не только местная пресса, но и столичная газета «Сын отечества»²⁰. Либеральный губернатор Ю.К. Арсеньев в письме к управляющему Министерством внутренних дел А.Б. Лобанову-Ростовскому охарактеризовал Сывороткина в связи с этим как «тип упрямого самодура, грязного клеветника и самого мелочного скряги»²¹. Но неблагоприятное отношение губернатора не помешало влиятельному хлеботорговцу пребывать на посту городского головы с 1865 по 1868 гг.²²

Крупным хлеботорговцем из «старогильдейских» купцов был также Николай Павлович Серого (1834 — после 1918 гг.). По свидетельству одного из современников, Серого «на Рыбинской бирже имел большое значение, закупал большие партии муки, покупал не только себе, но и другим, и даже земству»²³. Он начал деловую карьеру в 1859 г. и успешно продолжал ее вплоть до революционных событий 1917 — 1918 гг. К 1890 г. владел четырьмя продовольственными лавками в разных районах Петрозаводска, суммарный оборот которых оценивался в 69 тыс. руб. К 1900 г. объем его розничных торговых операций вырос до 139 тыс. руб.²⁴ В середине 1890-х гг. Н.П. Серого некоторое время записывался даже в купцы 1-й гильдии, что было редким явлением для Карелии. И в дальнейшем долгожитель «торгового цеха» не сдавал позиций в борьбе с более молодыми конкурентами. Накануне Первой мировой войны 79-летний Н.П. Серого числился владельцем двух крупных хлебно-овощных и бакалейных лавок — в гостином дворе и в своем доме на углу Александровской и Вытегорской ул. (ныне здание епархиального управления) и по размерам оборота (120 тыс. руб.) входил в первую пятерку петрозаводских торговцев²⁵. Кроме него, к тому времени в числе ведущих торговцев города больше не осталось представителей дореформенных купеческих фамилий.

Из лиц, пополнивших купеческую элиту Петрозаводска в пореформенную эпоху, масштабами своей торговой деятельности выделялись выходцы из крестьянского сословия — представители рода Румянцевых, а также С.Л. Леонтьев и Х.Г. Кононов.

В 30—40-х гг. XIX в. в Петрозаводск из села Скнятино Калязинского уезда Тверской губернии, друг за другом, переехали братья Алексей Миронович и Максим Миронович Румянцевы и их родственник Никита Павлович Румянцев. Первоначально они занимались разносной торговлей галантерейным и «красным» товаром, но уже к середине столе-

тия сумели расширить операции и обзавелись собственными лавками²⁶. В 1870–80-х гг. представители первого и второго поколений этого семейства – Максим Миронович (1812–1888), Никита Павлович (1815–1896) и Иван Алексеевич (1836–1902) записались в купечество²⁷.

И.А. Румянцев, даже по местным меркам, был купцом средней руки, оборот его лавки в гостином дворе, специализировавшейся на продаже галантереи, мануфактуры, обуви и детских игрушек, в 1890 г. оценивался в 5 тыс., а в 1900 г. – в 10 тыс. руб. Кроме торговли И.А. Румянцев занимался также лесозаготовками. За активную общественную деятельность в 1901 г. он удостоился звания почетного потомственного гражданина. После смерти И.А. Румянцева его сыновья Иван и Павел перестали записываться в купечество²⁸. Лавка по завещанию перешла к Андрею Никитовичу Румянцеву, но он вскоре ее продал²⁹.

Более значительные операции, чем Иван Алексеевич, вели Никита Павлович Румянцев и его преемник сын Николай Никитович (род. 1854), также состоявший в купечестве. В 1890 г. оборот лавки Н.П. Румянцева в гостином дворе составлял 20 тыс. руб. В основном в лавке торговали галантерейными, мануфактурными и парфюмерно-косметическими товарами, но здесь же петрозаводчане могли также приобрести книги и изобразительную продукцию. Так, например, еще в 1877 г. местная газета сообщала, что в торговом заведении Н.П. Румянцева «продаются удобные для подарков... виды г. Петрозаводска и водопадов на р. Суне, в кабинетном формате»³⁰.

На рубеже XIX–XX вв. Николай Никитович Румянцев, помимо мануфактурно-галантерейного заведения, стал содержать в гостином дворе также хлебно-овощную и бакалейную лавку, объем его торговли поднялся до 55 тыс. руб.³¹ Однако в дальнейшем от продажи продовольственных товаров он отказался, расширив ассортимент промышленных изделий за счет канцелярских и чертежных принадлежно-

стей. В начале 1910-х гг. в его лавке впервые в городе появились электроарматура и приборы для электрического освещения (лампочки, люстры, бра). Интерес Николая Никитовича к сложным по тому времени товарам был не случаен: он являлся одним из немногих петрозаводских торговцев, имевших полное гимназическое образование³².

Наиболее крупными предпринимателями из рода Румянцевых стали представители ветви, родоначальником которой был Максим Миронович, а продолжателями — его сыновья купцы Степан Максимович (1841 — 1908) и Яков Максимович (1847 — 1917). Расширению семейного дела в немалой степени способствовали выгодные браки: Степана с дочерью одного из сулажгорских торгующих крестьян Тихоновых Татьяной Андреевной, а Якова — с дочерью купца-хлеботорговца Г.М. Сывороткина Анной Гавриловной³³.

Открыв в 1859 г. самостоятельную торговлю в гостином дворе, М.М. Румянцев первоначально занимался продажей разнообразных предметов житейского обихода, включая галантерею, мануфактуру, обувь, головные уборы и др. С начала 1870-х гг. он начал торговать также дорогими серебряными и золотыми изделиями. Уже после смерти М.М. Румянцева его сыновья развернули значительную хлебную и овощную торговлю, включились в лесозаготовительные операции. В 1909 г., когда отмечался 50-летний юбилей семейной фирмы, основанной Максимом Румянцевым, в губернской газете она характеризовалась, по-видимому, с некоторым юбилейным преувеличением, как «первая по солидности и устойчивости своего положения» в губернском городе. Среди деловых партнеров Румянцевых газета называла известные столичные торговые фирмы Елисеевых, Тунцовых, братьев Урусовых, «Товарищество М.А. Александрова», архангельскую лесопромышленную фирму «Братья Шольц»³⁴.

В 1890 г. оборот лавки С.М. Румянцева в гостином дворе оценивался в 20 тыс. руб., а в 1900 г. за братьями С. и Я. Румянцевыми числилось уже две лавки в гостином дворе с об-

щим оборотом в 94,2 тыс. руб. После кончины старшего брата в 1908 г. объем торговых операций у Я.М. Румянцева несколько сократился и накануне Первой мировой войны оценивался податной инспекцией в 72 тыс. руб.³⁵, что являлось шестым показателем среди петрозаводских торговцев.

Братья Румянцевы неоднократно избирались земскими и городскими гласными и членами различных попечительств, а Яков Максимович прославился как один из пионеров пчеловодства и садоводства в Петрозаводске. В 1895 г. его сад при доме на ул. Соломенской (с 1902 г. — Жуковская), где успешно произрастали и плодоносили яблони, груши, вишни, сливы, посетил министр земледелия и государственных имуществ России А.С. Ермолов³⁶. Я.М. Румянцев являлся также агентом российского страхового общества «Якорь» в Петрозаводске³⁷.

Олонецкий карел Степан Леонтьевич Леонтьев (род. 1847) азы предпринимательства основательно изучил, работая в конце 1860-х гг. приказчиком в лавке торгующего крестьянина Василия Мокеевича Ипатова в гостином дворе. Должность приказчика позволяла постичь как психологию покупателя, так и нравы торгового мира, установить широкие деловые связи, нажить стартовый капитал несправедливым (утаивание части выручки от хозяина) либо праведным путем (в виде щедрого вознаграждения или даже получения части наследства за успешную торговлю). Открыв собственное дело, С.Л. Леонтьев очень быстро пошел в гору, специализируясь на продаже тех же товаров, которыми торговал в качестве приказчика — мука, бакалея, табачные изделия. Становлению С.Л. Леонтьева и Х.Г. Кононова, о котором пойдет речь ниже, как крупных коммерсантов способствовали и объективные обстоятельства — уход в середине 1870-х гг. с местного рынка продовольственных товаров таких прежде ключевых фигур, как Е.Г. Пименов и Г.М. Сывороткин. К 1890 г. С.Л. Леонтьев записался в купечество и владел вместе с женой четырьмя лавками с оборотом в 54,5

тыс. руб. К 1900 г. оборот этих предприятий повысился до 83 тыс. руб., а к 1913 г. — до 123 тыс. руб., что было тогда наиболее высоким показателем в городе³⁸.

Сохранились некоторые счета С.Л. Леонтьева за 1902 г., свидетельствующие о широте его коммерческих связей. Так, пшеничную муку он приобретал в Рыбинске у тамошнего отделения саратовского торгового дома «Братья Шмидт», ржаную — у Афанасия Лагутова в г. Чистополе Казанской губернии, цикорий и табак — у Кузьмы Эльтекова в Рыбинске, чай — у известнейших фирм «Василий Перлов с сыновьями» (Петербург) и «Д. Высоцкий, П. Гоц и К^о» (Москва), сахар и сахарный песок — у «Товарищества П. Боткина сыновья» (петербургское отделение), кондитерские изделия — у «Товарищества фабрики «Реноме» в Москве и «Товарищества Жорж Борман» в Петербурге. Только с фабрики «Реноме» в адрес С.Л. Леонтьева в одной из партий поступило 15 сортов конфет, 5 видов шоколадных яиц, 4 сорта халвы и два вида сахарной пастилы³⁹.

По мере накопления капитала С.Л. Леонтьеву становилось тесно в рамках торговой деятельности, и уже в конце XIX в. он стал вкладывать средства также в промышленные предприятия.

Харитон Германович Кононов (1849—1917) перебрался в Петрозаводск из родной карельской деревушки Юостозеро Повенецкого уезда в 1862 г.⁴⁰ Вместе со Степаном Леонтьевым служил приказчиком у торгующего крестьянина В.М. Ипатова, только в другой лавке — на Александровской улице. После смерти В.М. Ипатова он начал собственную торговлю и в 1879 г. перешел из крестьянства в купечество. К 1890 г. имел четыре лавки в разных частях города (гостиный двор, Александровская, Бол. Голиковская и Бол. Закаменная улицы) с хлебными, бакалейными и другими продовольственными товарами. Суммарный оборот этих заведений оценивался в 18,5 тыс. руб. В дальнейшем ком-

мерция шла еще более успешно. В 1900 г. оборот тех же четырех лавок (две из них были записаны на жену купца Елизавету Михайловну) вырос до 56 тыс. руб., а к 1913 г. — до 88 тыс. руб.⁴¹ Следует, однако, учитывать, что к тому времени часть капитала он выделил двум сыновьям, открывшим собственную торговлю.

Петрозаводский купец Харитон Германович Кононов с супругой Елизаветой Михайловной (урожденной Корыговой). *Личный архив Т.Д. Щербачевой*

Один из этих сыновей Федор Харитонович Кононов содержал мелочную лавочку с бакалейно-овощным товаром на Екатерининской улице (в 1913 г. оборот 4 тыс. руб.)⁴². Алексей Харитонович совместно с тещей Марией Алексеевной Тихоновой, представительницей известной династии предпринимателей из пригородной д. Сулажгоры, в декабре

1910 г. основал один из первых в Петрозаводске торговых домов — полное товарищество «М.А. Тихонова и А.Х. Кононов». Товарищество имело уставной капитал в 25 тыс. руб. и занималось продажей мучных, колониальных и винно-водочных товаров⁴³. Оборот торговых заведений этой фирмы составлял в 1913 г. не менее 119 тыс. руб.⁴⁴ Алексей Кононов избирался также товарищем директора Петрозаводского городского общественного банка.

Наиболее значительной фигурой, влившейся в ряды петрозаводского торгового купечества в начале XX в., был уроженец пригородной д. Окуловской Ялгубского сельского общества Шуйской волости Степан Алексеевич Тиккоев (род. 1865). В отличие от С.Л. Леонтьева и Х.Г. Кононова, имевших домашнее образование, Степан Алексеевич окончил городское училище. Он начал предпринимательскую деятельность в 1890-е гг. в качестве совладельца лавки в гостином дворе вместе с братьями Андреем и Василием. Оборот этого хлебно-бакалейного и овощного заведения в 1900 г. оценивался в 40 тыс. руб.⁴⁵ Вскоре, однако, С.А. Тиккоев начал действовать самостоятельно и очень быстро сумел умножить капитал, вкладывая средства одновременно в торговлю, недвижимость, предприятия промышленности и водного транспорта. В его руки перешла значительная часть имущества обанкротившегося М.Н. Пикина, включая дом с флигелем и лавкой на углу Святнаволоцкой (с 1912 г. — Бородинской) улицы и Владимирской набережной. К 1913 г., кроме продовольственной лавки в доме на Бородинской улице, С.А. Тиккоеву принадлежали две такие же лавки в гостином дворе. Общий оборот этих заведений составлял 121 тыс. руб.⁴⁶ Если в 1899 г. недвижимая собственность С.А. Тиккоева оценивалась в 2,4 тыс. руб., то в 1913 г. — в 10,2 тыс. руб. Он стоял у истоков городского общественного банка и с 1903 по 1917 гг. входил в учетный комитет банка. В декабре 1913 г. С.А. Тиккоеву было пожаловано звание личного почетного гражданина⁴⁷.

Один из братьев Степана Алексеевича Тиккоева Андрей также повел самостоятельное торговое дело, в 1913 г. его хлебно-мучная лавка в гостином дворе имела довольно значительный оборот в 25 тыс. руб. Из крестьян Шуйской волости он перешел в петрозаводские мещане. За Василием Алексеевичем Тиккоевым торговых заведений в 1910-х гг. не числилось⁴⁸.

Наряду с представителями родовитого и неродовитого купечества видную роль в торговой жизни Петрозаводска второй половины XIX — начала XX вв. играли крестьянские династии Тихоновых и Леймановых из пригородного селения Сулажгора.

Тихоновы приобрели даже определенную общероссийскую известность благодаря книге «Народная жизнь на Севере» известного публициста либерально-народнического направления С.А. Приклонского, в 1870-х гг. служившего чиновником в Олонецкой губернии. Автор посвятил в своей книге этому семейству следующие, не лишённые назидательности строки: «Когда подъезжаешь к Петрозаводску по большой петербургской дороге, то в деревне Сулажгоре ямщик указывает всякому проезжающему полусгнившую избушку с забитыми наглухо окнами, покачнувшуюся на бок, но тщательно огороженную и охраняемую от огня. Насупротив ее, по другую сторону дороги, стоит большой двухэтажный дом, прекрасно отделанный, со множеством хозяйственных построек.

— Тутешние крестьяне Тихоновы выстроили, — поясняет ямщик, указывая на двухэтажный дом. — В городе у них лавки свои, домов сколько построили... А сами здесь, на крестьянстве живут, — днем в городе торгуют, а вечером сюда приезжают.

— А здесь, — продолжает ямщик, показывая на избушку, — родители их жили, пока не расторговались.

— Вишь ты, — не хотят ломать избушку, чтобы нужду крестьянскую помнить.

Благодаря ветхой избушке и «крестьянству» едва ли кто пользуется в Петрозаводске такою известностью, как купцы Тихоновы. Они — первые лица, с которыми знакомится, по рассказам, всякий, приезжающий в Петрозаводск»⁴⁹.

Основатель обширного семейного дела крестьянин Иван Тихонов (1792 — 1872) еще в 1820 — 30-е гг. занимался подрядами, скупал скот в Шуйской волости и торговал мясом в базарные и ярмарочные дни в Петрозаводске. Первый из пяти его сыновей Федор Иванович Тихонов-старший (1814 — 1886), купив в 1843 г. лавку в гостинном дворе «на общие деньги всей семьи», начал в губернском центре стационарную торговлю⁵⁰. Будучи неграмотным, Ф.И. Тихонов-старший обладал природной сметкой и недюжинной деловой хваткой. Постоянно умножая капитал, он в дальнейшем приобрел еще две лавки в гостинном дворе, двухэтажный деревянный дом на Зарецкой стороне города, а также построил такой же новый дом в Сулажгоре. В 1890-х гг. его сын Семен Федорович не без основания писал: «Не будь у моего отца такой предприимчивости к труду и промышленности, семейство Тихоновых, при значительности состава, может быть, в настоящее время ходило бы нагишом, как большая часть крестьян д. Сулажгоры, и терпело бы нужду, подобно другим»⁵¹.

Младшие братья распорядителя капитала — Никита, Алексей, Андрей и Федор-младший находились при деле в ранге приказчиков. В 1867 г. Федор Иванович Тихонов-старший в связи с ухудшением состояния здоровья передал бразды правления семейным делом Федору Ивановичу-младшему (род. 1835), а тот через 7 лет — Никите Ивановичу (1821 — 1880). При Никите Ивановиче в круг коммерческих интересов Тихоновых вошла винная торговля, способствовавшая быстрому приросту капиталов. Был построен оптовый винный склад на Онежской набережной (в некоторых источниках именуется водочным заводом) и открыты два винных погреба. Оставаясь в крестьянстве, Н.И. Тихонов в течение нескольких лет выбирал торговые документы по 1-й гильдии⁵².

После его кончины к руководству делом пришли Алексей Иванович (1832 – 1893) и вновь Федор Иванович-младший. К 1890 г. Тихоновым принадлежала самая широкая торговая сеть в тогдашнем Петрозаводске. В нее входило 9 заведений (5 лавок в гостином дворе, лесной двор и оптовый винный склад на Владимирской набережной, ренсковые погреба на Большой Подгорной и Петербургской улицах) с общим оборотом в 64 тыс. руб. Не имел прецедентов в городе по своему разнообразию и ассортименту товаров (хлеб, бакалея, вино-водочные изделия, готовое платье, ткани, кожевенные изделия, круглые лесоматериалы, дрова)⁵³.

Еще в 1878 г. от семейного дела отделился и переписался в купечество г. Петрозаводска один из сыновей Федора Ивановича Тихонова-старшего Иван Федорович (род. 1849). В 1890 г. он владел тремя лавками в гостином дворе с хлебно-бакалейным, гастрономическим и колониальным товаром, оборот которых составлял около 35 тыс. руб. К 1900 г. эти лавки были перестроены в первый в городе гастрономический магазин с оборотом в 30 тыс. руб., зарегистрированный на жену купца Александру Игнатьевну Тихонову⁵⁴. В 1908 – 1909 гг. И.Ф. Тихонов состоял членом Петрозаводской городской управы, но вскоре разорился⁵⁵.

В начале 1890-х гг. Алексей Иванович и Федор Иванович-младший повели линию на «тихую» приватизацию семейной фирмы, отстраняя других взрослых членов семьи от информации о ходе дел и от участия в распределении доходов. В этих условиях их племянник, третий сын Федора Ивановича-старшего Семен Федорович Тихонов (1851 – 1910) потребовал через суд раздела общего имущества⁵⁶, причем исковые документы свидетельствуют о его несомненной испушенности в юридических вопросах. К сожалению, материалы тяжбы сохранились в архиве не полностью, и конкретное решение суда нам неизвестно. Однако ясно, что конфликт привел к раздроблению общего семейного бизнеса

на несколько самостоятельных ветвей. При этом наиболее успешно повел свое дело в дальнейшем как раз Семен Федорович Тихонов. К 1900 г. отошедшая к нему лавка в гостинном дворе имела оборот в 70 тыс. руб.⁵⁷ Кроме того, С.Ф. Тихонов занимался поставками муки для Александровского завода. Сумма такой поставки в 1900 г., например, составила 52,8 тыс. руб.⁵⁸ Для дочери Марии Семеновны он нашел выгодную партию, выдав ее замуж за сына купца-хлеботорговца Х.Г. Кононова⁵⁹. Уже после кончины С.Ф. Тихонова его вдова Мария Алексеевна (дочь богатого заонежского крестьянина А.И. Михеева) вместе с зятем образовали вышеупомянутый торговый дом «М.А. Тихонова и А.Х. Кононов», занявший одно из ведущих мест в деловом мире Петрозаводска накануне Первой мировой войны.

Достаточно прочные позиции удалось удержать на местном рынке и семье старшего брата С.Ф. Тихонова — Никифора Федоровича (род. 1844). В 1900 г. за его женой Верой Васильевной числились две лавки: в гостинном дворе (хлебно-овощной товар) и на Владимирской набережной (мучной, бакалейный, галантерейный, колониальный и табачный товар) с общим оборотом в 34,5 тыс. руб.⁶⁰ В 1913 г. сын Н.Ф. Тихонова Иван Никифорович владел двумя лавками с хлебно-овощным товаром. Одна из них по-прежнему находилась в гостинном дворе, а другая на новом месте — на Голиковской ул. Их суммарный оборот оценивался в 18—23 тыс. руб.⁶¹ В 1907—1911 гг. И.Н. Тихонов занимал пост заместителя директора Петрозаводского городского общественного банка⁶².

Для бывшего же руководителя семейного дела Федора Ивановича Тихонова-младшего разделение имущества и капиталов в конечном итоге обернулось катастрофой. К началу XX в. за ним сохранялись лавка с мануфактурным и пушным товаром в гостинном дворе и ренсковый погреб на Бол. Подгорной улице. Оборот по этим двум заведениям составлял 60—70 тыс. руб.⁶³ Оптовый винный склад еще в 1897 г. в

связи с введением в Олонецкой губернии казенной винной монополии пришлось продать в казну. В 1906 г. Ф.И. Тихонов допустил роковой просчет в планировании торговых операций и задолжал крупную сумму петербургскому обществу Александро-Невской мануфактуры за полученную в кредит партию товара. Он был объявлен банкротом и некоторое время провел под арестом. Значительная часть имущества пошла с молотка⁶⁴. Вскоре после краха своей торговли Ф.И. Тихонов-младший скончался.

Более благополучной оказалась судьба семейного дела Леймановых. Сулажгорский крестьянин Андрей Лейманов, как и односельчанин Иван Тихонов, нажил стартовый капитал еще в дореформенное время, занимаясь выполнением горнозаводских подрядов, скупкой скота и другой сельскохозяйственной продукции и продажей ее в Петрозаводске⁶⁵. Сыновья Андрея Лейманова Матвей (род. 1848), Михаил (1851 – 1914), Егор и Иван (род. 1858) стали специализироваться на торговле мануфактурными товарами, которую первоначально вели на Шунгских ярмарках в Заонежье и на торжках в родном селе. В 1880-х гг. Леймановы приобрели лавку в гостином дворе Петрозаводска, которая официально была записана на старшего брата Матвея Андреевича. В 1890 г. оборот этой лавки составил 20 тыс. руб. Позднее братья открыли вторую мануфактурную и галантерейную лавку, которая находилась поблизости от гостиного двора, на углу Соломенской (Жуковской) и Малой Подгорной ул. По данным за 1900 г., оборот двух торговых заведений достиг 113 тыс. руб.⁶⁶

Быстрый рост оборотов не был случайным. По свидетельству губернской газеты, лавки Леймановых являлись едва ли не единственным местом в Петрозаводске, где каждый обратившийся мог получить необходимые ему промышленные товары не только за наличные деньги, но и в кредит. Причем, как отмечалось, братья «не стесняли заемщиков и в платеже кредита», то есть условия возврата кредита уста-

Торгующий крестьянин Матвей
Андреевич Лейманов.
*Из кн. «История Карелии
с древнейших времен до наших дней».*
Петрозаводск, 2001

навливались по обоюдному согласию. Леймановы также одними из первых в крае перешли на стимулирование труда своих торговых служащих путем начисления им в виде поощрения определенного процента с выручки⁶⁷.

Кроме Петрозаводска, в середине 1890-х гг. Леймановы открыли торговые заведения в г. Вытегре Олонецкой губернии.

Удача не всегда сопутствовала братьям-коммерсантам. 30 октября 1908 г. в лавке и складских помещениях Леймановых в петрозаводском гостинном дворе вспыхнул, как писали в прессе, «замечательный по опустошительности пожар», который принес им убытков более чем на 200 тыс. руб.⁶⁸ Однако Леймановым удалось избежать банкротства и восстановить торговлю.

28 декабря 1909 г. на основе традиционного семейного дела сулажгорскими коммерсантами была образована первая в Петрозаводске торговая фирма — полное товарищество под наименованием «Братья Леймановы с сыновьями» с уставным капиталом в 30 тыс. руб. В число полных товарищей вошли представители второго и третьего поколений династии — личный почетный гражданин Матвей Андреевич (распорядитель), крестьяне Михаил, Егор и Иван Андреевичи, Александр Матвеевич и Андрей Михайлович Леймановы⁶⁹. Такая институциональная перестройка в соответствии

с требованиями времени позволила Леймановым, в отличие от Тихоновых, соблюсти баланс интересов и сохранить общий семейный бизнес. В 1913 г. их фирме принадлежало крупнейшее торговое предприятие в гостином дворе Петрозаводска, где было занято до 10 наемных служащих и оборот которого составлял 120 тыс. руб.⁷⁰ Товарный ассортимент включал разнообразные ткани, готовое платье, обувь, галантерею, золотые и серебряные изделия. По образному выражению петрозаводского мемуариста И. Никитина, Леймановы «одевали всю губернию»⁷¹.

Среди петрозаводских мещан-предпринимателей наиболее значительную торговлю в начале XX в. вели выходцы из среды евреев — отставных нижних чинов губернского батальона Абрам Энохович Биневиц (его отец в конце 1880-х гг. некоторое время состоял в купечестве) и Абрам Айзикович Шаберштейн. Специализировались они на мануфактурной торговле. К 1913 г. каждый из них имел по лавке в гостином дворе с оборотом в 40 тыс. руб.⁷²

Все же, несмотря на заметно активизировавшееся предпринимательство крестьян и мещан, представители купечества по размерам товарных операций и в начале XX в. продолжали удерживать если не абсолютное, то относительное лидерство в торговой сфере Петрозаводска. В 1913 г. на долю купцов приходилось 37,3 %, мещан — 30,9 %, крестьян — 12,9 % учтенного городского товарооборота (1,7 млн руб.). Еще 14,7 % товарооборота падало на долю ассоциированных собственников — торговых домов, в которых преобладали капиталы крестьянского происхождения⁷³, и 4,2 % — на прочих владельцев⁷⁴. Правда, среди крупных торговцев Петрозаводска уже почти не было потомственных представителей купеческих династий. Торговая элита губернского центра в начале XX в. была представлена главным образом купцами — недавними выходцами из крестьянства (Х.Г. Кононов, С.Л. Леонтьев, С.М. и Я.М. Румянцевы, С.А. Тиккоев).

Кроме купцов, в состав торговой элиты выдвинулись предприниматели, сохранявшие свой крестьянский статус (С.Ф. и И.Н. Тихоновы, братья Леймановы).

За пределами губернской столицы купеческая торговля в рассматриваемое время сосредоточивалась в уездных городах. В каждом из них сложилось по несколько устойчивых купеческих династий (как старогильдейского происхождения, так и новых, пореформенных), которые по масштабам своей деятельности вполне могли соперничать с ведущими петрозаводскими торговцами.

Так, в Олонце, являвшемся локальным административным и торговым центром северо-восточного Приладожья и единственным городом края с преобладанием карельского населения, в первые пореформенные годы наиболее крупным торговцем считался купец 2-й гильдии Василий Кузнецов (род. 1806). К сожалению, прямые данные об объемах его товарных операций отсутствуют. Известно, однако, что в 1865 г. из 18 лавочных помещений в главном корпусе олонцкого гостиного двора ему принадлежало четыре, три из них он использовал в качестве склада для товаров, а из четвертого вел торговлю с помощью приказчиков⁷⁵. О значительности хлебных оборотов Кузнецова косвенно свидетельствует тот факт, что к нему в неурожайные годы при исчерпании собственных резервов зерна обращалось за ссудами для раздачи неимущим даже уездное земство. Помимо хлебных и овощных товаров, В.Ф. Кузнецов предлагал покупателям посуду, разнообразные металлоизделия и канцелярские товары. В 1866 г. его недвижимое имущество (помещения в гостином дворе и два деревянных дома) оценивалось на самую высокую в городе сумму — в 6350 руб. серебром⁷⁶. В 1876 г. Василий Федорович Кузнецов умер, завещав основную часть оставшихся после него денежных средств (23,3 тыс. руб.) на благотворительные цели. Единственная дочь В.Ф. Кузнецова — Мария Васильевна, жена петербургского 1-й гильдии купца Соболева — вряд ли нуждалась в средствах⁷⁷.

В конце XIX — начале XX вв. на первый план по масштабам и разнообразию своей деятельности среди олонечских купцов выдвинулась семья карелов Куттуевых. Родоначальник этой предпринимательской династии крестьянин Видлицкой волости Олонечского уезда Дмитрий Иванович Куттуев в дореформенное время имел собственное озерное судно и занимался заготовкой и поставкой дров в Петербург⁷⁸. В конце 1850 — начале 60-х гг. один из его сыновей Алексей Дмитриевич владел винной и мануфактурной лавками в д. Большие Горы Видлицкой волости и являлся подрядчиком при сплавных работах у владельца лесопилни на р. Видлице Федорова. Второй сын Егор Дмитриевич (род. ок. 1827) содержал лавку с хлебными и бакалейными товарами в с. Туломозерский Погост⁷⁹.

В 1871 г. Егор Куттуев, продолжая числиться крестьянином Туломозерской волости, построил в центре г. Олонца двухэтажный дом по ул. Мариинской⁸⁰ и начал переносить свою торговлю ближе к уездному центру. По данным податной инспекции за 1885 г., он владел двумя торговыми заведениями в пригородной Рыпушкальской волости — лавкой с хлебным, мануфактурным и кожевенным товаром в д. Митина Горка (оборот 30 тыс. руб. в год) и питейным домом в д. Сямоева (оборот 3 тыс. руб.)⁸¹. В самом г. Олонце за ним не числилось торговых предприятий. Но в 1890 г., когда Егор Дмитриевич умер, его сын Василий Егорович Куттуев (1852 — 1903) уже имел лавку в доме по Мариинской улице (оборот 30 тыс. руб.) и открывал вторую — в олонечском гостином дворе⁸². Он состоял купцом 2-й гильдии. К 1900 г. за В.Е. Куттуевым значились три торговые точки в г. Олонце (лавки в гостином дворе и в своем доме, кладовая при доме с розничным отпуском муки), а также мелочная лавочка в с. Куйтежи Мегрегской волости. Общий оборот данных заведений податная инспекция оценивала в 27 тыс. руб. При лавках и в двух складах служили четыре приказчика⁸³.

Кроме того, В.Е. Куттуев занимался скупкой у крестьян уезда промысловой продукции и поставкой ее на петербургский рынок, что было весьма прибыльным делом. Известно, в частности, что он скупал дичь по 5—7 коп. за штуку, а продавал ее в столице по цене в 3—4 раза дороже — от 15 до 29 коп. за штуку⁸⁴. Необходимо отметить, что В.Е. Куттуев стремился вкладывать капиталы не только в торговло-посреднические операции, но и в производственную сферу, он приобрел железоковательный завод в с. Куйтежи Мегрегской волости, стал совладельцем спичечной фабрики в Петрозаводске, вел лесозаготовительные операции.

После смерти В.Е. Куттуева семейное дело некоторое время продолжала его вдова Анна Степановна (род. ок. 1857), а затем оно перешло в руки сыновей Василия Владимировича (род. 1887) и Георгия (Егора) Владимировича (род.

1890). К 1913 г. оборот их стационарной торговли хлебно-бакалейными и мануфактурными товарами по г. Олонцу исчислялся в 45 тыс. руб. и по с. Куйтежи в 3 тыс. руб.⁸⁵ Сыновья успешно продолжали и производственные начинания отца.

Усадьба купцов Куттуевых на Мариинской улице являлась одной из достопримечательностей дореволюционного Олонца. Вокруг дома лесничим М. Пуциловским был заложен парк, в котором насчитывалось несколько десятков видов и форм растений, не

Олонецкий купец 2-й гильдии
Василий Егорович Куттуев.
Олонецкая национальная библиотека

характерных для климатических условий края. Старожилы города вспоминали, что в парке можно было полюбоваться даже редкой экзотической птицей — павлином. Во время посещения Олонца Великим князем Владимиром Александровичем и княгиней Марией Павловной в июне 1887 г. дом Куттуевых стал их резиденцией⁸⁶.

Из других олонецких торговцев, помимо Куттуевых, наиболее значительными к началу XX в. являлись купец 2-й гильдии из местных мещан Михаил Федорович Тухкин и купчиха 2-й гильдии Надежда Егоровна Холопанина (род. 1859), невестка выходца из Финляндии Герасима Михайловича Холопанина. М.Ф. Тухкин имел четыре склада и лавку с продовольственными и промышленными товарами в гостином дворе, оборот которой в 1900 г. податная инспекция оценивала в 40 тыс. руб., а Н.Е. Холопанина — три склада и лавку также в гостином дворе с оборотом в 35 тыс. руб.

Однако в период экономического кризиса 1900—1903 гг. позиции Холопаниных пошатнулись. Долги, в немалой степени накопившиеся от убыточной эксплуатации купленного в 1890 г. мужем Надежды Егоровны Иваном Герасимовичем Холопаниным Мегрегского железоковательного завода, потянули все дело вниз. Одно время на их имущество был наложен арест⁸⁷. К 1913 г. за представителями этой купеческой семьи уже не числилось ни торговых, ни промышленных заведений.

В то же время наследник Михаила Федоровича Тухкина сын Иван Михайлович, также состоявший в звании купца 2-й гильдии, продолжал развивать торговлю весьма успешно, в 1913 г. оборот его лавки, 55 тыс. руб., был даже больше, чем у Куттуевых.

В целом всего на две купеческие семьи (Куттуевых и Тухкиных) в 1913 г. приходилось 42 % товарооборота постоянной городской торговли, тогда как на долю остальных 26 собственников торговых заведений — 58 %.⁸⁸ Крупные (по местным меркам) коммерсанты-купцы в Олонце, как и в других

уездных центрах, фактически вели не только розничную, но и оптовую торговлю, обеспечивая партиями привозных товаров мелких городских и сельских торговцев⁸⁹.

Торговый центр г. Олонца. Нач. XX в. Из кн. «Олонец, Историко-краеведческие очерки». Ч. 1. Петрозаводск, 1999

Широкую известность в Олонецкой губернии получила династия пудожских купцов Малокрошечных-Базегских. Основатель этой династии Афанасий Малокрошечный был в числе первых местных жителей, записавшихся при образовании г. Пудожа в купечество по 3-й гильдии, и в 1787 г. избирался городским старостой⁹⁰. По традиции Малокрошечные занимались скупкой и поставкой на рынки высококачественного пудожского льна-карелки. Наиболее преуспел в этом деле внук Афанасия — Иван Иванович Малокрошечный (1808 — 1870). Сызмальства знавший не только местные условия, но и все тонкости торгового дела, И.И. Малокрошечный сумел вытеснить конкурентов-скупщиков из г. Онеги и Каргополя, и практически монополизировал поставку пудожского льна на петер-

бургский рынок. И. Малокрошечный взял также под свой контроль значительную часть операций со льном на крупнейшей в Олонецкой губернии Шунгской ярмарке. Действовавшие помимо Малокрошечного мелкие скупщики — «булыни» из числа крестьян ограничивались главным образом второстепенными рынками — Карельским Поморьем, Вытегрой, Каргополом. Для первичной переработки продукции И. Малокрошечный в 1830 г. открыл льнотрепальню в д. Бальбина (в 17 верстах ниже Пудожа по р. Водле), где работало до 250 сезонных работниц из числа крестьянок ближайших волостей. Неоднократно и с большим успехом он экспонировал образцы пудожского льна, обработанного на своей льнотрепальне, на престижных российских и международных выставках, где они удостоивались высоких наград.

П. Иванов, автор статьи о льняной промышленности Пудожского уезда, опубликованной в центральной печати в 1853 г., характеризуя деятельность Малокрошечного, писал: «Зимой недостаточные крестьяне берут у него до выроста льна в долг хлеб, весной деньги в подать, а осенью уплачивают ему этот долг льном». П. Иванов констатировал, что «лен большей частью на месте» переходит к Малокрошечному, и отмечал далее, что даже самым зажиточным крестьянам, решавшимся на самостоятельный сбыт продукции на Шунгской ярмарке, не всегда удавалось выйти из-под контроля оборотистого пудожанина. При низких ценах на ярмарке он оптом скупал привезенный крестьянами лен и обязывал их самих везти этот лен обратно в Пудож. Из 15–20 тыс. пудов пудожского льна, поступавшего на рынки в середине XIX в., 10–15 тыс. пудов приходилось на долю И. Малокрошечного⁹¹. Кроме льна, пудожский купец вывозил на петербургский рынок лесоматериалы (дрова) и лососину, выступил также одним из пионеров разведения картофеля в уезде⁹². В 1862 г. ему как одному из виднейших представителей делового мира Олонецкого края было пожаловано звание

потомственного почетного гражданина⁹³. Продолжателем дела И.И. Малокрошечного стал его зять А.П. Базегский.

Пудожский купец 1-й гильдии Н.А. Базегский с семьей.
Пудожский историко-краеведческий музей им. А.Ф. Кораблева

Александр Петрович Базегский (1838 – 1897) происходил из вытегорского купеческого рода, окончил в г. Вытегре уездное училище, в Пудож перебрался после женитьбы на

дочери «льняного короля» И.И. Малокрошечного Надежде Ивановне. После кончины тестя унаследовал его капиталы и дело. Помимо скупки и сбыта льна развернул широкую торговлю хлебными, бакалейными и мануфактурными товарами в Пудоже и уезде. В начале 1880-х гг. построил на Владимирской улице лучший в городе двухэтажный каменный дом, а рядом с ним — на Торговой площади — каменные торговые ряды. В доме А.П. Базегского в июле 1885 г. останавливался во время посещения Пудожа Великий князь Владимир Александрович.

Традиции старинного купеческого рода сохранил и приумножил Николай Александрович Базегский (1859—1918). Хотя, по невыгодности дела, в 1907 г. ему пришлось закрыть льнотрепальню, торговые дела Николая Базегского неуклонно шли в гору. Если в 1900 г. податная инспекция оценивала оборот его торговых рядов в Пудоже в 100 тыс. руб., то в 1913 г. — высшей для Карелии суммой в 225 тыс. руб. С 1899 г. он неизменно состоял в 1-й гильдии (единственный первогильдейский купец местного происхождения в карельских уездах Олонецкой губернии в начале XX в.). Губернские власти в официальных документах прямо именовали его «миллионщиком»⁹⁴.

Весьма выразительную характеристику деятельности Н.А. Базегского и его личных качеств дал олонецкий губернатор М.И. Зубовский, представляя пудожанина в 1915 г. к званию коммерции советника: «Обстоятельства последнего времени, раскрывшие язвы нашего купечества, еще более выдвинули личность Н.А. Базегского из ряда местных крупных торговцев, которые в общем проявили необычайную жадность и поразительное отсутствие патриотизма. Конец 1914 и весна 1915 гг. были особенно тяжелы для олончан, так как в этот период к бедствиям войны присоединились последствия исключительно плохого урожая. Пользуясь народным бедствием, местные торговцы... стали бессовестно взвинчивать цены до никогда неслыханных размеров, и

среди этой вакханалии устоял от соблазна быстрой наживы один только Базегский, который не изменил своим принципам торговой порядочности и участливого отношения к народному горю. Он прокормил до нового урожая почти все население Пудожского уезда, причем продавал свой хлеб неизмеримо дешевле всех других торговцев, и даже не поднял цен до уровня впоследствии установленной мною весьма умеренной таксы... а все время торговал ниже этой таксы, как до ее опубликования, так и после ее отмены. Вообще Базегский идет навстречу всем начинаниям губернской администрации в области продовольственного дела.

При небольшом сравнительно развитии торговли и промышленности в Олонецком крае Н.А. Базегский по местной расценке является огромною коммерческою силою»⁹⁵.

г. Пудож. Торговая площадь. Слева направо: лавка и дом купцов 2-й гильдии Овчинниковых, каменный дом и торговые ряды купцов 1-й гильдии Базегских. Нач. XX в. *Архив автора*

Из других торговцев г. Пудожа наиболее значительными к началу XX в. были купцы 2-й гильдии Михаил Петрович Борисов и Фаддей Афанасьевич Овчинников с сыновьями Павлом и Степаном. М.П. Борисов, выходец из крестьян пригородной д. Мячево Коловской волости, имел крупную лавку с продовольственными и промышленными товарами на Троицкой улице, оборот которой как в 1900, так и в 1913 г. податная инспекция определяла в 45 тыс. руб. Кроме того, он был известен как владелец городской пекарни с оборотом в 7,2 тыс. руб., в которой работали мастер и 4 наемных рабочих, выпекались булки и кренделя⁹⁶.

Фаддей Афанасьевич Овчинников происходил из крестьян д. Восняково Кирилловского уезда Новгородской губернии. Первоначально служил приказчиком у торговавшего одно время в Пудожском уезде кирилловского купца Ф.Н. Зайцева. В 1876 г. купил у А.П. Базегского участок земли на углу Торговой площади и Кутузовской ул., где построил дом, а рядом с ним лавку, в которой развернул продажу мануфактурных и галантерейных товаров. Ее оборот в 1900 г. оценивался в 15 тыс. руб.⁹⁷ В дальнейшем сам Фаддей Афанасьевич отошел от дел и лавкой заведовали сыновья, которые к 1913 г. увеличили ее товарооборот более чем в полтора раза — до 23 тыс. руб. Как и у Базегского, торговлю у Овчинниковых и Борисова вели наемные приказчики, а закупка товаров осуществлялась непосредственно на центральных рынках страны. Для глубинного Пудожя, удаленного от оживленных транспортных путей, была характерна исключительно высокая степень концентрации торговли. Три ведущие пудожские купеческие семьи контролировали в 1913 г. 74,7 % всего городского товарооборота. На долю остальных 11 здешних торговцев приходилось лишь около четверти товарооборота⁹⁸.

В г. Повенце наиболее известной купеческой династией, сохранившей свои позиции вплоть до Первой мировой войны, являлись Мартыновы. Основателем ее был крестьянин д. Колозеро Великогубской волости Петрозаводского уезда

Спиридон Андреевич Мартынов. Первоначальный капитал он составил главным образом занимаясь с 1840-х гг. вместе с братом Петром скупкой рыбы в Карельском Поморье и сбытом ее на Шунгской ярмарке и других рынках Южной Карелии, а также в Петербурге. Кроме того, братья приобретали в селах Заонежья скот на убой и готовили солонину, которой торговали на ярмарках и торжках. Занимались они и кожевенным промыслом⁹⁹. К середине 1870-х гг. Спиридон и Петр нажили значительное имущество на сумму около 20 тыс. руб., в том числе: дом в д. Колозеро, два дома в г. Повенце, два амбара на повенецком рынке, два мореходных судна. С.А. Мартынов к тому времени жил в основном в г. Повенце, где заведовал лавкой с хлебным, суровским, канцелярским и овощным товаром. После смерти в 1875 г. брата Петра он произвел полюбовный раздел имущества с племянником Яковом Петровичем и повел дело уже самостоятельно¹⁰⁰.

Сам Спиридон Мартынов, приобретая торгово-промышленное свидетельство по 2-й гильдии, купеческие права оформлял временно, в отдельные годы. А его наследники — сыновья Иван Спиридонович (ок. 1854 — 1911) и Василий Спиридонович — уже постоянно состояли в купечестве по 2-й гильдии. В 1890 г. купец И.С. Мартынов имел самую крупную в г. Повенце лавку с оборотом в 20 тыс. руб. Находилась она на ул. Соборной и отличалась универсальным подбором товаров (колонияльный, мануфактурный, мучной, кожевенный, металлоизделия, табак). К 1900 г. оборот данной лавки, по данным податной инспекции, достиг 55 тыс. руб. В дальнейшем она перешла к племяннику Ивана Спиридоновича Павлу Александровичу Мартынову, также состоявшему в купечестве. В 1913 г. объем торговых операций по ней оценивался в 45 тыс. руб.¹⁰¹

Примерно в таких же масштабах вел торговлю Василий Спиридонович Мартынов. Его лавка на набережной р. Повенчанки с хлебным, бакалейным и мануфактурным

Городской голова г. Повенца, купец 2-й гильдии Иван Спиридонович Мартынов.

Из кн. «Альбом городских голов Российской империи». СПб., 1903

товаром в 1900 г. имела оборот, по разным оценкам, в 25–35 тыс. руб., а в 1913 г. — 60 тыс. руб.¹⁰²

Примечательным явлением в истории предпринимательства в Карелии в рассматриваемый период были стремительный взлет и последующий крах торгующего крестьянина, а затем повенецкого купца, выходца из Даниловской волости Григория Исааковича Копейкина. Начав в конце 1870 — начале 80-х гг. дело с винной торговли в своей волости,

он к 1890 г. содержал разветвленную сеть заведений в различных пунктах Повенецкого уезда. Ему принадлежали оптовый винный склад в Повенце, хлебно-бакалейная и винная лавки в с. Данилово, мануфактурная лавка и трактир в с. Челмужи Даниловской волости, винные лавки в деревнях Выгозерский Погост и Вожмосалма Петровско-Ямской волости. Общий оборот этих 7 заведений податная инспекция оценивала в 11,1 тыс. руб. Сам Г.И. Копейкин переселился в Повенец, откуда и руководил своей торговой сетью. В начале 1890-х гг. из-за отсутствия перспектив купец свернул торговлю в с. Челмужи: вновь построенный здесь столичными купцами Красильниковыми лесозавод так и не развернул свою деятельность, прекратились и рудные разведки, производившиеся в данном районе инженером П.Н. Лебедевым¹⁰³. Позднее из-за введения казенной винной монополии пришлось ли-

квидировать оптовый винный склад в уездном центре. Г.И. Копейкина выручила открытая им в 1895 г. крупная универсальная лавка в Повенце, в своем доме на Петровской улице, где торговля шла исключительно успешно. По размерам оборота, оценивавшегося в 1900 г. в 80 – 85 тыс. руб., это заведение значительно превосходило другие торговые точки Повенца¹⁰⁴. Предприниматель задумал расширить дело и в 1901 г. приобрел винтовой грузовой пароход «Повенец»¹⁰⁵. Однако значительная затрата капитала в новой сфере деятельности в условиях начавшегося в стране экономического спада не оправдала себя. Г.И. Копейкин впал в долги, разорился и вскоре умер. Крах отца оказал заметное воздействие на умонастроения его единственного сына Федора Григорьевича Копейкина (1882 – 1909). Ф.Г. Копейкин сблизился с отбывавшим в Повенце в 1903 – 1905 гг. ссылку видным деятелем социал-демократического движения М.И. Калининым. Летом 1906 г., переехав в Петрозаводск, он поступил приказчиком в книжную лавку, открытую местной организацией РСДРП, и стал активным распространителем революционной литературы. Осенью 1906 г. был арестован полицией и умер в тюрьме от тифа¹⁰⁶.

Из обосновавшихся в уездных городах Южной Карелии крестьянских семей, не переписавшихся в купечество, наиболее примечательными по своей предпринимательской деятельности являлись Ибрагимовы из Олонца, а также Беловы и Пальчиковы из Повенца.

Уроженец д. Малая Рыбушкина Курмышского уезда Симбирской губернии татарин Муса Ибрагимов (Ибраимов) появился в Олонце в середине 1870-х гг. Первоначально он служил приказчиком у местных торговцев, а затем занялся мелкой разносной торговлей¹⁰⁷. К середине 1890-х гг. Муса Ибрагимов сумел обзавестись мануфактурно-галантерейной лавкой в олонецком гостином дворе, которая в дальнейшем перешла к сыну Мустафе Мусаевичу.

К 1900 г. ее оборот оценивался в 15 тыс. руб. Мустафа Ибрагимов расширил лавочный ассортимент за счет изделий из золота и серебра, и к 1913 г. объем его торговых операций достиг 40 тыс. руб., приблизившись к показателям ведущих олонецких купцов¹⁰⁸. Один из последующих представителей этого рода А.М. Ибрагимов в начальный период Великой Отечественной войны успешно командовал взводом в составе Олонецкого истребительного батальона. Его умелые действия и личное мужество не раз отмечались в оперативных сводках. За героизм, проявленный в оборонительных боях под Питкярантой в июле 1941 г., он был награжден орденом Красной Звезды¹⁰⁹.

Основатель предпринимательского рода Беловых Яков Петрович (ум. 1904) перебрался в г. Повенец из д. Енина Гора Шунгской волости Повенецкого уезда в конце 1880-х гг. К тому времени Я. Белов уже имел определенный стартовый капитал, нажитый за счет винной торговли в с. Шуньга, где у него имелось трактирное заведение¹¹⁰. В Повенце он открыл лавку в своем доме на углу Петровской ул. и набережной р. Повенчанки, в которой торговал мануфактурным, кожевенным, колониальным, мучным и табачным товаром, а также металлоизделиями. Оборот этого универсального торгового предприятия в 1890 г. оценивался в 12 тыс. руб., а в 1900 г. — в 40 тыс. руб. Кроме того, Я.П. Белов на паях с петрозаводским купцом С.М. Румянцевым и торгующим крестьянином из Заонежья П.Я. Михеевым приобрел буксирный пароход «Первенец» стоимостью в 18 тыс. руб.¹¹¹ Унаследовавший от отца дело и основную часть капитала, старший сын Николай Яковлевич Белов (род. 1885), помимо торгового заведения в Повенце, оборот которого в 1913 г. оценивался в 37 тыс. руб., открыл в 1911 г. также лавку в с. Надвоицы Лапинской волости Кемского уезда с ежегодным оборотом в 5—6 тыс. руб. Кроме того, с 1912 г. он стал совладельцем (вместе с мещанином И.М. Пулькинином) вододействующего лесозавода на р. Повенчанке¹¹².

Алексей Иванович Пальчиков происходил из с. Кажма Шунгской волости. Начал дело в 1880-х гг. с открытия мелочной хлебно-бакалейной лавки в родной деревне, однако вскоре, переписав эту лавку на отца Ивана Степановича, подался в уездный город Повенец. Известно, что к 1890 г. он владел здесь универсальной лавкой, находившейся на углу Петровской улицы и набережной Повенчанки, оборот которой составлял 10 тыс. руб. В начале 1900-х гг. А.И. Пальчиков совместно с зятем Михаилом Александровичем Соболевым, происходившим из мещан г. Углича Ярославской губернии¹¹³, организовал торговый дом (полное товарищество) под фирмой «А.И. Пальчиков и М.А. Соболев»¹¹⁴. Слияние в фирме двух капиталов позволило существенно расширить объем торговых операций. В 1913 г. оборот принадлежавшей торговому дому лавки с ренсковым погребом при ней оценивался в 52 тыс. руб.¹¹⁵, что уступало в Повенце в то время лишь показателям заведения купца В.С. Мартынова.

Своеобразно развивалось торговое предпринимательство в самом северном городе Карелии — Кемь, центре одноименного уезда, входившего в Архангельскую губернию. Вплоть до 1890-х гг. ведущую роль здесь играли немногочисленные, но влиятельные представители старогильдейского поморского купечества, деятельность которых была тесно связана с торгово-посредническими операциями в сфере морских промыслов. Типичный для них образ деловой жизни довольно емко был охарактеризован в некрологе, посвященном памяти кемского купца 2-й гильдии А.Ф. Норкина, который был опубликован в 1890 г. в газете «Архангельские губернские ведомости». Автор материала писал о Норкине: «С ранней молодости он вел хлебную торговлю, вывозя из Архангельска разные хлебные товары для продовольствия поморского и соседнего с ним корельского края, причем часто отпускал товары первой необходимости в кредит...

Самый большой из его кораблей "Полярная звезда" ежегодно совершал рейсы с мурманского берега в Петербург с

грузом соленой рыбы, а когда по причине аварии судно это было продано в Копенгагене, Алексей Федорович продолжал скупать на Мурмане рыбу и отправлять ее на зафрахтованных судах. В деревнях, расположенных на устьях рек, Алексей Федорович скупал семгу и другие продукты местных промыслов для отправки в Архангельск и Петербург. ...При его торговых предприятиях кормились сотни бедных семейств... Прошлою весною многие поморы, отправляясь для лова трески на Мурман, не имели достаточных средств для своего дальнего пути и для продовольствия в первый промысловый месяц, и Алексей Федорович щедро снабдил их деньгами и провизией...»¹¹⁶. Отметим также, что представители династии Норкиных с начала XIX в. активно поддерживали торговые связи с Северной Норвегией¹¹⁷.

Сохранившиеся в архиве данные податной инспекции по г. Кеми за 1888 г. свидетельствуют, что Алексей Федорович Норкин владел в городе хлебно-бакалейной лавкой и двумя ренсковыми погребами с общим оборотом по этим заведениям в 16 тыс. руб. По масштабам торговли в городе в то время его опережал только Федор Иванович Антонов — представитель другой местной династии купцов-судовладельцев, прослеживающейся с конца XVII в. Его дядя Федор Михайлович Антонов получил широкую известность в первой половине XIX в. как автор одного из первых проектов Беломорско-Балтийского канала, а также проекта создания постоянных русских поселений на Шпицбергене и инициатор открытия мореходных классов в г. Кеми¹¹⁸.

Федор Иванович Антонов вел торговые операции оптово-розничного характера, оценивавшиеся податной инспекцией на сумму в 20 тыс. руб., из двух амбаров с хлебно-бакалейными товарами, которые располагались на берегу р. Кеми¹¹⁹. Конечно же, подлинные размеры торговли были, на наш взгляд, значительно выше. Еще один потомственный кемский купец 2-й гильдии Василий Иванович Митрофанов имел два хлебных амбара и лавку с оборотом в 10 тыс. руб.¹²⁰

Кроме этих трех купцов, к числу наиболее значительных торговцев в г. Кеми к 1888 г. принадлежал крестьянин-каре́л, выходец из Ругозерской волости Повенецкого уезда Степан Сысоевич Шуттиев, владевший торговым заведением, оборот которого, как и у В.И. Митрофанова, оценивался в 10 тыс. руб. Он представлял собой уже не традиционный для поморского края тип коммерсанта, так как не был связан с торгово-посреднической деятельностью в сфере морских промыслов.

В дальнейшем, после ввода в эксплуатацию в 1888 г. близ Кеми крупного лесопильного завода фирмой А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда (с 1891 г. — «Товарищество Кемских лесопильных заводов»), на первый план в организации торговли в городе выдвинулись представители и агенты данной лесопромышленной фирмы. К 1914 г. крупнейшее торговое предприятие в Кеми с тремя залами и универсальным набором товаров (хлеб, бакалея, посуда, мануфактура) принадлежало заведующему конторой по сплаву бревен «Товарищества Кемских лесопильных заводов», купцу 2-й гильдии Александру Евгеньевичу Дятлеву, который происходил из крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии. Оборот этого предприятия, начавшего деятельность в 1897 г., податная инспекция определяла в 70 тыс. руб. Кроме того, А.Е. Дятлев был владельцем еще и мелочной лавочки с оборотом в 8 тыс. руб.¹²¹ Накануне Первой мировой войны в кемском купечестве состояли лишь два предпринимателя — А.Е. Дятлев и управляющий лесозаводом на о-ве Попов — Герман Вильгельмович Гувелякен, сын одного из учредителей «Товарищества Кемских лесопильных заводов»¹²².

Значительно увеличил масштабы своей торговли в Кеми упоминавшийся выше крестьянин С.С. Шуттиев, лавка которого на Крестовском проспекте с мануфактурным, галантерейным и хлебным товаром имела в 1914 г., по оценке податной инспекции, оборот в 65 тыс. руб.¹²³ Отметим, что С.С. Шуттиеву принадлежала также лавка в другом лесо-

промышленном центре Кемского уезда — с. Сорока, оборот которой податные органы определяли в 10 тыс. руб.

Из представителей старых купеческих семей, прежде занимавших приоритетные позиции в городской торговле Кемми, накануне Первой мировой войны продолжал дело лишь сын Федора Ивановича Антонова, умершего в 1891 г., Михаил Федорович, выбывший в мещанское сословие¹²⁴. К сожалению, документов с указанием оборотов его торгового заведения за начало XX в. нам в архивах обнаружить не удалось. Можно, однако, с уверенностью предположить, что вряд ли он мог на равных конкурировать с торговцами, за спиной которых стоял крупный лесопромышленный капитал. Наследников же купцов А.Ф. Норкина и В.И. Митрофанова среди кемских коммерсантов уже не значилось.

Из других торговцев г. Кемми в 1914 г. наиболее значительное заведение принадлежало местному мещанину-помору Александру Ивановичу Елисееву, но оборот его составлял 20 тыс. руб., что существенно уступало обороту торговли А.Е. Дятлева и С.С. Шуттиева¹²⁵.

В рассматриваемый период торговое предпринимательство активно развивалось и в деревне Карелии. Благодаря усилиям десятков и сотен мелких и средних коммерсантов из среды зажиточного крестьянства на уездной периферии возникла целая сеть стационарных розничных предприятий, которая оттеснила на второй план ранее господствовавшую ярмарочную торговлю¹²⁶. Вместе с тем при свойственной для края распыленности поселений на обширном пространстве и неудовлетворительном состоянии путей сообщения сельский лавочник зачастую превращался в монополиста, широко сочетая чисто торговые функции с функциями ростовщика. Он не только ссужал односельчан деньгами под высокий процент, но и охотно выдавал товарные кредиты под сдачу промысловой и сельскохозяйственной продукции или под наем на работу. Характеризуя развитие сельской торговли, местный земский журнал в 1908 г. писал: «Мелочная торгов-

ля является излюбленной мечтой сколько-нибудь состоятельных лиц в деревне. На известные товары (муку, соль, чай, табак) является постоянный спрос, и они быстро сбываются по высокой цене; на оборудование такой торговли надо немного денег, две — три сотни рублей, которые решительно без всякого риска принесут около 20 — 30 % прибыли. Мелкий торговец в то же время занимается и сельским хозяйством; товар из лавки в его отсутствие отпускает покупателям любой из членов семьи... Когда торговые обороты и другие операции достигают значительных размеров и торговец становится «купцом», то хозяйство все же не бросается: оно ведется при помощи наемных рабочих и посредством «отработок» местным населением за долги»¹²⁷. Далее автор публикации, несколько заостряя проблему в целях пропаганды кооперативов, особенно подчеркивал ростовщическую составляющую сельской коммерции: «Обычная деревенская торговля является чрезмерным злом для населения; лавочка в руках «купца» составляет верное, действительное орудие «кровопивства»... Достаточно, например, вспомнить, что в большинстве случаев крестьянин получает за свой труд не деньги, а кое-какой товар по произвольной цене торговца. Конкуренции между торговцами не существует, или она так слаба, что не поддерживает общественных интересов»¹²⁸.

Проведенное нами сопоставление данных «Журналов генеральной поверки» за 1890 и 1913 гг. по волостям Петрозаводского, Олонецкого, Повенецкого и Пудожского уездов наглядно отразило рост торговой активности зажиточной прослойки деревни. За 23 года численность владельцев стационарных торговых заведений в сельской местности увеличилась по данному району с 320 до 562 человек (на 75,6 %), а количество учтенных торговых точек (магазины, лавки, лабазы) — с 378 до 626 (на 65,6 %). Общий объем товарооборота возрос, судя по первоисточнику, с 728,0 до 1561,4 тыс. руб., или в 2,1 раза¹²⁹. Возможно, что в действительности прирост был несколько ниже,

так как с 1899 г. вошло в силу новое положение о промышленном налоге, способствовавшее относительному улучшению учета товарооборотов¹³⁰.

Распределение крестьян-торговцев на три группы по размерам товарооборота (табл. 7) показало, что за период с 1890 по 1913 гг. абсолютная численность торговцев и объем их оборотов возросли во всех группах, но степень этого роста, особенно в отношении объемов, была различной. В соотношении групп радикальных сдвигов все же не произошло. Как в 1890-м, так и в 1913 г. численно преобладала группа мелких торговцев с оборотом менее 3 тыс. руб. (соответственно 80,0 и 78,1 %), а доля крупных торговцев (с оборотом в 10 и более тыс. руб.), несмотря на определенный рост, оставалась незначительной (3,4 и 7,7 %). В то же время роль различных групп в товарообороте претерпела весьма серьезные изменения. Крупные по местным условиям торговцы к 1900 г. вышли по этому основному показателю на первый план (их доля возросла с 34,1 до 54,9 %), значительно потеснив не только мелких, но и средних торговцев, удельный вес которых снизился соответственно с 31,3 до 20,3 % и с 34,6 до 24,8 %.

Таблица 7. Группировка сельских торговцев по размерам годовых оборотов их заведений за 1890 и 1913 гг. (общие итоги по Петрозаводскому, Олонецкому, Повенецкому и Пудожскому уездам)¹³¹

Размер оборота (тыс. руб.)	1890 г.				1913 г.			
	Торговцы		Общий оборот		Торговцы		Общий оборот	
	Число	В % к итогу	Тыс. руб.	В % к итогу	Число	В % к итогу	Тыс. руб.	В % к итогу
10 и более	11	3,4	248,2	34,1	43	7,7	856,7	54,9
От 3 до 10	53	16,6	251,6	34,6	80	14,2	386,9	24,8
Менее 3	256	80,0	228,2	31,3	439	78,1	317,8	20,3
Итого	320	100,0	728,0	100,0	562	100,0	1561,4	100,0

Данная динамика свидетельствует об ускоренных темпах накопления капиталов относительно наиболее крупными деревенскими предпринимателями по сравнению с

другими группами и отражает процесс концентрации торговли. К началу XX в., как видим, определяющую роль в сельской торговле края играл небольшой слой самых богатых крестьян.

Мелкие торговцы-лавочники, как явствует из упомянутых материалов, товар для реализации приобретали обычно на местных рынках — в губернском и уездных центрах, крупных селах. В ассортимент товаров их заведений входили продовольствие и предметы первой необходимости. Очевидно, они занимались также кредитными и скупочными операциями в небольших размерах, выступая в качестве посредников между крестьянами и крупными предпринимателями-скупщиками. Зона влияния мелких торговцев чаще всего ограничивалась своей деревней или селом. Крупные торгующие крестьяне из выделенных нами высшей, а частично и средней групп, как и ведущие городские торговцы, закупали товары непосредственно в важнейших рыночных центрах страны — Петербурге, Москве, Рыбинске (хлебопродукты). В их лавках и магазинах наряду с продовольствием имелся разнообразный выбор промышленных изделий: мануфактура, галантерея, посуда и т. д. Обслуживали покупателей служащие-приказчики. Крупные торговцы наиболее активно выступали в роли скупщиков и деревенских кредиторов-ростовщиков. Их влияние в той или иной степени распространялось на целую группу селений, а иногда и на более обширную округу.

К началу XX в., например, одним из крупнейших сельских торговцев Карелии являлся крестьянин д. Житницкой Толвуйской волости Петрозаводского уезда Василий Прохорович Бычков (ок. 1847 — 1904). С начала 1880-х гг. он вел стационарную торговлю винно-водочными изделиями и продовольствием в с. Челмужи Даниловской вол. Повенецкого уезда, расположенном в устье р. Немина, где в летнее время наблюдался значительный приток ра-

бочих-сплавщиков. В конце 1880-х гг. суммарный оборот двух его лавок в Челмужах оценивался в 2–4 тыс. руб. Постепенно дело расширялось. В середине 1890-х гг. он открыл лавки с продовольственными и промышленными товарами также в д. Житницкой и Погост Толвуйской волости.

Центр с. Толвуйский Погост. Справа — лавка крестьянина В.П. Бычкова. 1899 г. Фото М.А. Круковского. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Через свои торговые заведения Бычков кредитовал товарами и деньгами крестьян-рыбаков из целого ряда селений в Заонежье и на северном побережье Онежского озера. По свидетельству исследователя рыбных промыслов Н.Н. Пушкарева, только в одном селе Кузаранда в должниках у него находилось до 80 человек. За долги промысловики были вынуждены сдавать Бычкову всю наиболее ценную часть улова (лосось, паляя, сиг, судак) по заниженным ценам. Ежегодно предприниматель вывозил для сбыта в Петербург ры-

бы на сумму до 20 тыс. руб. В зимнее время Бычков выступал в роли подрядчика от петербургских фирм на лесозаготовках, а иногда вел и собственные лесозаготовки. Для транспортировки рыбы и лесоматериалов на столичный рынок им были приобретены два парусных судна и грузовой пароход «Петр»¹³². Н.Н. Пушкарев характеризует деятельность В.П. Бычкова как во многом типичную для предпринимателей Обонежского края¹³³. В 1900 г. общий оборот 4 торговых заведений Бычкова в Даниловской и Толвуйской волостях податная инспекция оценивала уже в 40 тыс. руб.¹³⁴ После кончины В.П. Бычкова его наследницей стала вдова Дарья Ивановна¹³⁵, которая не смогла продолжать дело в прежних размерах. При ней объем операций существенно сократился и стал ограничиваться мелочной торговлей в родной деревне Житницкой Толвуйской волости Петрозаводского уезда¹³⁶. Таким образом, в силу субъективного фактора Бычковы сравнительно недолго находились в рядах торговой элиты края.

Однако на основе сельской торговли складывались и устойчивые династии крестьян-предпринимателей, успешно развивавшие дело на протяжении нескольких поколений. К началу Первой мировой войны одно из ключевых мест в деловом мире Карелии занял крестьянин Великогубской волости Петрозаводского уезда хлеботорговец Петр Яковлевич Михеев. Основы семейного дела Михеевых еще в 1830—50-е гг. заложил дед Петра Яковлевича Иван Михеев, бравший от казны подряды на поставку муки, заготовку бревен, перевозку чугуна и других материалов для Олонецких горных заводов¹³⁷. Михеевы занимались также скупкой и поставкой на рынки сбыта дичи и рыбы, причем район их закупочных операций включал не только Заонежье, но и Поморье¹³⁸.

В пореформенные десятилетия во главе семейного дела стоял дядя Петра Яковлевича Алексей Иванович, который открыл в с. Великая Губа (д. Тарасы) лавку по продаже хлебных и колониальных товаров. В конце 1880-х гг. ее ежегодный

оборот оценивался в 7—10 тыс. руб., а к 1900 г. достиг 20 тыс. руб. Уездный податной инспектор отмечал, что А.И. Михеев «относится к числу крупнейших торговцев, приобретает товар непосредственно в Рыбинске за наличные деньги»¹³⁹. Кроме того, некоторое время Алексей Иванович содержал оптовый винный склад в г. Повенце, закрытый после введения казенной винной монополии в 1897 г.¹⁴⁰ Торговое предприятие в Великой Губе в начале 1900-х гг. он передал в совместное владение сыну Федору Алексеевичу и племяннику Петру Яковлевичу. При этом роль лидера взял на себя более энергичный и предприимчивый Петр Яковлевич.

Не ограничиваясь развитием торгового предприятия, оборот которого к 1913 г. увеличился до 29 тыс. руб., П.Я. Михеев лично принимал участие в целом ряде других значительных по меркам края деловых проектов. В 1902 г. совместно с петрозаводским купцом С.М. Румянцевым и повенчанином Я.П. Беловым он купил у «Акционерного общества Олонецких горных заводов» буксирный пароход «Первенец»¹⁴¹, а в 1905 г. выступил в числе инициаторов создания «Онежского пароходного общества». По решению совладельцев «Первенец» был продан новому пароходству. В «Онежском пароходном обществе» П.Я. Михеев стал не только одним из самых крупных пайщиков (к 1915 г. пай в 38,5 тыс. руб.), но и членом правления, а в 1912 г. был избран директором-распорядителем фирмы¹⁴². Он вовлек в число пайщиков компании многих своих родственников — жену Александру Алексеевну (в 1915 г. пай в 1 тыс. руб.), двоюродных братьев Федора (пай в 21 тыс. руб.) и Александра (пай в 1,5 тыс. руб.), жену Федора Марию Павловну (пай в 1 тыс. руб.)¹⁴³. В 1910 г. П.Я. Михеев выступил одним из учредителей товарищества «Огонек», содержавшего петрозаводскую спичечную фабрику, а в 1911 г. — товарищества «Олония», владевшего петрозаводским пивзаводом¹⁴⁴.

Став предпринимателем общекраевого масштаба и имея в собственности дома в Петрозаводске, П.Я. Михеев тем не менее оставался на постоянном жительстве в с. Великая Губа¹⁴⁵.

В период коллективизации вдова П.Я. Михеева, а также и его двоюродный брат Федор Алексеевич как «бывшие миллионеры» подверглись раскулачиванию и выселению из родного села¹⁴⁶.

В первые пореформенные годы мелочную стационарную торговлю в притрактовом селе Святнаволоке Мяндусельгской волости (Повенецкий уезд) со смешанным русско-карельским населением начал местный крестьянин Алексей Буторин¹⁴⁷. В дальнейшем дело продолжили его сын Фока Алексеевич, а затем внук Тимофей Фокич. Если Фока Алексеевич выбирал еще свидетельство на мелочный торг, то Тимофей Фокич в конце 1880-х гг. приобретал уже патент 2-й гильдии, а после 1898 г. — II разряда. В 1890 г. оборот торгового заведения Буториных оценивался податной инспекцией в 6 тыс. руб., а в 1899 г. — в 15 тыс. руб.¹⁴⁸ Ассортимент товаров к этому времени расширился и включал наряду с продовольствием также мануфактурные, галантерейные и кожевенные изделия.

Как и большинство сельских торговцев, Буторины активно практиковали кредитно-ростовщические операции. Об этом свидетельствуют зафиксированные податной инспекцией в 1900 г. сетования Тимофея Фокича «на плохие платежи заборщиков товаров в долг»¹⁴⁹. Впрочем, инспекция не приняла эти сетования во внимание. Она определила прибыльность предприятия не в 4 % к обороту, как просил предприниматель, а типовой цифрой в 10 %, применявшейся ею для обложения местной торговли (в земской печати, как отмечалось выше, называлась более высокая цифра обычной для края торговой прибыли в 20 — 30 %). К 1913 г., кроме предприятия в Святнаволоке, оборот которого был зафиксирован в 17 тыс. руб., Буторины открыли также мелочную лавочку в д. Янгозеро соседней Поросозерской волости (оборот 0,4 тыс. руб.). Заведовать ею Тимофей Фокич направил своего сына Николая¹⁵⁰, представлявшего уже четвертое поколение крестьянской торговой династии Буториных.

В старинном ярмарочном центре Карелии — селе Шунгский Погост в начале XX в. наиболее значительную стационарную торговлю вели крестьяне из соседней д. Тимохово Белоглазовы. Родоначальник этой предпринимательской династии Кузьма Белоглазов начал торговлю в 1871 г. также с открытия в родной деревне лавочки по продаже мелочных товаров¹⁵¹. При его сыне Алексее Кузьмиче торговля в этом заведении расширилась за счет продажи кожевенных изделий, к 1890 г. товарооборот составлял 4 тыс. руб.

Кроме того, А.К. Белоглазов, содержащий собственную кузницу и славившийся как мастер кузнечного дела, открыл лавку по продаже металлоизделий в с. Шунгский Погост. Торговля в ней производилась только по ярмарочным и праздничным дням, а оборот этой лавки оценивался в 1,5 тыс. руб.¹⁵² Примечательно, что несмотря на условия севера у Белоглазовых даже полевое хозяйство (не без применения наемной рабочей силы) приносило денежный доход. Об этом свидетельствует, в частности, закупка у них земством семенной ржи¹⁵³.

К концу 1890-х гг. А.К. Белоглазов перенес основную торговлю в Шунгский Погост, где при ней постоянно находились два члена семьи. В 1898 г., по оценке податной инспекции, в этом заведении было продано мучных, мануфактурных, металлических и шорных товаров на 15 тыс. руб. В д. Тимохово оставалась мелочная хлебно-овощная лавка с годовым оборотом около 1 тыс. руб. Опустошительный пожар 16 июля 1899 г., выжегший дотла Шунгский Погост, уничтожил и лавку Белоглазовых вместе с товаром. Убыток предпринимателя составил более 17 тыс. руб.¹⁵⁴ Но Алексей Кузьмич вместе с сыном и наследником Петром Алексеевичем нашли выход из положения. Закрыв лавку в д. Тимохово, они одними из первых возобновили торговлю в заново возрождавшемся Шунгском Погосте и сумели не только восстановить, но и расширить дело. К 1913 г. П.А. Белоглазову

принадлежало крупнейшее в Шунгской волости торговое предприятие II разряда с разнообразными, преимущественно мануфактурными, бакалейными и колониальными товарами. При нем имелось три товарных склада. Торговлю вели три наемных приказчика, а годовой оборот оценивался в 32 тыс. руб.¹⁵⁵

Среди сельских торговцев-карел Олонецкого уезда видное место занимали крестьяне д. Рабала Видлицкой волости Гайдуковы. К 1870 г. основатель семейного дела Николай Трофимович владел мелочной лавочкой в родной деревне с обычным для таких заведений ассортиментом: чай, сахар, кофе, спички, табак, свечи, мука¹⁵⁶. К концу 1880-х гг., заметно «расторговавшись», он стал выправлять патент 2-й гильдии и завозил в лавку уже не только мелочный, но также мануфактурный и колониальный товар. В 1890 г. податные органы оценивали оборот его заведения в 4 тыс. руб. К 1900 г. в лавке появился наемный приказчик, а оборот вырос до 12 тыс. руб. Кроме того, Гайдуковы обратились к лесозаготовкам, которыми руководил сын Николая Трофимовича Егор. Правда, первоначально размеры заготовок были невелики и в 1900 г. оценивались суммой только в 129 руб.

В дальнейшем, унаследовав семейное дело, братья Егор и Иван Гайдуковы значительно расширили его. Они открыли еще две лавки (хлебно-овощную и пивную) в соседней деревне Большой Лисий Берег. Общий объем торговли братьев (вместе с лавкой в Рабале) оценивался в 1913 г. в 22,9 тыс. руб. Заметно активизировалась и их лесопромышленная деятельность. В 1913 г. они заготовили в Коткозерской волости более 10 тыс. бревен, затратив на наем 23 рабочих и двух служащих 4,5 тыс. руб.¹⁵⁷

В присвирских селениях Петрозаводского и Олонецкого уездов и в деревнях в низовьях р. Водлы в Пудожском уезде крупную торговлю вели крестьяне, главные предпринимательские интересы которых в пореформенное время сосре-

доточивались в сфере лесозаготовок. Так, владелец лесного двора в Петербурге крестьянин д. Усть-Боярской Важинской волости С.С. Буравов (1829 – 1893) к 1890 г. содержал три торговых заведения в своей и соседней Мятусовской волости с общим оборотом в 48 тыс. руб.¹⁵⁸

Его наследник зять В.Н. Румянцев, продолживший лесопромышленные операции, к 1913 г. сохранил лишь одну универсальную лавку в д. Усть-Боярской, но ее обороты были также довольно значительны – 20 тыс. руб. Кроме того, В.Н. Румянцеву принадлежала хлебопекарня с оборотом в 3 тыс. руб.¹⁵⁹ Видный лесопромышленник Петр Мирохин из д. Олесовой той же Важинской волости к 1890 г. имел лавку с оборотом в 20 тыс. руб., а его сыновья Александр и Яков в 1913 г. – два торговых заведения (в д. Олесовой и в д. Усть-Боярской) с общим оборотом в 60 тыс. руб.¹⁶⁰ За крестьянином Иваном Кипрушкиным к 1890 г. числилась лавка в родной деревне Тришкина Гора Ладвинской волости Петрозаводского уезда с оборотом в 2 тыс. руб., а в 1913 г. ему с женой Евдокией (из рода лесопромышленников Фершуковых) принадлежали два торговых заведения (в д. Бубновой и Фершуковой) с общим оборотом в 15 тыс. руб.¹⁶¹ Братья Кораблевы из Шальского сельского общества Нигижемской волости Пудожского уезда к 1890 г. владели двумя лавками и ренсковым погребом (суммарный оборот – 23 тыс. руб.), а к 1913 г. их фирма – одним торговым предприятием с оборотом в 30 тыс. руб.¹⁶²

Наличие торговых заведений позволяло лесопромышленникам не только решать вопрос со снабжением своих рабочих и их семей продовольствием и товарами первой необходимости, но и гарантированно обеспечивать себя сезонной рабочей силой с помощью товарных и денежных задатков, а также извлекать дополнительную прибыль путем выплаты зарплаты полностью или частично товаром по завышенным ценам. Сложившаяся практика в 1902 – 1903 гг. стала даже предметом специального обсуждения на промысловой комиссии Олонецкого губернского совещания о нуждах сель-

скохозяйственной промышленности. Комиссия предложила законодательно запретить «существующий способ расчета лесопромышленниками рабочих товаром вместо денег» и ввести на лесозаготовках подобие фабричной инспекции¹⁶³. Предложение вошло в отчетные документы губернского совещания, но никаких последствий оно не возымело.

В районах лесозаготовок создавали свои торговые предприятия и крупнейшие пришлые лесопромышленники. Такие предприятия время от времени меняли свою дислокацию. Управляющий губернской казенной палатой Н.П. Бильбасов в 1904 г. писал в Министерство финансов, что в Олонецкой губернии торговые заведения «периодически возникают ежегодно, то в одной местности в один год, то на следующий год — в другой, в связи с открытием и закрытием лесных заготовок»¹⁶⁴.

Как явствует из материалов податной поверки за 1898 г., во многом однотипно по сравнению с южной частью Карелии развивалось торговое предпринимательство и в волостях Кемского уезда. При поверке здесь было зарегистрировано 76 владельцев торговых предприятий. Среди них годовой оборот менее 3 тыс. руб. имели 40 человек, от 3 до 10 тыс. — 27 и свыше 10 тыс. руб. — 9 человек. На долю низшей группы приходилось 14,6 % от суммарного товарооборота в 330,6 тыс. руб., средней — 37,2 % и высшей группы — 48,0 %.¹⁶⁵ Таким образом, и в стационарной сельской торговле Кемского уезда тон задавали немногочисленные наиболее крупные торговцы. Среди них видное место занимали богатые представители поморской части населения (Клементьевы из с. Ковда, братья Савины из Керети, Тимофей Труфанов из Шуерецкого и др.), сосредоточившие в своих руках основную часть кредитно-ростовщических и скупочно-сбытовых операций, связанных с рыбными промыслами¹⁶⁶. Крестьянину Владимиру Савину, занимавшемуся помимо скупки рыбопродукции также и лесным бизнесом, принадлежала крупнейшая в Карельском Поморье торговая сеть из 6 заведений с хлебным,

мануфактурным и винным товаром, располагавшихся в селениях Керетской и Ковдской волостей, оборот которых в 1898 г. оценивался в 35 тыс. руб.¹⁶⁷.

В селе Сорока, ставшем благодаря лесозаводам фирмы Беляевых крупным центром лесопиления, и в сопредельных поселениях наиболее значительную торговлю в конце XIX – начале XX вв. вели выходец из Петрозаводского уезда Федор Куриков и выходцы из Повенецкого уезда братья Степан и Алексей Шуттиевы, связанные с лесопромышленным капиталом. Ф. Курикову в 1898 г. принадлежали две мануфактурные лавки в с. Сорока и Шуерецком с суммарным оборотом в 22 тыс. руб., Степану Шуттиеву – такая же лавка в с. Сорока с оборотом в 10 тыс. руб., а его брату Алексею – мануфактурные лавки в с. Шижня и в Сумпосаде с оборотом в 30 тыс. руб.¹⁶⁸

Во внутренних, собственно карельских волостях Кемского уезда наиболее видными местными торговцами были Татьяна Андропова, владевшая лавкой с мануфактурными и хлебными товарами в д. Энонсуу с оборотом в 12 тыс. руб., и Филимон Яковлев, содержавший лавку с продовольствием и мануфактурой в д. Хирвисалми Тихтозерской волости (оборот 9,1 тыс. руб.)¹⁶⁹ Позднее Т.М. Андропова обзавелась также перевалочным хлебным складом в г. Кеми, а суммарная годовая выручка ее предприятия в Энонсуу к 1914 г. достигла 27 тыс. руб.¹⁷⁰ Предприниматели из карельских волостей обычно наживали стартовый капитал за счет мелочной коробейной торговли в соседней Финляндии, которая по финляндским законам считалась контрабандной¹⁷¹.

Таким образом, на всем протяжении изучаемого нами периода именно торговля выступала в крае основным источником как первоначального накопления денежных средств, так и дальнейшего их наращивания. В силу специфических особенностей Карелии как северного хлебодефицитного района наиболее прибыльной отраслью торговли повсеместно являлась продажа хлебопродуктов, заво-

жившихся из Поволжья и центральных районов России. Однако и этот вид торговли не носил глубоко специализированного характера. Чаще всего продажа зернового хлеба и муки сочеталась, даже у крупных местных торговцев, с реализацией других продовольственных товаров, а иногда и промышленных изделий.

Помимо хлебной торговли, наиболее значимую роль в плане накопления капиталов играла также реализация мануфактуры и алкогольной продукции.

Крестьянская торговля постепенно теснила купеческую. Однако в городской торговле накануне Первой мировой войны по размерам товарооборота ведущую роль все еще сохраняло немногочисленное купечество, представленное уже в основном выходцами из крестьян, утвердившимися в купеческом статусе в пореформенное время. Происходившие процессы свидетельствовали об активном размывании в условиях рыночной экономики традиционных сословных начал, на которых основывалось товарное обращение в докапиталистической России.

¹ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии... С. 216–217.

² НА РК. Ф. 4. Оп. 17. Д. 7/2. Л. 24, 25 об., 28.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4/17. Л. 2–3.

⁴ ОГВ. 1865. 24 апреля.

⁵ Там же. 1906. 24 июня.

⁶ Там же. 1867. 9 сентября.

⁷ Там же. 1867. 5 августа.

⁸ НА РК. Ф. 4. Оп. 15. Д. 28/36. Л. 4–5; Д. 30/37. Л. 17.

⁹ ОГВ. 1872. 6 сентября.

¹⁰ Там же. 1873. 15 августа.

¹¹ Архив КГКМ. Д. 771. Л. 15; [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.open-terra.ru/viewtopic.php?f=43&t=2122>.

¹² Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Петрозаводск, 2008. С. 58.

¹³ НА РК. Ф. 4. Оп. 17. Д. 12/220. Л. 1–2 об., 4 об.

¹⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 165/1791. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 30/37. Л. 15–16; Оп. 5. Д. 18/13. Л. 15, 33.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 34/45. Л. 82, 93, 124.

- ¹⁷ Олонецкий край. 1906. 2 июля.
- ¹⁸ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 119.
- ¹⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 19/9. Л. 2.
- ²⁰ ОГВ. 1867. 9 сентября, 14 октября.
- ²¹ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 126.
- ²² Там же. Кн. 3. С. 571.
- ²³ Архив КГКМ. Д. 771. Л. 26.
- ²⁴ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 27, 38, 41, 48.
- ²⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 3 об. — 4, 35 об. — 36.
- ²⁶ ОГВ. 1909. 3 января; НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7/53. Л. 1.
- ²⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 3/3. Л. 41 — 43. Д. 15/12. Л. 2 — 5; Оп. 15. Д. 38/3. Л. 4 об.
- ²⁸ Там же. Оп. 4. Д. 17/14. Л. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 4.
- ²⁹ Архив КГКМ. Д. 771. Л. 30.
- ³⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 41; ОГВ. 1877. 17 декабря.
- ³¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/45. Л. 133, 138.
- ³² Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7/53. Л. 1; Ф. 62. Оп. 1. Д. 50/237. Л. 9 об.
- ³³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 100/1035. Л. 8; Ф. 22. Оп. 27. Д. 710. Л. 64 об.
- ³⁴ ОГВ. 1909. 3 января.
- ³⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 4; Оп. 11. Д. 23/233. Л. 9 об. — 10, 16 об. — 17.
- ³⁶ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 365; ОГВ. 1901. 20 октября.
- ³⁷ Вся торгово-промышленная Россия. Стлб. 1738.
- ³⁸ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 8, 42, 66, 75; Оп. 11. Д. 23/233. Л. 5 об. — 6, 10 об. — 11, 43 об. — 44, 46 об. — 47.
- ³⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38/31. Л. 7, 10, 14, 20, 21, 27, 38, 39, 49, 62.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116/7. Л. 274.
- ⁴¹ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8/13. Л. 31, 37, 39, 40; Оп. 11. Д. 23/233. Л. 2 об. — 3, 14 об. — 15, 47 об. — 48, 57 об. — 58.
- ⁴² Там же. Д. 23/233. Л. 20 об. — 21.
- ⁴³ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). С. 31.
- ⁴⁴ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 17 об. — 18, 72 об. — 73.
- ⁴⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 34/45. Л. 133.
- ⁴⁶ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 17 об. — 18.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116/7. Л. 185, 188.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 14 об. — 15.
- ⁴⁹ Приклонский С.А. Народная жизнь на Севере. М., 1884. С. 6 — 7.
- ⁵⁰ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 100/1035. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Л. 83 об.

- ⁵² Там же. Л. 4.
- ⁵³ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 5, 8, 19, 24, 25, 32, 36, 43.
- ⁵⁴ Там же. Д. 34/45. Л. 143.
- ⁵⁵ См.: Ефимова В.В. Указ. соч. С. 236; Архив КГКМ. Д. 771. Л. 25.
- ⁵⁶ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 100/1035. Л. 4 об., 5, 9, 14 об.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 34/45. Л. 133.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5/50. Л. 23.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 22. Д. 548. Ч. 1. Л. 16 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 34/45. Л. 74, 132.
- ⁶¹ Там же. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 3 об., 4.
- ⁶² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117/33. Л. 14.
- ⁶³ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 34/45. Л. 139, 144.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 30. Оп. 2. Д. 15/222. Л. 21, 22; Олонецкий край. 1906. 24 сентября.
- ⁶⁵ См.: Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии... С. 207.
- ⁶⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 3.
- ⁶⁷ Пожар каменного рынка в Петрозаводске // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 251; ОГВ. 1914. 6 июня.
- ⁶⁸ Пожар каменного рынка... С. 251.
- ⁶⁹ Сборник сведений о действующих в России торговых домах. С. 385.
- ⁷⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 9 об. — 10.
- ⁷¹ Архив КГКМ. Д. 771. Л. 30.
- ⁷² НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 6 об. — 7, 9 об. — 10.
- ⁷³ Из трех торговых домов, действовавших в торговле Петрозаводска в 1913 г., один — «Братья Леймановы с сыновьями» (оборот 129 тыс. руб.) по составу был полностью крестьянским, другой — «М.А. Тихонова и А.Х. Кононов» (оборот 119 тыс. руб.) наполовину крестьянским, наполовину купеческим и небольшой третий — «Д.М. Кац и К^о» (продажа часов и музыкальных инструментов, оборот 9 тыс. руб.) — мещанским.
- ⁷⁴ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 1—67; 272—273.
- ⁷⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 15. Д. 24/28. Л. 12—22.
- ⁷⁶ Там же. Л. 12—22; Д. 30/37. Л. 51—52; ОГВ. 1866. 25 июня; 1868. 30 марта.
- ⁷⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 1/18. Л. 7; ОГВ. 1876. 4 сентября.
- ⁷⁸ Наиболее замечательные купцы и промышленники Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г. Петрозаводск, 1860. С. 63—64.
- ⁷⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 15. Д. 24/28. Л. 12—22; Д. 31/29. Л. 131, 134 об.
- ⁸⁰ Трофимова А. История дома Кутгуева и его обитателей / История страны в судьбах наших земляков. Олонец, 1999. С. 55.

- ⁸¹ НА РК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 28 – 29 об.
- ⁸² Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 225 – 228.
- ⁸³ Там же. Д. 35/27. Л. 4 – 6.
- ⁸⁴ Трофимова А. Указ. соч. С. 53.
- ⁸⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 25/268. Л. 14 об. – 15.
- ⁸⁶ Трофимова А. Указ. соч. С. 54 – 55.
- ⁸⁷ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12/332. Л. 1.
- ⁸⁸ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/27. Л. 1 об. – 20.
- ⁸⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/27. Л. 9.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 1/11. Л. 7 об., 26.
- ⁹¹ Иванов П. Льняная промышленность в Пудоожском уезде Олонцекой губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1853. № 5. С. 135 – 136.
- ⁹² ОГВ. 1864. 20 мая; 1870. 16 декабря.
- ⁹³ Там же. 1862. 20 октября.
- ⁹⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114а/30. Л. 6 – 7.
- ⁹⁵ Там же. Л. 25 – 26.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 24/251. Л. 54 – 56.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 117, 118.
- ⁹⁸ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24/206. Л. 1 – 96.
- ⁹⁹ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99/1023. Л. 2, 17.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 1 – 2 об., 5, 36.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 37/11. Л. 7; Оп. 11. Д. 26/280. Л. 6 об. – 7; Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 229 об.
- ¹⁰² Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 37/11. Л. 12, 13; Оп. 11. Д. 26/280. Л. 5 об. – 6; Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 229 об.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 17/12. Л. 107.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 111; Ф. 4. Оп. 5. Д. 37/11. Л. 11.
- ¹⁰⁵ ОГВ. 1901. 2 октября; НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 18/274. Л. 6.
- ¹⁰⁶ Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции (1905 – 1907). Петрозаводск, 1977. С. 54, 55, 105.
- ¹⁰⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 5/12. Л. 11. Оп. 15. Д. 38/3. Л. 45 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Оп. 5. Д. 30/38. Л. 6 об.; Оп. 11. Д. 26/280. Л. 18 об. – 20.
- ¹⁰⁹ Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 66.
- ¹¹⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 866 – 867; 844 об. – 845.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 30. Оп. 2. Д. 15/230. Л. 27, 27 об., 29.
- ¹¹² Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 5, 14; Ф. 552. Оп. 1. Д. 4/12. Л. 41 – 42 об.
- ¹¹³ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/262. Л. 15.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 3/233. Л. 26.
- ¹¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 9.

¹¹⁶ Архангельские губернские ведомости. 1890. 17 февраля.

¹¹⁷ См.: Алимова Т.А. Русская крестьянская поморская торговля с Северной Норвегией (Первое десятилетие XIX века) // Скандинавский сборник. Вып. 22. Таллин, 1977. С. 45 – 53.

¹¹⁸ Кошечкин Б.И. Боже, дай нам ветра. Петрозаводск, 1992. С. 133 – 134; Гнетнев К. Беломорканал. Времена и судьбы. Петрозаводск, 2008. С. 34 – 39. С 1850-х гг. Ф.М. Антонов жил в г. Осташкове. Умер в 1873 г. и согласно последней воле был похоронен в г. Кеми.

¹¹⁹ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4/21. Л. 169 – 170.

¹²⁰ Там же. Л. 168 – 171.

¹²¹ Там же. Д. 13/115. Л. 151 – 152; Ф. 552. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 33 – 35 об.

¹²² Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 38/529. Л. 1.

¹²³ Там же. Ф. 552. Оп. 1. Д. 4/12. Л. 99 – 100 об.

¹²⁴ Вся торгово-промышленная Россия. Стлб. 46, 47.

¹²⁵ НА РК. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 43 – 44 об.

¹²⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 276; Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Т. 1. С. 132 – 135, 159 – 160.

¹²⁷ Н. К вопросу об улучшении экономического быта населения // ВОГЗ. 1908. № 4. С. 5 – 6.

¹²⁸ Там же. С. 6.

¹²⁹ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 99 – 217, 242 – 309, 791 – 841, 857 – 920; Оп. 11. Д. 23/233. Л. 70 – 268, 274 об. – 288; Д. 24/251. Л. 2 – 6, 11 – 53, 62 – 151 об.; Д. 25/268. Л. 2 – 3, 7 – 9, 30 – 163; Д. 26/280. Л. 21 – 135.

¹³⁰ ПСЗ-III. Т. 18. № 15601. Как уже отмечалось в гл. 1, новый закон сохранил в качестве основного налога патентные сборы, но их оклад ставился в зависимость не от принадлежности владельца к той или иной гильдии, как прежде, а от размеров предприятия, определявшихся по внешним признакам (характер торговли, число помещений, приказчиков и т. д.). Размеры дополнительного раскладочного сбора исчислялись не из «предполагаемой прибыли», а из расчета некоей средней прибыли для разного типа предприятий за прошедший год. Эти и некоторые другие новации прямо или косвенно способствовали более строгому подходу торговцев и податной инспекции к учету оборотов.

¹³¹ Составлено по данным: НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 99 – 217, 242 – 309, 791 – 841, 857 – 920; Оп. 11. Д. 23/233. Л. 70 – 268, 274 об. – 288; Д. 24/251. Л. 2 – 6, 11 – 53, 62 – 151 об.; Д. 25/268. Л. 2 – 3, 7 – 9, 30 – 163; Д. 26/280. Л. 21 – 135.

¹³² Пушкирев Н.Н. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900. С. 144 – 145; НА РК. Ф. 30. Оп. 2. Д. 13/204. Л. 4 – 6.

¹³³ Пушкирев Н.Н. Указ. соч. С. 145.

- ¹³⁴ НА РК. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1/7. Л. 207–208, 727; Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 180–184.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 30. Оп. 2. Д. 13/304. Л. 4–5, 62.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 178 об. – 179.
- ¹³⁷ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии... С. 226.
- ¹³⁸ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99/1023. Л. 7.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1/7. Л. 454.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 850.
- ¹⁴¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 г. Петрозаводск, 1903. Справочный отдел. С. 228; НА РК. Ф. 30. Оп. 2. Д. 15/230. Л. 37 об.
- ¹⁴² ОГВ. 1905. 4 июня; 1912. 23 августа.
- ¹⁴³ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1, 1 об., 3.
- ¹⁴⁴ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). С. 31, 124.
- ¹⁴⁵ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 64/761. Л. 43 об.
- ¹⁴⁶ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 98–99.
- ¹⁴⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 15. Д. 24/26. Л. 45–47.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 893.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 193–194 об.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 78, 104.
- ¹⁵¹ Там же. Оп. 15. Д. 31/2. Л. 173 об. – 176.
- ¹⁵² Там же. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 865–874.
- ¹⁵³ Мошин А.И. Очарование Заонежьем. Исторические заметки о Заонежье. Петрозаводск, 2007. С. 63, 70.
- ¹⁵⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 37/11. Л. 46; Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 37–37 об., 190–192 об.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 127.
- ¹⁵⁶ Там же. Оп. 15. Д. 30/37. Л. 65–66. В документе владелец лавки значится еще без фамилии, лишь по имени и отчеству: Николай Трофимов.
- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 11. Д. 25/268. Л. 2–3, 43, 155, 160–161.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф. 30. Оп. 2. Д. 2/22. Л. 2, 5; Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 287–289; 301–302.
- ¹⁵⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 25/268. Л. 81.
- ¹⁶⁰ Там же. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 301; Оп. 11. Д. 25/268. Л. 80, 83.
- ¹⁶¹ Там же. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 145; Оп. 11. Д. 23/231.
- ¹⁶² Там же. Оп. 5. Д. 18/13. Л. 793–795; Оп. 11. Д. 24/251. Л. 70.
- ¹⁶³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Олонецкая губерния. СПб., 1903. С. 97–98, 105.
- ¹⁶⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 64/119. Л. 92.

¹⁶⁵ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9/83. Л. 6 – 21, 31 – 50, 61 – 126.

¹⁶⁶ Подробнее об этом см.: Кораблев Н.А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск, 1980. С. 76 – 86.

¹⁶⁷ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 14/131. Л. 43 об. – 44, 81 – 82.

¹⁶⁸ Там же. Л. 34 – 35, 97 об. – 98, 106 об. – 107.

¹⁶⁹ Там же. Л. 54 – 54 об., 180.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 70 – 71 об., 74 – 75 об.

¹⁷¹ О карельской коробейной торговле в Финляндии см.: Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 491. Rauma, 1988; Hämynen T. Raja ei errotanut – karjalaisen laukkukaupan monta vuosisata // Kainuussa ja Vienassa. Näkökulmia naapurusten elämään. Studia Carelica humanistica. 10. Joensuu, 1997. S. 55 – 75; Bazegski D. Vienan karjalaisien laukkukauppa, Venäjän ja Suomen kauppasuhteet 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa // Ibid. S. 77 – 89; Кораблев Н.А. Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI – XX вв. Материалы международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2003. С. 24 – 31; Нестерова И.С. Приграничная торговля сельского населения Великого княжества Финляндского и Карелии // Учен. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 24 – 29.

ГЛАВА III

Предпринимательство в сфере промышленности и водного транспорта

Во второй половине XIX в. в условиях утверждения капиталистических рыночных отношений в стране активизировался процесс промышленного освоения карельского края на основе частного предпринимательства. Однако в силу комплекса объективных причин (малая заселенность и окраинное положение; суровые природные условия, требовавшие дополнительных затрат капитала на организацию производства; неразвитость транспортных коммуникаций) формирование индустриального сектора экономики шло в крае значительно медленнее, чем в центре России.

На волне учредительской горячки 1860 – 1890-х гг. в среде столичных предпринимателей возрос интерес к разработке карельских металлических руд. В итоге частными петербургскими компаниями было построено в крае четыре чугуноплавильных завода.

Возникшее в 1874 г. «Северное акционерное общество», одним из пайщиков которого был Великий князь Петр Николаевич, приступило к разработке железорудных месторождений и сооружению металлургического завода близ с. Туломозера Олонецкого уезда. Но, не собрав заявленного капитала, вскоре оно передало дело акционерному обществу «Сталь».¹ Правление этой компании время от времени сообщало акционерам успокоительные вести о том, что планируется возвести крупное предприятие с выплавкой нескольких миллионов пудов чугуна в год, что будет проложена железнодорожная вет-

ка от завода до Ладожского озера, что строительные работы идут «полным ходом». Однако действительность была не столь радужной. Доменную печь удалось задуть только в 1899 г. Работала она с перебоями, и выплавка металла продолжалась от 124 до 196 суток в год. Всего за четыре года деятельности на заводе было выплавлено 519 тыс. пудов чугуна².

Тулумозерский чугуноплавильный завод. 1899 г.
Фото М.А. Круковского. НА РК

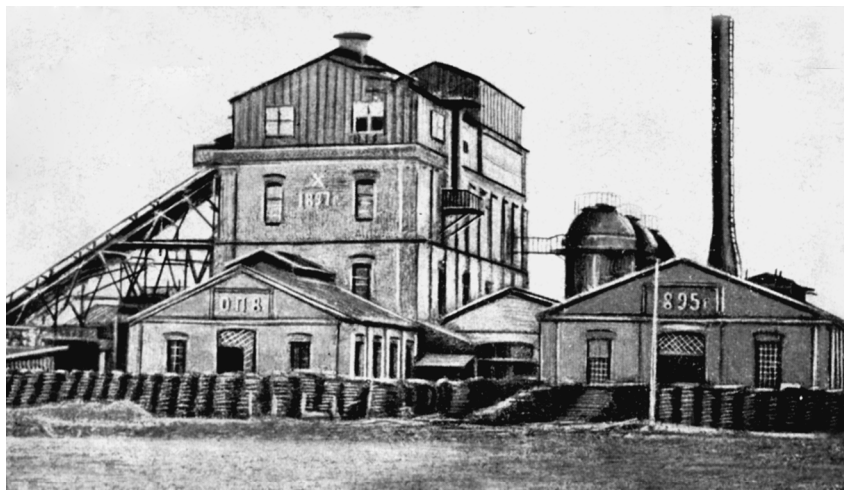
«Товарищество по вере Родоканаки и К^о» (входили купец 1-й гильдии, подданный Италии Ф.П. Родоканаки; генерал-адъютант князь К.Э. Белосельский-Белозерский и некоторые другие столичные предприниматели) в 1876 г. ввело в строй Святнаволоцкий чугуноплавильный завод на берегу оз. Пальеозеро в Повенецком уезде. За первые два года работы на нем было выплавлено 80 тыс. пудов чугуна. В 1878 г. на заводе установили вагранку. Но местоположение предприятия оказалось неудачным. Доставка продукции к Кон-

допожскому заливу Онежского озера для отправки ее в Петербург осуществлялась с неоднократной перевалкой с гужевого транспорта на водный. Стоимость этой операции (5 коп. с пуда) была равна стоимости остальной перевозки от Кондопожской пристани до столицы. В 1879 г. завод был закрыт, а затем продан столичному торговому дому «А.С. Семенов и К^о», на основе которого позднее возникла компания «Акционерное общество горных заводов в Олонецком крае». Новые владельцы в 1890 г. возобновили деятельность предприятия и поддерживали ее с некоторыми перерывами в течение 10 лет. В самом благополучном 1894 г. здесь было выплавлено 60 тыс. пудов чугуна, но в дальнейшем объем производства не превышал 30 – 35 тыс. пудов в год³.

В 1895 – 1897 гг. «Акционерное общество горных заводов в Олонецком крае» построило в Повенецком уезде другой чугунолитейный завод – Сеговецкий, на берегу р. Сон, близ ее впадения в Сегозеро. Первоначально предполагалось наладить здесь выпуск чугунных водопроводных труб, развить железопрокатное производство, однако из-за нехватки средств от этих планов пришлось отказаться. Завод имел две домны и за четыре года работы выплавил 276 тыс. пудов чугуна⁴. Как и Святнаволоцкий завод, Сеговецкий использовал в основном озерные и болотные руды.

Наиболее значительным из частных чугуноплавильных заводов Карелии явился Видлицкий, сооруженный в Олонецком уезде в 1896 – 1897 гг. Предприятие принадлежало известному «Акционерному обществу Путиловских заводов» (председатель правления А.И. Путилов). Правление общества считало данный проект заведомо убыточным, однако на его реализации настояло правительство при предоставлении фирме льгот на производство железнодорожных рельсов. Первая доменная печь была задута в ноябре 1897 г., а через год состоялся пуск второй печи. Горная руда (магнитный железняк) доставлялась из-под Сортавалы, а болотная и озерная – добывалась в Видлицкой волости. При вы-

плавке чугуна, как и на других металлургических заводах края, использовался древесный уголь. В 1898 г. предприятие дало 271 тыс. пудов металла, а с пуском второй печи производство составляло 400 – 500 тыс. пудов чугуна в год⁵.

Видлицкий чугуноплавильный завод. Нач. XX в. *Архив КарНЦ РАН*

Все частные металлургические заводы края были сравнительно небольшими. Они имели по одной-две малопроизводительные домы и насчитывали (кроме Видлицкого завода) лишь по несколько десятков рабочих. Дополнительные проблемы для предпринимателей создавали низкое качество местных руд, трудность их добычи и доставки к предприятиям, а также отсутствие удобных путей сообщения для транспортировки продукции на рынки сбыта.

Разразившийся в 1900 – 1903 гг. мировой экономический кризис нанес тяжелый удар по частному предпринимательству в металлургической промышленности края. В условиях кризиса здешние предприятия не смогли выдержать конкуренции с крупными заводами Урала и особенно юга России, оснащенными более совершенной техникой и работавшими

на базе высококачественных горных руд и каменного угля. В 1901 г. владельцами были закрыты Святнаволоцкий и Сеговецкий, а в 1903 г. — Туломозерский заводы. В связи с исчерпанием капиталов «Акционерное общество горных заводов в Олонецком крае» и общество «Сталь» приступили к распродаже имущества и ликвидации дел⁶. В 1901 — 1903 гг. простаивал Видлицкий чугуноплавильный завод, с 1904 г. он возобновил выплавку чугуна, но из-за нерентабельности производства правление компании с 1909 г. закрыло предприятие⁷. На его базе была развернута контора по заготовке леса для «Общества Путиловских заводов».

Отметим, что катастрофическими оказались последствия кризиса и для казенной металлургии Карелии. В 1905 г. прекратили деятельность Кончезерский и Суоярвский заводы, а в 1908 г. — и последний чугунолитейный завод Олонецкого горного округа — Валазминский в Поросозерской волости Петрозаводского уезда.

В период нового промышленного подъема попытку возобновить деятельность Сеговецкого завода предприняла администрация, учрежденная для управления делами торгового дома «А.С. Семенов и К^о». В мае 1912 г. на заводе была задута одна из двух домен. На ней в течение 8 месяцев было выплавлено 73,8 тыс. пудов чугуна, который был продан в Петербурге без особой выгоды⁸. Этим все дело и ограничилось.

С постройкой Мурманской железной дороги интерес к железорудным ресурсам Карелии в деловых кругах столицы вновь оживился. В 1916 г. в Петербурге возникло «Сегозерское акционерное общество чугуноплавильных и горных заводов», председателем правления которого стал присяжный поверенный Ю.Б. Кричевский. Компания выкупила у администрации по делам торгового дома «А.С. Семенов и К^о» Сеговецкий завод, начала ремонт доменных печей и прокладку железнодорожной ветки к заводу от ст. Масельгская⁹, но до революции 1917 г. работы завершить не удалось.

Во второй половине XIX в. в Олонецком уезде продолжали действовать три небольших металлообрабатывающих предприятия, основанных в начале столетия и действовавших на водной энергии. В первые пореформенные десятилетия Куйтежским заводом владели олонецкие купцы Серебряковы, Мегрегским — петербургские чиновники Вороновы, Усланским — столичные купцы Петровы. Заводы вырабатывали мелкие хозяйственные изделия (лопаты, тележные шины, кайла, слесарный и кузнечный инструмент) из металлолома, доставлявшегося из Петербурга. Общая сумма производства всех этих предприятий составляла до 16 тыс. руб. в год. С течением времени олонецкой металлопродукции приходилось все труднее конкурировать с аналогичными изделиями, производившимися на крупных столичных заводах. По этой причине до конца XIX в. все вышеназванные предприятия пережили смену собственников.

Мегрегский завод у тайного советника А.Я. Воронова в 1890 г. купил олонецкий купец И.Г. Холопанин. Понадеявшись на получение легкого барыша, он не стал (или оказался не в состоянии) затрачивать средства и время на ремонт обветшавших построек и переоборудование предприятия. Результаты оказались плачевными. Попытка найти новые рынки сбыта продукции не увенчалась успехом. Из впервые вывезенной в Нижний Новгород большой партии лопат (9 тыс.) не удалось продать ни одной штуки. Число рабочих пришлось сократить с 40 до 12 человек. К середине 90-х гг. предприятие стало работать лишь по несколько месяцев в год, а в 1899 г. было окончательно закрыто¹⁰.

Усланский завод, проданный в 1894 г. Петровыми купцу Ю. Тейфелю, новый собственник перестроил в картонную фабрику.

По-иному сложилась судьба Мегрегского железоковательного завода. После смерти Николая Петровича Серебрякова (1855—1892) предприятие, находившееся в неплохом состоянии, перешло по наследству к его сестре Серафиме

Петровне Ланиной. За пять лет ее хозяйствования прибыльность завода упала с 5,1 тыс. до 0,3 тыс. руб., а в 1897 г. производство остановилось¹¹. Ланина не смогла вернуть кредит в 5 тыс. руб., взятый у олонецкого купца В.Е. Куттуева, и была объявлена несостоятельной должницей. В 1898 г. на торгах завод за 3 тыс. руб. (при официальной оценке в 16 тыс. руб.) приобрел кредитор Ланиной В.Е. Куттуев¹².

При новом владельце, обладавшем более значительным капиталом, предприятие хотя и балансировало на грани закрытия в период кризиса 1900 — 1903 гг., но выстояло. Накануне Первой мировой войны, уже при сыне Василия Егоровича Григории Куттуеве, были получены заказы от военного ведомства на изготовление шанцевого инструмента, и производство расширилось. Если в 1898 г. здесь было занято 17 рабочих и произведено продукции на 7 тыс. руб., то в 1913 г. численность рабочих составила 30 человек, а сумма производства — 28 тыс. руб.¹³ Пика развития завод достиг в период Первой мировой войны, работая на нужды фронта. В 1916 г. здесь было занято 70 рабочих и изготовлено изделий на 420 тыс. руб. В 1918 г. завод Г.В. Куттуева, бежавшего в Финляндию, был национализирован¹⁴.

В пореформенный период XIX в. резко усилилось освоение лесных богатств Карелии. Бурный рост крупной промышленности и городов стимулировал повышение спроса на древесину в стране, а развитие пароходства создало благоприятные условия для вывоза лесоматериалов на российский рынок и их экспорта в Западную Европу через Петербург и порты Белого моря.

Общий рост лесозаготовительного производства может быть охарактеризован следующими данными. На рубеже 50 — 60-х гг. XIX в. из лесных дач, расположенных в карельских уездах Олонецкой губернии, в Петербург и на местные лесопилы ежегодно поставлялось 200 — 250 тыс. бревен¹⁵. Во второй половине 70-х гг. добыча деловой древесины в этом районе составила в среднем 334 тыс. бревен в год,

а к рубежу XIX — XX вв. (1898 — 1902) достигла 820 тыс. бревен. Кроме того, заготовка дровяного топлива за последнюю четверть XIX в. увеличилась здесь с 44 до 68 тыс. куб. сажень в год¹⁶. По оценке Я.А. Балагурова, к началу XX в. из Южной Карелии примерно 50 — 55 % деловой древесины поступало в Петербург, до 30 — 35 % распиливалось на местных лесопильных предприятиях, 12 — 13 % доставлялось на беломорские лесозаводы и 2 — 3 % шло в Финляндию¹⁷.

Промышленные лесоразработки в Северной Карелии (Кемский уезд) начали разворачиваться только во второй половине 1860-х гг. с появлением здесь первых лесозаводов. А в конце 1890 — начале 1900-х гг. в данном районе ежегодно заготавливалось в среднем уже по 333 тыс. бревен¹⁸. Таким образом, в целом по Карелии объем заготовок деловой древесины к началу XX в. составил 1153 тыс. бревен в год, превысив дореформенный уровень в 5 раз. Активному продвижению лесоразработок в глубинные районы края способствовала разветвленная сеть естественных водных путей, пригодных для использования в качестве сплавных магистралей.

Организация лесозаготовок являлась в основном сферой деятельности крупного капитала и носила капиталистический характер. Лесопромышленники закупали на торгах у казны или частных владельцев древесины на корню, а затем нанимали сезонных рабочих для ее вырубki и транспортировки по сплавным путям. Ведущее положение на лесозаготовках в Карелии принадлежало крупным петербургским и архангельским фирмам Беляевых, Громовых, Русановых, Э.Г. Брандта, Д.Н. Лебедева, А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда и др. В начале XX в. заметную роль стали играть и представители иностранного капитала: английского — К. Стюарт и Э. Джеллибрант и шведского — Г. Ослунд и А. Бергрэн.

При решении проблемы рабочей силы крупные фирмы часто использовали представителей местного торгового капитала в качестве своих агентов-подрядчиков. Такой подрядчик заранее кредитовал крестьян товарами и день-

гами, а затем вербовал их в артель для заготовки или сплава леса за пониженную плату. По прибытии артели к месту работ он получал от фирмы за каждого рабочего сумму, превышавшую первоначальную вербовочную плату. Разница составляла обычно от 15 до 50 %.¹⁹ В 1890-х гг. старший фабричный инспектор Олонецкой губернии Н. Барышников констатировал, что такие крестьяне, умеющие ладить с рабочими, имеются у всех лесопромышленных компаний²⁰. Скупка рабочей силы и перепродажа ее крупным лесопромышленникам приносили посредникам немалые прибыли. Так, по сообщению губернской газеты, в 1876 г., например, некоторые подрядчики в Пудожском уезде имели от вербовки сплавных артелей (численностью 70 – 90 чел.) до 3 тыс. руб. дохода²¹.

Наряду с «пришлыми» владельцами капиталов в организации лесоразработок принимали участие, хотя и в менее значительных размерах, и местные предприниматели из купцов и разбогатевших крестьян: Захарьевы, Кипрушкины, Кирьяновы, Кораблевы, Мирохины, Пименовы, Румянцевы, Савины, Фершуковы и др. По нашим подсчетам, произведенным на основе данных податной инспекции за 1900 г. по Петрозаводскому, Пудожскому и Повенецкому уездам, на долю петербургских и архангельских лесопромышленников приходилось 59 % общего объема добычи древесины (447,5 тыс. руб.); на долю представителей местной городской буржуазии – 11 % (88 тыс. руб.) и на долю крестьян-предпринимателей – 30 % (226,4 тыс. руб.)²² Следует, правда, отметить, что если крупные пришлые фирмы выступали монополистами в заготовке высокосортной деловой древесины, то местные предприниматели, в особенности крестьяне, специализировались на заготовке дровяного топлива для столицы и местного потребления.

Мелкие предприниматели, как правило, нанимали на лесозаготовки до 10 – 15 человек, а у крупных фирм количест-

во рабочих-сезонников исчислялось сотнями. Так, в 1872 г. на фирме у Беляевых только в Тунгудской и Маслозерской волостях Кемского уезда работало свыше 300 крестьян, а фирма Громовых в 1899 г. вела заготовки в казенных дачах Петрозаводского уезда силой 257 крестьян²³.

Крестьянин-лесопромышленник Иван Тимофеевич Кипрушкин
с супругой Евдокией Ивановной (урожденной Фершуковой).
Личный архив Н.П. Кутькова

Главенство крупного капитала, широкое применение наемной рабочей силы, элементы разделения труда при сохранявшейся ручной технике — все это позволяет рассматривать лесозаготовительную отрасль в экономическом плане как своеобразное производство типа рассеянной мануфактуры.

Наиболее перспективной сферой промышленного предпринимательства в Карелии в рассматриваемое время являлось лесопильное производство. Оно привлекало к себе не только наиболее значительные местные капиталы, но и крупных инвесторов из Петербурга, Архангельска и из-за

рубежа. На основе приложения частной инициативы в развитии отрасли происходили значительные количественные и качественные перемены.

Лесная биржа Кумсинского лесозавода Захарьевых. Конец XIX — нач. XX вв. Из кн. *«История Карелии с древнейших времен до наших дней»*. Петрозаводск, 2001

В пореформенный период в Карелии продолжали выпуск продукции некоторые вододействующие лесопилы, доставшиеся в наследство от дореформенной эпохи. Таких предприятий к концу 1860-х гг. сохранилось пять. Три из них — Кумсинская (Лумбушская), Уницкая (на р. Пигматке) в Повенецком уезде и Лижемская в Петрозаводском уезде — были основаны еще в конце XVIII в. и не раз меняли владельцев. В 1860-е гг. собственниками Кумсинской лесопилы являлись выходцы из крестьян Заонежья купцы Захарьевы; Лижемской — наследники столичного купца И. Скрябина, сдававшие ее в аренду различным лесопромышленникам. Уницкой с 1849 г. владел видный предприниматель Петр Абрамович Беляев, состоявший сначала в Выборгском, а затем в Петербургском купечестве по 1-й гильдии. Двумя другими лесопильнями — Бесовецкой на р. Шуе в Петрозаводском уезде (построена в 1825 г.) и Пове-

нецкой на р. Повенчанке (построена в 1852 г.) — владели их основатели, петрозаводские дворяне Лачиновы и вышеупомянутый П.А. Беляев²⁴. В начале 1870-х гг. в связи с постройкой паровых лесозаводов в Поморье П.А. Беляев уступил Повенецкую лесопильню местному городскому обществу, которое стало сдавать ее арендаторам²⁵.

Вододействующие предприятия мануфактурного типа оставались небольшими: на каждом из них в конце 1860 — начале 70-х гг. работало от 20 до 40 рабочих и распиливалось 30—40 тыс. бревен в год на сумму от 30 до 50 тыс. руб. На Уницкой лесопильне действовали 4 пилорамы, на Повенецкой — 3, а все остальные были двухрамными²⁶. Операционный год на лесопильнях продолжался только 7—9 месяцев.

Кумсинский вододействующий лесозавод Захарьевых. 1916 г.
Фото С.М. Прокудина-Горского

В середине 1870-х гг. А.П. Лачинов закрыл Бесовецкую лесопильню и выкупил у Скрябиных Лижемскую, которую позднее, уже на закате своей деловой карьеры, в 1893 г. перепродал петербургской фирме «Э.Г. Брандт и К^о»²⁷. Из-за

смены арендаторов неустойчиво функционировала Пове-
нецкая лесопильня. А после отказа в 1897 г. столичного куп-
ца Д.Н. Лебедева продлить арендный договор городские
власти в течение 15 лет не могли решить судьбу предпри-
ятия, и оно находилось в бездействии.

В пореформенные десятилетия в Карелии появилась одна
новая лесопильня. В 1889 г. петрозаводский купец М.Н. Пи-
кин построил в устье р. Лососинки водяную мельницу, а в
1891 г. пристроил к ней лесопильный цех с одной пилорамой.
Первоначально на мельнице и лесопилке работало до 10 ра-
бочих. Вскоре предприятие сторело, но в 1897 г. было восста-
новлено и расширено. Именно здесь впервые в губернском
центре появилось электрическое освещение. К началу XX в.
вододействующее заведение М.Н. Пикина являлось наибо-
лее значительным частным промышленным предприятием в
черте г. Петрозаводска. В 1901 г. на нем работало 45 человек,
а сумма производства составила 95,8 тыс. руб.²⁸

Лесозавод М.Н. Пикина в Петрозаводске. 1899 г. *Фото М.А. Круковского.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)*

Главным направлением в развитии лесопиления в пореформенный период в крае становится строительство паровых лесопильных заводов, требовавшее значительных первоначальных затрат капитала. Такие вложения были, за редкими исключениями, непосильны для местных предпринимателей. Приоритетную роль в становлении и развитии лесопильной промышленности фабрично-заводского типа в Карелии сыграли представители петербургского, а также архангельского и зарубежного капитала.

Первенцем парового лесопиления в Южной Карелии стал Шальский завод, построенный в 1869–1870 гг. царскосельским купцом 1-й гильдии Н.И. Русановым²⁹ в Пудожском уезде близ устья сплавной р. Водлы, на ее правом берегу³⁰. На предприятии были установлены 2 паровые машины общей мощностью 30 л. с. и 3 лесопильные рамы. Фактически завод работал на одной паросиловой установке в 18 л. с., а вторая использовалась в качестве резервной³¹. Паровые машины были куплены Русановым у одного из лесопромышленников в сильно амортизированном состоянии. Умелец-механик Куликов восстановил их и даже внес некоторые конструктивные усовершенствования. В 1872 г. действующая модель Шальского завода экспонировалась на Московской политехнической выставке, получила диплом 2-й степени и была передана Русановым в дар Политехническому музею³². В 1870-х гг. на заводе работало 40–50 рабочих, ежегодно распиливалось 30–50 тыс. бревен. Пиломатериалы поставлялись в Петербург и за границу.

После смерти Н.И. Русанова в 1882 г. дело возглавил его сын Андрей Николаевич. Но в 1889 г. он также преждевременно скончался, и руководство семейным бизнесом перешло к Николаю Андреевичу Русанову – внуку основателя фирмы³³. В конце 1880-х гг. Шальский завод подвергся реконструкции. В 1890 г. на предприятии имелась паровая машина в 40 л. с., было занято 80 рабочих и произведено продукции на 122 тыс. руб.³⁴ Но с окончанием срока аренды казенной

лесной дачи в Пудожском уезде завод стал испытывать нехватку сырья, и после постройки Н.А. Русановым в 1892 г. нового лесопильного предприятия в Поморье он был закрыт.

В 1874 г. представитель другой известной лесопромышленной династии столичный купец 1-й гильдии Илья Федулович Громов³⁵ завершил постройку парового лесозавода в с. Соломенном (в 6 верстах от Петрозаводска). Предприятие располагало энергетической установкой в 25 л. с. и двумя пилорамами, которые позволяли распиливать до 60 тыс. бревен в год. По данным за 1879 г., на заводе насчитывалось 80 рабочих, а сумма производства составила 110,3 тыс. руб.³⁶ К концу жизни И.Ф. Громов, не имевший прямых наследников, вовлек в компаньоны своего поверенного в делах В.А. Ратькова-Рожнова, который, по характеристике историка М.Н. Барышникова, «обладал большими способностями к управленческой деятельности»³⁷. После смерти И. Громова к В.А. Ратькову-Рожнову отошла основная часть его многомиллионного состояния, в том числе и Соломенский завод. В дальнейшем фирма «Громов и К°» продолжала существовать как семейное дело Ратьковых-Рожновых в рамках полного товарищества³⁸.

В 1882 г. еще одним столичным купцом 1-й гильдии Д.Н. Лебедевым, владельцем льноткацкой фабрики и 2 лесопильных предприятий в Петербурге, был пущен в эксплуатацию второй паровой лесопильный завод в с. Шала, располагавшийся напротив русановского, на левом берегу р. Водлы. На нем были установлены паровая машина в 30 л. с. и 2 пилорамы. Через три года предприятие приостановило деятельность в связи с арендой Д.Н. Лебедевым Повенецкой лесопильни, но после прекращения этой аренды возобновило работу³⁹. В год возобновления деятельности (1898) на заводе было занято 55 рабочих, которые произвели продукции на 130,3 тыс. руб.⁴⁰ В целом ежегодный объем лесопиления в Южной Карелии за 1870–90-е гг., в основном за счет

ввода в строй паровых лесозаводов, возрос со 150 до 250 тыс. бревен, или на 67 %.⁴¹

В Карельском Поморье первую попытку наладить промышленное лесопиление предпринял купец из г. Котельнича Вятской губернии Михаил Кордаков. В 1866 г. он построил трехрамный паровой лесозавод на Як-острове близ г. Кемь. Однако предприниматель не сумел организовать своевременный сбыт пиломатериалов и вскоре обанкротился и умер. Завод был законсервирован и с течением времени пришел в полную негодность⁴².

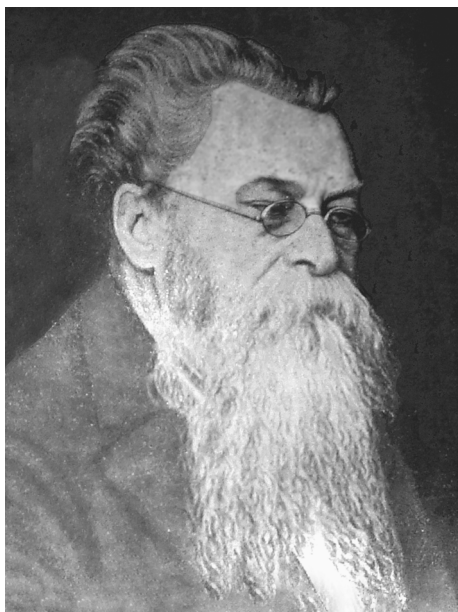

Портрет М.П. Беляева. Худ. И.Е. Репин. 1886 г. Государственный Русский музей

Вслед за этим на лесные богатства Карельского Поморья обратил внимание крупный столичный предприниматель П.А. Беляев, уже много лет успешно действовавший в Олонецкой Карелии. Он направил в поморский край своего сына Митрофана Петровича и племянника Николая Павловича Беляевых. Под их руководством в 1869 и 1876 гг. в устье р. Выг у с. Сорочка было возведено два лесопильных завода («Космополит» и «Финляндский»). Первоначально предприятия имели 6 пило-рам и 5 паросиловых установок мощностью в 88 л. с., численность рабочих к 1890 г. составляла 220 человек, а сумма производства 237 тыс. руб.⁴³ По официальной оценке на 1892 г., стоимость зданий и сооружений обоих заводов определялась в 111,3 тыс. руб., в том числе паровых машин и котлов в 39,1 тыс. руб.⁴⁴ Древесное сырье для беляевских предприятий поступало по системе р. Выг как из южной части Кемского уезда, так и из Повенецкого уезда.

В последующие десятилетия лесопильное производство стало продвигаться все дальше на север Карелии. В 1888 г. предприниматели из Архангельска купцы А.Ю. Сурков и Е.И. Шергольд⁴⁵ построили лесозавод на о-ве Попов близ г. Кеми, оснастив его паровой машиной в 129 л. с. и 5 пило-рамами. В 1890 г. на заводе было занято 105 постоянных рабочих и произведено продукции на сумму в 200 тыс. руб.⁴⁶ В 1891 г. вошел в строй Керетский лесозавод местных предпринимателей из крестьян Савиных, а в 1892 г. Н.А. Русанов завершил постройку лесопильного предприятия на о-ве Березов близ с. Ковда.

Род крестьян-поморов Савиных из с. Кереть Кемского уезда активно занимался предпринимательской деятельностью еще в дореформенное время. К середине XIX в. они имели несколько промысловых судов — шняк для трескового промысла на Мурмане, куда отправляли наемных работников-покрученников, а также три транспортных корабля для доставки рыбы с мурманского берега на архангельский рынок. Одними из первых они начали на Мурмане скупку

Архангельский купец 1-й гильдии А.Ю. Сурков — один из основателей Кемского лесопильного завода. Из журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». 1917. № 6

рыбы у сторонних промысловиков. В 1862 г. тогдашний глава семейства Федор Савин, обладавший незаурядной предпринимательской интуицией и склонностью к разумному риску, на паях с зажиточным мещанином из Сумского Посада И. Ворониным впервые осуществил перевозку 8 тыс. пудов рыбы с мурманского берега в Петербург на корабле вокруг Скандинавии. Операция оказалась весьма доходной. При затратах в 25,5 тыс. руб. она принесла компаньонам, по их данным, 4 тыс. руб. чистой прибыли⁴⁷.

С этого времени Ф. Савин стал ежегодно скупать на Мурмане рыбу и отправлять ее на судах в столицу, постепенно наращивая объем операций. В 1880 г. им было направлено в Петербург три судна с 51 тыс. пудов рыбы, а в 1884 г. — четыре судна с 81 тыс. пудов. Ежегодный чистый доход предпринимателя от скупки рыбы на Мурмане и сбыта ее в Петербурге достигал около 50 тыс. руб.⁴⁸

Параллельно со скупкой Савины разворачивали на мурманском побережье торговлю продовольствием и промышленным снаряжением. В 1873 г. первым из поморов Ф. Савин открыл факторию в становище Шельпино. По данным Вас. И. Немировича-Данченко, на ней ежегодно в разгар промыслового сезона кредитовалось более 200 че-

ловек. В 1878 г. в другом становище (Восточная Лица) открыл факторию один из сыновей Ф. Савина Алексей, а к 1888 г. Савины имели на Мурмане уже 4 фактории (в Гаврилово, Цып-Наволоке, Восточной Лице и Шельпино)⁴⁹. К 1890-м гг. они прекратили снаряжение собственных судов на отхожий тресковый промысел и стали заниматься на Мурмане только торгово-посредническими операциями.

В родной Керети и окрестных селах Савины исстари выступали как скупщики продукции семужьего и сельдяного промыслов и как крупнейшие местные хлеботорговцы. «Из савинских складов, — отмечал Я.А. Балагуров, — хлеб продавали не только жителям ближайших поморских селений, но и в отдаленные карельские волости, и в пограничные селения Финляндии»⁵⁰. В конце 1870-х гг. Ф.В. Савин обратился также к лесопромышленной деятельности. Он начал заготавливать лес в районе оз. Ковдозеро, откуда заготовленные бревна сплавлялись в Керетский залив Белого моря, где на островах 20 — 30 наемных пильщиков вручную разделявали их на пиломатериалы.

После кончины Ф.В. Савина в 1885 г. дело повели его сыновья — Алексей (ум. 1908), Александр и Владимир (ум. 1927), причем, судя по документам податного учета, фактическим главой семейного бизнеса являлся Владимир Федорович. Братья решили поставить лесопромышленное дело на более прочную основу. Они первыми из предпринимателей Карелии вложили капитал в постройку парового лесопильного завода. По мощности завод Савиных несколько уступал другим лесопильным предприятиям Карельского Поморья. Первоначально он имел энергетическую установку в 40 л. с. и 2 пилорамы, тогда как на остальных поморских заводах действовало от 4 до 6 рам. Численность постоянных рабочих кадров, по данным податной инспекции за 1899 г., составляла 95 человек, но в летнее время количество рабочих достигало 180.⁵¹ Этот завод являлся самым крупным промышленным предприятием из всех созданных в Карелии местными предпринимателями. В конце XIX — нача-

ле XX вв. для распиловки на своем заводе Савины заготавливали древесины на сумму от 70 до 110 тыс. руб. в год, что составляло около 15 % объема добычи леса в Кемском уезде.⁵² В то же время братья Савины продолжали вести торговые операции в Керетской и Ковдской волостях, а также на мурманском берегу. Писатель Вас. И. Немирович-Данченко, встречавшийся с В.Ф. Савиным на Мурмане, характеризовал его как человека «весьма представительного, с довольно приличными манерами, смахивающего на иностранного негоцианта»⁵³.

Лесопромышленник из с. Кереть Владимир Федорович Савин.
Личный архив С.Н. Полякова

Ковдский завод Н.А. Русанова имел паровую машину в 160 л. с. и 4 пилорамы. Численность рабочих, по данным податной инспекции за 1899 г., составляла 225 чел.⁵⁴

На ведущих предприятиях отрасли к концу XIX в. владельцы, помимо пилорамного оборудования, стали устанавливать вспомогательные деревообрабатывающие станки. Так, в 1893 г. на сорокских заводах Беляевых имелось до 15 механических станков (сверлильных, строгальных, для распиловки дров, обрезки досок, изготовления клепок и др.), на Кемском лесозаводе насчитывалось 12 подобных станков⁵⁵. На ковдском заводе Русанова изначально было установлено 22 станка⁵⁶.

Организация лесопильного производства в Карельском Поморье – крае, к которому примыкали обширные лесные массивы Северо-Западной Карелии и который имел удобную морскую связь с Западной Европой, привлекала не только крупных российских, но и зарубежных инвесторов. На рубеже XIX – XX вв. на островах Белого моря в районе с. Ковда представителями иностранного капитала были сооружены 2 лесопильных предприятия. В 1899 г. начал действовать завод шведского предпринимателя Генриха Ослунда (на о-вах Еловец и Засечный). Позднее, в 1910 г., это предприятие перешло в руки другого шведа – Арнета Бергрена из г. Сундсвалля. А в 1901 г. вступил в строй лесопильный завод английского лесопромышленника Карла Стюарта⁵⁷, располагавшийся на о-ве Овечий. Завод Ослунда имел 4 паровые машины мощностью 258 л. с. и 6 пилорам; по данным за 1902 г., общее число занятых на заводе составляло 285 человек. На заводе К. Стюарта были установлены также 4 паровые машины, но меньшей общей мощности – 67 л. с., и 4 пилорамы; численность рабочих достигала 240 человек⁵⁸.

Лесозаводы Поморья, работавшие на экспорт, относились к числу наиболее крупных предприятий отрасли в России. В 1900 г. в среднем на один лесозавод приходилось: в Карельском Поморье – 218 рабочих, в Южной Карелии (включая вододействующие лесопильни) – 58, в целом по

стране — 50.⁵⁹ Продукция поморских лесозаводов поставлялась преимущественно в Англию, а также в Бельгию, Германию и другие западноевропейские страны. В 1890 г. отсюда за границу было отправлено 8,4 тыс. стандартов пиломатериалов, а в 1900 г. — уже 17,3 тыс. стандартов.

Погрузка пиломатериалов на пристани Кемского лесозавода.
Из кн. «Очерк постройки Мурманской железной дороги». Пг., 1917

К концу XIX в. в Карелии имелось 9 паровых лесозаводов и 4 вододействующие лесопильни. Если в 1860-х гг. общая сумма производства пиломатериалов не превышала 300 тыс. руб. в год, то во второй половине 1890-х гг. она составила в среднем за год более 2 млн руб.⁶⁰

В период промышленного подъема 1890-х гг. в лесопильной отрасли активно развернулся процесс ассоциирования капитала. Целый ряд действовавших в Карелии индивидуальных и семейных фирм из Петербурга и Архангельска были преобразованы в акционерно-паевые товарищества, ключевые позиции в которых, как правило, сохранили либо

прежние владельцы, либо их ближайшие родственники и старые деловые партнеры.

Так, в 1891 г. основатели Кемского лесозавода А.Ю. Сурков и Е.И. Шергольд вовлекли в дело архангельских купцов В.В. Гувелякена и В.Ф. Брандта и создали паевую компанию «Товарищество Кемских лесопильных заводов» (правление в г. Архангельске, основной капитал 500 тыс. руб., директор-распорядитель В.В. Гувелякен)⁶¹. В 1893 г. возникли зарегистрированные в Петербурге акционерно-паевые компании «П. Беляева наследники и К^о» (председатель правления С.П. Беляев; основной капитал 1,3 млн руб.) и «Товарищество Беломорских лесопильных заводов под фирмою Н. Русанов-сын» (правление в составе Н.А. Русанова, Н.Э. Линдеса и Н.О. Шарвина; основной капитал 1,5 млн руб.). В 1897 г. на основе семейной фирмы была образована паевая компания «Товарищество лесопильных заводов и мануфактур «Д.Н. Лебедев» (правление находилось в Петербурге и состояло из основателя дела купца Д.Н. Лебедева и двух его сыновей, основной капитал определялся в 2 млн руб)⁶². Такое преобразование обеспечивало компаниям большую устойчивость и позволяло привлекать дополнительные инвестиции, направляемые на развитие производства.

Разразившийся в начале XX в. мировой и общероссийский экономический кризис оказал значительное воздействие на основные отрасли промышленности Карелии, прежде всего на ее лесной комплекс. Так, в обзоре за 1902 г. олонецкий губернатор Н.В. Протасьев с обеспокоенностью констатировал: «В отчетном году, как и в предшествующем, лесозаготовки значительно сократились. На такое сокращение лесозаготовок... влияли те же причины, что были указаны и в обзоре за 1901 г., а именно: падение цен на пиловочный лес в Петербурге и Кронштадте и меньший спрос этого товара за границу. По таким причинам лесопромышленниками было куплено меньшее количество леса, тем более, что

из предшествующих заготовок был приостановлен сплав бревен и досок в Петербург»⁶³.

По данным Н.В. Протасьева, заработок крестьян от лесозаготовок в 1902 г. уменьшился на 225 тыс. руб., или на 24 % по сравнению с 1901 г. и на 32 % по сравнению с 1900 г.⁶⁴ В официальных губернаторских отчетах за 1902—1904 гг. отмечалось также снижение выпуска пиломатериалов. Если в 1900 г. лесозаводы Южной Карелии выработали продукции на 906,2 тыс. руб., то в 1904 г. — на 702,8 тыс. руб. (77,9 % к уровню 1900 г.)⁶⁵. В Карельском Поморье в течение 1900—1904 гг. производство пиломатериалов оставалось примерно на одном и том же уровне (около 2 млн руб.)⁶⁶. Необходимо, однако, отметить, что это относительное благополучие в значительной степени было связано с освоением мощностей на двух новых лесозаводах, построенных в районе с. Ковда Г. Ослундом и К. Стюартом. На старых же предприятиях наблюдался спад производственной деятельности.

Революционные потрясения 1905—1907 гг., открывшие для России путь к буржуазному парламентаризму, не способствовали, однако, преодолению последствий экономического кризиса, который сменился длительной депрессией. Депрессивные, а частью и кризисные явления наблюдались и в промышленности Карелии.

Период кризиса и депрессии ознаменовался крахом двух проектов в сфере лесопиления, предпринятых представителями наиболее известных предпринимательских династий Петрозаводска. Из-за падения спроса на пиломатериалы владелец вододействующей лесопильни на р. Лососинке купец М.Н. Пикин понес убытки и задолжал губернскому управлению земледелия, фирме «Э.Г. Брандт и К^о» и другим предпринимателям около 60 тыс. руб. В июне 1906 г. он признал себя банкротом⁶⁷. Основная часть его имущества пошла с молотка. Деловой крах подорвал здоровье Марка Николаевича, он тяжело заболел и 24 января 1907 г. скончался⁶⁸. Сыновья М.Н. Пикина Александр и Федор после смер-

ти отца вынуждены были поступить на государственную службу. На этом история купеческой династии, полвека находившейся в центре деловой и общественной жизни губернской столицы, завершилась.

Представители другой именитой купеческой фамилии Петрозаводска братья Александр и Георгий Пименовы задумали постройку парового лесозавода еще в период промышленного подъема 1890-х гг. Но окончательно сумели воплотить планы в жизнь лишь в 1901 г. Завод разместился в с. Соломенном, на юго-западном берегу Логмозера. Известно, что предприятие имело паровую машину в 25 л. с. и освещалось электричеством. Было нанято 70 постоянных рабочих, половина жила при заводе⁶⁹. По своим параметрам завод напоминал размещавшийся по соседству, на северо-восточном берегу Логмозера, громовский. Новое предприятие не успело прочно встать на ноги. Вспыхнувший в ночь с 5 на 6 декабря 1905 г. и бушевавший три дня пожар дотла уничтожил завод, биржу сырья и склад готовой продукции. Распространению огня способствовало большое скопление нереализованных пиломатериалов, образовавшееся в связи с пониженным спросом на них во время кризиса. Заводские корпуса и машины были застрахованы на 40 тыс. руб., но общие материальные потери от пожара составили около 300 тыс. руб.⁷⁰ Значительные убытки не позволили владельцам восстановить завод, однако Г.Е. Пименов сумел приобрести лесопильню у своего обанкротившегося должника и родственника М.Н. Пикина.

В целом процесс восстановления производства на лесопильных заводах Южной Карелии после кризиса начала 1900-х гг. шел медленно. Выпуск пиломатериалов на них в 1909 г. составил лишь 88 % к уровню 1900 г.⁷¹ Не достигли этого уровня и лесозаготовки. Несколько иначе развивалась ситуация на лесозаводах Карельского Поморья. В 1905 г. здесь произошел всплеск деловой активности и было выработано продукции на рекордную сумму в 3,4 млн руб. Одна-

ко после прокатившейся по краю летом 1906 г. волны забастовок вновь обозначился застой производства⁷².

С 1910 г. затянувшаяся депрессия в российской индустрии сменилась бурным подъемом, связанным со стабилизацией политического положения в стране и оживлением в аграрном секторе народного хозяйства, вызванным столыпинской реформой и другими факторами. Подъем затронул и промышленность Карелии, прежде всего лесной сектор. Усиление спроса на пиломатериалы на внутреннем и внешнем рынке способствовало активизации частного предпринимательства в области лесопильного производства. Подъему предшествовало оживление инвестиционной деятельности, выразившееся в возобновлении строительства новых предприятий. В 1908 г. на северной окраине Петрозаводска местный мещанин из отставных солдат-евреев Захар Парижский (Парийский), ранее занимавшийся бакалейной торговлей, ввел в строй однорамный лесопильный завод, оснащенный механическим двигателем (локобилем) мощностью 35 л. с.⁷³

Почти одновременно в с. Соломенном на площадке сгоревшего лесозавода братьев Пименовых фирмой «А.П. Беляев и К^о», основными владельцами которой являлись британские подданные Альфред Петрович Беляев (родственник петербургских купцов Беляевых) и Эдвард Желлибрант, был пущен новый лесозавод, ставший одним из крупнейших предприятий отрасли в Олонецкой губернии. Он был оборудован паровой машиной в 60 л. с. и имел 3 пилорамы, позволявшие распиливать 150–200 тыс. бревен в год. Цеха освещались электричеством. Большой новинкой для своего времени являлось то, что на заводе осуществлялась утилизация опилок, которые употреблялись в качестве топлива для паровой машины⁷⁴. Количество постоянных рабочих составляло около 150 человек, среди них было немало финнов. Продукция предприятия отправлялась в Петербург и за границу⁷⁵.

В 1909 г. крестьянин-карел, выходец из д. Онгамуксы Спасопреображенской волости Петрозаводского уезда Алексей Васильевич Калинин, занимавшийся лесозаготовками и с 1889 г. имевший лесной двор в г. Петрозаводске, построил лесозавод с механическим двигателем на о-ве Неглин в Петрозаводской губе Онежского озера. Вскоре он продал предприятие полковнику Ф. Сольбергу (Сальбергсу) из г. Сердоболя (Выборгская губерния Великого княжества Финляндского), а тот, в свою очередь, в 1914 г. — жившему в Петрозаводске финскому уроженцу А.И. Фредриксону⁷⁶.

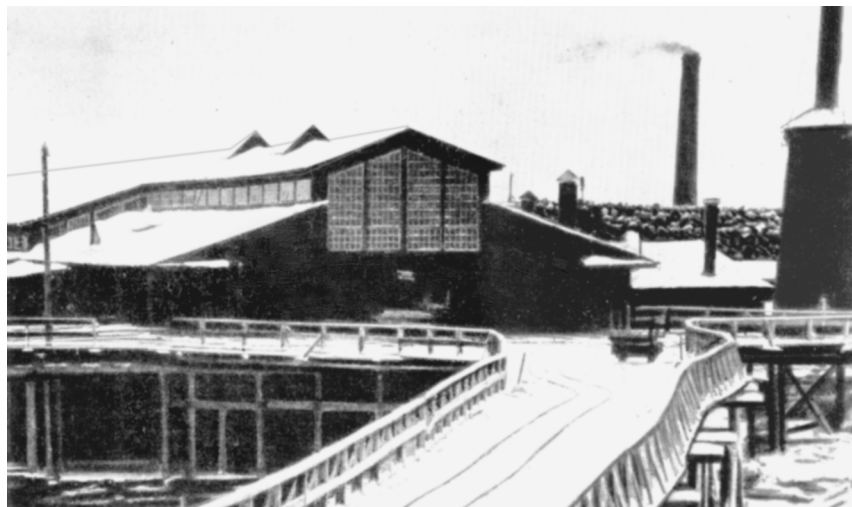
Частая смена владельцев, не обладавших к тому же значительными капиталами для развития дела, не способствовала стабильной работе предприятия. Сведений об оборудовании и производительности данного завода за период до 1914 г. нам в источниках обнаружить не удалось. Я.А. Балагуров в списке лесозаводов Карелии, действовавших накануне Первой мировой войны, приведенном в статье 1948 г., указывал, что Неглинский завод был однорамным⁷⁷. Но в аналогичном списке, приведенном в его более поздней монографии, это предприятие отсутствует⁷⁸.

Известно, что перед революцией 1917 г. Неглинский завод перешел в руки финляндской фирмы «Олонецкое лесопромышленное акционерное общество» (учредитель П. Сунинен), пайщики которой вложили в дело 1,7 млн руб. и провели серьезную модернизацию производства. Однако вскоре после этого завод был национализирован⁷⁹. По данным всероссийской профессиональной переписи 1918 г., при финляндских акционерах предприятие имело паровую машину в 40 л. с., локомобиль в 15 л. с. и 2 пилорамы. На нем было занято 95 рабочих⁸⁰.

Несколько значительных лесопильных заводов возникло также за пределами Петрозаводска и его ближайших окрестностей. Вместо сгоревшей в 1909 г. лесопильни в с. Лижма фирма «Э.Г. Брандт и К°» уже через год ввела в строй 4-рамный лесозавод в районе д. Суны Петрозаводского уезда.

Первоначально он был оснащен локомотивом в 50 л. с., который затем заменили паровой 70-сильной машиной. В 1913 г. на предприятии было занято 250 рабочих и выпущено продукции на 350 тыс. руб.⁸¹

Компания «П. Беяева наследники» в 1911 г. построила в с. Сорока свой третий лесопильный завод, располагавший шестью пилорамами. Вскоре он сторел, но был вновь отстроен и назван «Феникс». Кроме того, фирма реконструировала свои старые заводы «Космополит» и «Финляндский». По сути она создала в крае первый лесопильный комбинат, суммарная мощность двигателей которого составила около 900 л. с., а оборудование включало 15 пилорам и десятки деревообрабатывающих станков. Численность рабочих достигала 800 человек. Накануне Первой мировой войны беяевский комплекс давал около трети всех пиломатериалов, производившихся в Карелии, и являлся одним из крупнейших центров лесопиления в России⁸².

Сорокский лесозавод Беяевых. Фото 1910-х гг. Из кн. «Твой путь, Карелия. Фотолетопись 1917–1977». Петрозаводск, 1977

В 1911 г. англичанин К. Стюарт построил в районе с. Сорока на о-ве Молчанов свой второй в Карельском Поморье лесозавод. Предприятие было оснащено паровой машиной в 60 л. с. и 3 пилорамами. Численность рабочих составляла 250 чел.⁸³

Сорокский лесозавод К. Стюарта. Фото начала XX в. КГКМ

Долго простаивавшую Повенецкую лесопильню в 1912 г. городское общество уступило новым совладельцам — местному мещанину из финляндских выходцев И.М. Пулькину и купцу Н.Я. Белову, которые возобновили ее деятельность⁸⁴. Правда, до начала строительства Мурманской железной дороги объем производства здесь оставался небольшим.

В период промышленного подъема владельцы охотно также вкладывали средства в модернизацию и расширение ранее построенных лесопильных предприятий. Обновление паросилового хозяйства было осуществлено на Кемском лесозаводе, Ковдском заводе К. Стюарта и Сунском лесозаводе фирмы «Э.Г. Брандт и К°». Но наиболее значительной пе-

рестройке, наряду с вышеупомянутыми беляевскими заводами, подвергся Керетский лесозавод Савиных, где была установлена третья пилорама, а мощность двигателей увеличена более чем вдвое — до 85 л. с.⁸⁵

При обычных условиях производства и сбыта продукции лесопильное производство в Карелии являлось весьма прибыльным делом. В 1895 г. один из лесозаводчиков в беседе со старшим фабричным инспектором Олонецкой губернии Н. Барышниковым говорил, что имеет 15–20 % «пользы», «а если получится 10 %, то это значит, что дело не стоит внимания»⁸⁶. По данным податной инспекции за 1897 г., чистая прибыль по Керетскому лесозаводу Савиных составила 10 тыс. руб., или 22 % по отношению к годовому обороту (45 тыс. руб.)⁸⁷. По показаниям норвежского предпринимателя А. Бергрена (а иностранцы вели отчетную документацию с особой тщательностью), он в 1913 г. получил по Ковдскому лесозаводу 58,3 тыс. руб. чистого дохода (17 % к годовому обороту), а в 1914 г. — 73,9 тыс. руб. (15 % к годовому обороту)⁸⁸. Крупнейшая российская акционерно-паевая компания «Товарищество П. Беляева наследники», имевшая в крае 4 лесозавода, за 1909–1910 операционный год выплатила своим пайщикам дивиденды в 14 % на пай, а за 1910–1911-й 10 %, при этом, кроме дивидендов, треть чистой прибыли была направлена на текущие нужды фирмы⁸⁹.

Всего в 1913 г. в Карелии действовало 18 частных лесопильных предприятий (13 паровых и 5 вододействующих) с 62 пилорамами. По сравнению с 1900 г. выпуск пиломатериалов вырос в два раза и составил 386 тыс. кубометров на сумму 5,8 млн руб.⁹⁰ С ростом лесопиления тесно был связан и рост лесозаготовок. В 1913 г. в крае было заготовлено 1,7 млн кубометров древесины, тогда как в 1900–1903 гг. в среднем заготавливалось только по 907 тыс. кубометров в год⁹¹.

Из 18 вышеуказанных лесопильных предприятий 9 принадлежали крупному российскому капиталу из Петербурга и Архангельска⁹², 4 — иностранному (К. Стюарт, А. Бергрэн,

фирма «А.П. Беляев и К^о», возглавлявшаяся английскими подданными) и 5 — местным предпринимателям. При этом из последних пяти предприятий лишь одно (завод Савиных) являлось паровым, а остальные были вододействующими, представлявшими еще мануфактурную стадию развития лесопиления. Накануне Первой мировой войны на долю крупных отечественных фирм из Петербурга и Архангельска приходилось 63,5 % производства пиломатериалов в крае, иностранных — 27,0 % и местных промышленников — лишь 9,5 %.⁹³ Таким образом, в единственной отрасли фабрично-заводской индустрии, имевшей общероссийское значение, предприниматели Карелии не смогли на равных конкурировать с пришлым капиталом и занимали второстепенные позиции. Хотя при должной инициативе и адекватных организационных решениях, как показал, например, опыт развития водного транспорта, о чем пойдет речь ниже, ситуация могла бы быть и более благоприятной для карельских лесопромышленников.

Наряду с лесопилением в Карелии предпринимались также попытки организовать производства на базе более глубокой переработки древесного сырья. В 1866 г. обосновавшимся в Петрозаводске выходцем из Финляндии Генрихом Кейноненом на берегу р. Неглинки была основана спичечная фабрика. Она не имела механического двигателя и носила характер мануфактурного производства. По данным за 1869 г., на фабрике работало 18 рабочих-подростков из финляндцев. Объем производства составлял до 800 тыс. коробков спичек в год на сумму около 2,4 тыс. руб. Продукция сбывалась в Петрозаводске и уездах Олонецкой губернии, а также поставлялась в Петербург и Рыбинск⁹⁴. В 1871 г. аналогичное предприятие открыл петрозаводский купец немецкого происхождения Федор Фогель, но вскоре у него возникли другие предпринимательские интересы. Проработав около двух лет, фабрика Фогеля, имевшая годовую сумму производства до 4,5 тыс. руб., прекратила деятельность⁹⁵.

В 1875 г. в спичечное дело решил вложить свои средства петрозаводский купец 2-й гильдии, выходец из отставных солдат губернского батальона Гирш Перцевич Кац (род. 1837), до этого занимавшийся виноторговлей. Он взял в аренду у города участок земли в пойме р. Неглинки несколько выше фабрики Кейнонена, где и построил новое предприятие⁹⁶. По своему оборудованию оно принципиально не отличалось от заведения Кейнонена и было также основано на ручном труде.

Сохранилось любопытное описание процесса изготовления спичек на фабрике Г.П. Каца, оставленное столичным путешественником, геодезистом В.В. Витковским, посетившим Петрозаводск в 1883 г. «Употребляемые для спичек ольховые деревья являются на фабрику в виде бревен, которые распиливаются на торцы высотой три вершка. Такой торец поступает на станок (ручной), которым из него вырывается спирально одновременно две деревянные ленты весьма длинные...

Толстый ряд таких деревянных лент, шириною в длину спички, поступает на станок, где... они (ленты) разрезаются на отдельные спички, собираемые внизу в корзины. Эти спички выносят в особое здание — сушильню, где на большой полке они совершенно высыхают в одну ночь и на следующее утро поступают в дальнейшую обработку.

Прежде всего, из массы в беспорядке наваленных спичек работники составляют цилиндрические пачки, сжимаемые в кольца. Работа эта производится чрезвычайно быстро, и отделанными такими пачками быстро наполняются особые корзины. Пачки эти тогда поступают к тем работникам, которые макают спички в сосуд с фосфорною массою. Масса эта, состав которой есть секрет фабриканта, тягучая жидкость, налитая в плоское железное блюдо, стоящее на жаровне с теплою водою, дабы масса не остывала. Чтобы отдельные спички не слиплись, и каждая получила полную фосфорную головку, работник, взяв в руку пачку и поставив ее на стол,

вращательным движением руки дает пачке вид щетины и, обмакнув ее одною стороною в массу, переворачивает и ставит на железный лист. Когда весь лист будет наполнен таким образом, его ставят на сходе полки в сушилке и через сутки спички высохнут. Тогда их укладывают в коробки...

Все работы, кроме крошки спичек из дерева, производятся маленькими детьми, девочками и мальчиками, и как не мило смотреть на это раннее развитие способности зарабатывать себе пищу, нельзя не пожалеть их, работающих в весьма неприятной и, вероятно, вредной атмосфере, насыщенной серою и фосфором»⁹⁷.

Производство на обеих фабриках постепенно расширялось и приносило хотя и небольшую, но устойчивую прибыль. В 1889 г. на фабрике Г. Кейнонена трудилось 40 рабочих, сумма производства достигла 8 тыс. руб., на фабрике Каца соответственно — 45 рабочих и 11 тыс. руб.⁹⁸ Однако только у Г.П. Каца был освоен выпуск более безопасных бесфосфорных спичек, что, по-видимому, и сыграло решающую роль. В 1890 г. Г. Кейнонен закрыл свою фабрику, как информировала губернская газета, «по взаимному соглашению владельцев, во избежание конкуренции»⁹⁹.

После кончины Г.П. Каца в 1894 г. его сын Рафаил Гиршевич (1871 — 1918) задумал вложить капитал в новый проект, а спичечное предприятие в счет погашения вексельного долга отца уступил купцу С.Л. Леонтьеву. Сначала Леонтьев привлек к делу в качестве компаньонов своего шурина олонецкого купца В.Е. Куттуева и чиновника М.Н. Михайловского¹⁰⁰, а в 1910 г. учредил для содержания спичечной фабрики полное товарищество «Огонек». В состав товарищества, кроме Леонтьева, вошли 6 человек: почетная потомственная гражданка из Олонца А.С. Куттуева (вдова В.Е. Куттуева), петрозаводские предприниматели В.Д. Лысанов и С.А. Тиккоев, торгующий крестьянин из Заонежья П.Я. Михеев, купцы Ф.А. Нечаев из Пудожа и Н.Г. Серков из Каргополя. Размер уставного капитала фирмы составил 13,8

тыс. руб.¹⁰¹ Никаких существенных нововведений в технику и технологию производства на фабрике фирмой не вводилось. По данным за 1913 г., на ней было занято 17 взрослых и 18 малолетних рабочих и выпущено продукции на сумму в 9 тыс. руб.¹⁰² Губернский фабричный инспектор отмечал, что спичечное производство выдерживает конкуренцию с петербургскими заводами «единственно благодаря дешевой эксплуатации труда подростков, малолетних и женщин»¹⁰³.

Пионером в области картонного производства в Карелии выступил олонецкий купец, немец по национальности, Юлий Юльевич Тейфель. Родился он в 1859 г. в Пруссии, но долгое время жил в России. В 1881 г. Ю. Тейфель был обвенчан с Марией-Еленой Тейхман в лютеранском соборе Св. Петра в Петербурге. В России же родились и дети Тейфелей — дочь Елена (1889) и сын Адольф (1891). В 1893 г. Ю. Тейфель принял российское подданство, и «по причине коммерческих дел» записался в купечество г. Олонца по 2-й гильдии¹⁰⁴. Вскоре он приобрел у наследников петербургского купца П.Ф. Петрова Усланский железокровательный завод в Олонецком уезде и поселился с семьей в с. Усланка.

Завод был перестроен в картонную фабрику, которая начала действовать в 1894 г. По свидетельству газеты «Олонецкие губернские ведомости», это было третье предприятие подобного рода в России¹⁰⁵. Помимо водяной турбины, предприниматель оснастил фабрику паровым двигателем, а в 1897 г. вместо старого деревянного здания построил каменный корпус. На фабрике из елового сырья ежегодно вырабатывалось до 10 тыс. пудов высококачественного картона 20 сортов, а также оберточная бумага. Хотя на российском рынке продукция фабрики встретила сильную конкуренцию со стороны финляндского картона, однако успешно выдерживала ее вплоть до Первой мировой войны. Лишь военная разруха вынудила Ю.Ю. Тейфеля закрыть предприятие 31 декабря 1915 г. «из-за неимения средств к дальнейшему производству»¹⁰⁶. Интересно, что когда в 1918 г. новая власть попы-

талась обложить бывшего предпринимателя налогом в 2,5 тыс. руб., в его защиту решительно выступил Усланский комбед, подтвердивший, что Тейфель человек пожилой, никакой прибыли не имеет, «а заводские машины и аппараты демонтированы и находятся на складе»¹⁰⁷.

Полиграфическое производство в Карелии почти до самого конца XIX в. было представлено лишь казенной Олонецкой губернской типографией, основанной в 1805 г. Однако с ростом грамотности и повышением общественного интереса к печатной продукции эта сфера становилась привлекательной и для частного предпринимательства. Именно в печатное дело и предпочел вложить свои средства сын петрозаводского спичечного фабриканта купец 2-й гильдии Рафаил Гиршевич Кац, основавший в 1897 г. свою типографию «Северная скоропечатня». К 1900 г. в ней работало 16 человек и производилось продукции на 9 тыс. руб. Типография Р. Каца выпускала книги, бланки, визитки, оказывала переплетные услуги. Она успешно конкурировала с губернской типографией, отличаясь более низкими расценками, лучшей техникой, быстротой выполнения заказов. В «Северной скоропечатне» размещали заказы земство, судебные органы и даже губернское правление, владевшее казенной типографией¹⁰⁸. Р.Г. Кац открыл при заведении лавку по продаже своей печатной продукции. В 1918 г. типография Р.Г. Каца была национализирована и объединена с губернской типографией.

В период нового промышленного подъема начала 1910-х гг. на основе частнопредпринимательской деятельности в крае возникли также некоторые новые виды промышленного производства. Первое предприятие фабрично-заводского типа появилось в пищевой отрасли. В 1910 г. созданным по инициативе В.Д. Лысанова полным товариществом «Олония», в состав которого также вошли С.А. Тиккоев, заонежский крестьянин П.Я. Михеев и каргопольский купец Н.Г. Серков, в Петрозаводске был построен паровой пивоварен-

ный завод. Предприятие отличалось высоким для того времени уровнем механизации производства. На нем было занято 17 рабочих и выпускалось до 50 тыс. ведер пива в год¹⁰⁹. Приглашение В.Д. Лысановым в товарищи купца Н.Г. Серкова было не случайным, в Каргополе он имел свою пивоварню, продукция которой получила золотую медаль на Парижской всемирной выставке 1900 г.¹¹⁰

Посетившие вскоре после открытия завод «Олония» специалисты авторитетной столичной фирмы «Калинкинское пиво-медоваренное товарищество» высоко оценили как техническую оснащенность предприятия, так и качество продукции петрозаводских пивоваров.

Действия товарищества во главе с коммерческим директором С.А. Тикоевым отличались глубокой продуманностью и комплексным подходом к делу. В крупных селениях была развернута сеть фирменных пивных лавок. В интересах потребителей в октябре 1913 г. при заводе открыли цех по выпуску безалкогольных напитков, который вырабатывал сидро, лимонады, сельтерскую воду. Продукция изготавливалась на основе натуральных фруктов и ягод¹¹¹.

Остальные отрасли крупной промышленности в условиях карельского края были малопривлекательными для частных инвесторов. До 1907 г. продолжало действовать предприятие купца Н.А. Базегского по первичной обработке льна в Пудожском уезде, основанное еще в 1830 г. и не выходящее за рамки мануфактурного производства. Кроме того, в окрестностях Петрозаводска существовало три такого же типа кирпичных завода, функционировавших в летнее время и не каждый год (в зависимости от спроса на кирпич). Принадлежали они местным торгующим крестьянам и мещанам Д. Седову, Н. Китаеву, А. Корытову.

Малое промышленное предпринимательство в Карелии в рассматриваемое время не получило заметного развития, что объяснялось относительной узостью местного потребительского рынка. Потребности сельского населения покры-

вались не только за счет привозных товаров, но и за счет традиционного крестьянского кустарного производства, осуществлявшегося в основном без устройства особых мастерских и без применения наемного труда¹¹². Городское же население в крае было малочисленным.

В 1890 г. в ходе налоговой поверки торговли и промыслов в пределах карельских уездов Олонецкой губернии было учтено 40 мелких промышленных заведений (с числом рабочих менее 16), общий объем оборота которых оценивался в 74,3 тыс. руб., а численность рабочих (включая подростков) составляла 141 человек. В 1913 г. таких предприятий было зафиксировано 58 с 210-ю рабочими. К сожалению, оборот при поверке удалось определить только для 37 заведений, он оценивался в 74,4 тыс. руб. Очевидно, что общий объем производства мелких предприятий, подлежащих промысловому налогообложению, примерно соответствовал уровню производства одного крупного лесозавода.

Ведущим направлением предпринимательства в сфере мелкого промышленного производства являлось хлебопекарное дело. В 1890 г. пекарни составляли 40 %, а в 1913 г. 66 % всех учтенных мелких предприятий. К 1913 г. они имелись не только в Петрозаводске и во всех уездных городах края, но и в ряде крупных сел, где, особенно в летний период, наблюдался значительный приток пришлого населения (Еремеев Посад, Шунгский Погост, Фоймогуба, Спасская Губа, Толвуя и др.). Некоторые сельские пекарни в пригородных Неккульской и Рыпушкальной волостях Олонецкого уезда, помимо местного рынка, поставляли свою продукцию (баранки) в соседнюю Финляндию¹¹³.

Кроме пекарен, сектор мелкого промышленного предпринимательства в крае был представлен ремесленными мастерскими (в основном швейными, кожевенно-меховыми, кузнечно-слесарными) и несколькими мельничными предприятиями. Мастерские ремесленного профиля, кроме

кожевенно-меховых, находившихся в сельской местности, были сосредоточены в Петрозаводске.

Владельцы мелких предприятий обладали, как правило, ограниченным капиталом, и успех их дела сильно зависел от текущей конъюнктуры. Деятельность многих мелких предприятий в рассматриваемый период оказывалась кратковременной. Обычно такие предприятия, если они не являлись частью более широкого семейного дела, функционировали лишь в пределах одного-двух предпринимательских поколений. Затем освободившуюся нишу, если она была востребована потребителями, занимали другие. Характерным примером может служить судьба дела хлебопеков Игнатьевых. Выходец из Вытегорского уезда крестьянин Андрей Поликарпович Игнатьев в 1860-е гг. основал в Петрозаводске в своем доме на ул. Соборной предприятие по выпечке хлебобулочных изделий, на котором было занято до 16 рабочих¹¹⁴. В дальнейшем предприятие унаследовал его сын Василий Андреевич, удостоившийся звания личного почетного гражданина. К 1890 г. оборот заведения достигал 10 тыс. руб.¹¹⁵ Пекарня была не только самой крупной, но и считалась лучшей в губернском центре. Мемуарист чиновник И.М. Никитин вспоминал: «С утра и до вечера развозились по всем городским мелочным лавкам изделия этой булочной: ситный, булки, крендели. При булочной был и кондитерский магазин. Печения этой булочной имели большой спрос у населения, пользовались хорошей славой»¹¹⁶. После кончины В.А. Игнатьева в конце 1890-х гг. пекарня некоторое время находилась под контролем опеки над имуществом и детьми покойного¹¹⁷, но вскоре прекратила существование. Ее место на рынке заняли вновь открывшиеся на рубеже XIX – XX вв. хлебобулочные предприятия германского подданного Иоганна-Генриха Гейнемана и крестьянина Андрея Куттуева¹¹⁸.

Таким образом, в рассматриваемый нами период характерной особенностью промышленного развития Карелии

на основе частного предпринимательства являлся опережающий рост лесопильного производства. Это определялось целым рядом причин: обилием лесных ресурсов, растущим спросом на высококачественную карельскую древесину на российском и мировом рынках, относительно низкой капиталоемкостью отрасли, наличием разветвленной естественной сети сплавных магистралей, удобными водными путями для транспортировки пиломатериалов за границу и в Петербург. Однако при этом формирующийся индустриальный сектор экономики края приобретал черты однобокости. К 1913 г. лесопиление давало 80,9 % всей стоимости промышленной продукции, на долю металлургии и металлообработки приходилось 18,3 %, а прочих видов производства – всего лишь 0,8 %¹¹⁹. Отсутствие развитой транспортной инфраструктуры препятствовало притоку капиталов в другие отрасли промышленности. Однако кардинально решить транспортную проблему в суровых условиях севера без активного участия государства было вряд ли возможно.

Вплоть до спешной постройки в период Первой мировой войны Мурманской железной дороги главнейшими транспортными артериями для жителей Карельского Поморья оставались Белое и Баренцево моря, а для жителей Южной Карелии – Онежско-Ладожский водный путь. В рассматриваемое нами время в области судоходства происходили важные изменения. На смену парусному флоту приходил паровой, на основных направлениях было установлено регулярное товарно-пассажирское сообщение. В значительной степени эти перемены стали следствием частной предпринимательской инициативы.

Первую попытку организовать регулярное пароходное сообщение по Белому и Баренцеву морям на маршрутах, связывающих Карельское Поморье с Архангельском и мурманским побережьем, предприняло в 1870 г. «Товарищество Беломорско-Мурманского срочного пароходства». Членами-пайщиками этой компании являлись поморы-предпри-

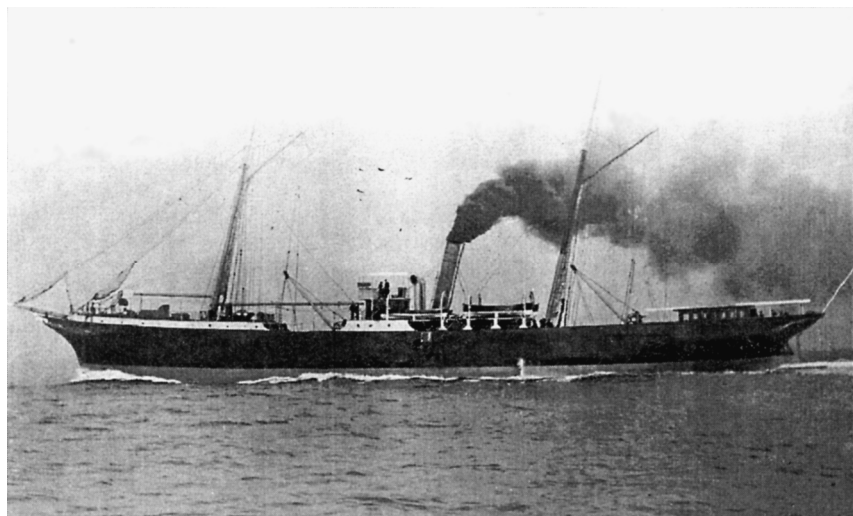
ниматели (31 человек) из различных городов и уездов Архангельской губернии. В их числе были купцы и мещане из Кеми и Сумского Посада Ф. Антонов, Ф. Белоусов, братья Воронины, Н. Елизаров, Д. Ломов, В. Митрофанов, А. Норкин, Н. Судовиков. Главой компании стал кольский купец М. Базарный. Основной капитал общества составлял 150 тыс. руб. В начале 1871 г. товарищество купило в Англии пароходы «Великий князь Алексей» (60 л. с.) и «Качалов» (40 л. с.). Предусматривалось, что они будут ежегодно совершать 12 рейсов на линии Архангельск — Кемь — Варде (Норвегия). Правительство выделяло товариществу ежегодную субсидию в размере 30 тыс. руб.¹²⁰ Но первая же навигация показала, что приобретенные суда не отвечают требованиям плавания в северных морях и не могут обеспечить надежное сообщение между Архангельском, Карельским Поморьем и Мурманом. В 1871 г. оба парохода вместе совершили только 8 рейсов, причем «Качалов» потерпел аварию. Товарищество понесло серьезные убытки. В дальнейшем дела складывались еще хуже. В навигацию 1873 г. пароход «Великий князь Алексей» разбился на подводных скалах у берегов Мурмана, а в начале навигации 1874 г. «Качалову», также напоровшемуся на скалы, потребовался капитальный ремонт, на что средств уже не было. Компания обанкротилась и 25 мая 1875 г. объявила о прекращении дела и распродаже имущества¹²¹.

Гораздо более успешной оказалась деятельность «Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства», которое было создано в 1875 г. по инициативе известного московского предпринимателя Ф.В. Чижова и состояло уже не из поморских купцов, а из представителей большого российского бизнеса (Т.С. Морозов, братья Мамонтовы и др.) и крупных чиновников. Как отмечают архангелогородские исследователи Г.П. Попов и Р.А. Давыдов, это был сознательный выбор Ф.В. Чижова, который считал необходимым ограничить присутствие в товариществе лиц, «вышед-

ших из среды местных крестьян или мещан, — малообразованных, с довольно узким кругозором и смотрящих на дело с точки зрения исключительно своей личной пользы»¹²². Основной капитал общества был определен в 400 тыс. руб., 12,5 % (50 тыс. руб.) которого изначально составила доля казны. Кроме того, правительство повысило субсидию компании за выполненные рейсы до 50 тыс. руб. в год¹²³.

Правда, и новая компания поначалу столкнулась с немалыми трудностями. Первые 3 парохода, приобретенные ею за границей («Архангельск», ходивший на Мурман, «Кемь» и «Онега», работавшие на беломорских линиях), также были построены без учета специфики плавания в Ледовито-Беломорском бассейне. Расписание рейсов нарушалось, а суда нередко попадали в аварийные ситуации¹²⁴. Но благодаря деловому опыту участников, значительному первоначальному капиталу, а также солидной поддержке государства товарищество удержалось от краха и с 1883 г. стало рентабельным. Пайщики начали получать дивиденды в размере до 5 % на капитал¹²⁵. Фирма получила возможность строить суда по своим заказам с учетом требований, порожденных спецификой суровых северных морей. Техническое перевооружение компании началось с постройки для нее английскими корабелями в 1891 г. первоклассного по тому времени парохода «Ломоносов» со стальным корпусом, двойным дном, мощностью двигателей в 180 л. с. и вместимостью до 850 пассажиров¹²⁶.

После поездки на Мурман в 1894 г. министра финансов России С.Ю. Витте, положительно оценившего деятельность «Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства», правительство подписало с компанией новый договор. Ежегодная казенная субсидия увеличивалась до 227 тыс. руб. при условии удвоения количества рейсов на беломорской и мурманской линиях. Основной капитал товарищества превысил 1,3 млн руб., при этом доля государства достигла 900 тыс. руб.¹²⁷.

Пароход «Ломоносов» товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Сайт «Мои морские истории» // Режим гостуа
<http://www.odin.tc/books/steam/img/>

Конец XIX — начало XX вв. стали временем ускоренного развития компании, когда ее флот активно обновлялся и пополнялся современными двух- и трехпалубными морскими пароходами английской постройки. К 1896 г. он насчитывал 11, а к 1915 г. — 15 товарно-пассажирских и грузовых судов. Обороты пароходства год от года росли. Если в 1896 г. на беломорской и мурманской линиях было перевезено 19,7 тыс. пассажиров, то в 1909 г. — 36,3 тыс. Перевозка груза в 1896 г. составила 699,1 тыс. пудов, а в 1909 г. — 1865,1 тыс. пудов¹²⁸.

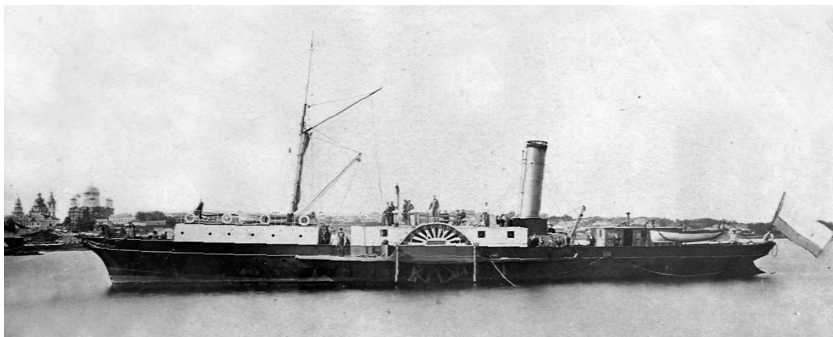
Помимо судов срочного пароходства, в начале XX в. на Белом море действовало до 20 грузовых пароходов, принадлежавших в основном лесопромышленникам. Развитие пароходного сообщения привело к некоторому сокращению поморского парусного флота. Количество транспортных парусных судов в Карельском Поморье за период с 1885 по 1899 гг. сократилось с 304 до 228. И все же парусный флот

все еще сохранял ведущее положение в Ледовито-Беломорском бассейне, по крайней мере, в перевозках, связанных с морскими промыслами.

Если в развитии регулярного пароходства на Белом море зачинателями дела выступили местные предприниматели, но главную роль в конечном итоге сыграли представители пришедшего капитала, то в бассейне Онежского озера ситуация развивалась в противоположном направлении. Первоначально инициативу на себя здесь взяли столичные фирмы.

Регулярное грузопассажирское сообщение между Петербургом и Петрозаводском было открыто 31 мая 1861 г. рейсом парохода «Лодейное Поле», принадлежавшего компании Петербургско-Волжского пароходства. До конца навигации судно выполняло по два рейса в месяц. Начинание сразу же оказалось прибыльным. Со следующего года на линии работали уже 2 парохода — «Петрозаводск» Петербургско-Волжской компании и «Геркулес» Северной компании (с 1874 г. — компания «Петрозаводско-Петербургское пароходство»), совершавшие по рейсу в неделю. К концу XIX в. сообщение на данном маршруте поддерживало уже 4 паровых судна этих фирм, выполнявшие в общей сложности 6 рейсов в неделю. Если в начале 1860-х гг. время в пути от столицы до Петрозаводска на пароходе составляло 55 часов, то к концу века оно сократилось до 40 часов.

В 1873 г. начало действовать пароходное сообщение между Петрозаводском и Повенцом, а в 1876 г. были сделаны пробные рейсы между Петрозаводском и Пудожем (Подпорожье). С 1890 г. на Онежском озере стала функционировать «круговая» грузопассажирская линия Петрозаводск — Повенец — Пудож — Вознесенье — Петрозаводск. Эти линии также обслуживали суда Петербургско-Волжской и Петербургско-Петрозаводской компаний. Всего к началу 1890-х гг. на Онежском озере и р. Свири имелось 13 грузопассажирских и 67 буксирных пароходов, в подавляющем большинстве частных¹²⁹.

Пароход «Александр Свирский» Петербургско-Волжского пароходства, ходивший на линии Петербург – Петрозаводск в 1869 – 1886 гг. *НА РК*

Первая попытка создания местной пароходной компании на водных путях Южной Карелии была предпринята в 1869 г. группой петрозаводских купцов во главе с Е.Г. Пименовым. В обращении к губернатору по этому вопросу купцы писали: «Ни разу не останавливавшееся в течение 10 лет плавание пароходов и количество привозимых ими в наш город грузов и пассажиров указывают несомненную выгоду пароходного транспорта на этом пути. К сожалению, инициатива учреждения пароходства... не могла родиться в среде нашего общества, и всеми выгодами от предприятия, оживляющего наш край быстрой и безостановочной перевозкой товаров, кладей и пассажиров, пользуются пароходные компании, принадлежащие другим местностям». В документе отмечалось, что здешнее купечество ежегодно теряет только на переплате фрахтовой суммы столичным пароходным обществам более 10 тыс. руб.¹³⁰

Инициаторы приложили к обращению также проект устава фирмы, которую предлагали назвать «Товарищество Онежско-Ладожского пароходства под фирмой «Петрозаводское купечество». Компания проектировалась в форме товарищества на вере с основным капиталом в 50 тыс. руб., разделенным на 500 паев по 100 руб. каждый¹³¹. По подписке

удалось собрать необходимые средства¹³², но на этом дело застопорилось. Лидер петрозаводского купеческого сообщества Е.Г. Пименов, с 1867 г. занимавший пост председателя губернской земской управы, в 1871 г. был избран еще и городским головой Петрозаводска. Поскольку при этом он продолжал вести собственные коммерческие дела, времени и сил на пароходный проект у него не оказалось. Остальные пайщики не проявили должной энергии и сплоченности, и товарищество «Онежско-Ладожского пароходства» так и осталось на бумаге.

Почти одновременно с попыткой организации вышеупомянутого товарищества свое пароходное дело открыл петрозаводский купец, уроженец германского княжества Мекленбург Федор Федорович Фогель, ранее занимавшийся торговыми операциями.¹³³ Он приобрел буксирный пароход «Елена» мощностью в 50 л. с. и с 1870 г. на коммерческих основах стал осуществлять проводку судов и лесных гонок по Свири, Онежскому и Ладожскому озерам.¹³⁴ Дело оказалось прибыльным и постепенно расширялось. В 1873 г. Фогель купил у Северного пароходного общества второй паровой буксир — «Федор»¹³⁵. А в 1883 г. он за 40 тыс. руб. приобрел буксирно-пассажирский пароход «Сильфида» (120 л. с.) и стал содержать регулярную линию Вознесенье — Пудож (Подпорожье), от которой ранее отказались столичные компании. К этому времени Ф.Ф. Фогель выбирал купеческие документы уже не по 2-й, а по 1-й гильдии. В первую навигацию «Сильфида» совершила 31 рейс и перевезла 1650 пассажиров и 10,8 тыс. пудов груза, доказав рентабельность линии¹³⁶. При этом из-за мелководья на р. Водле навигация была прекращена раньше срока. По предложению судовладельца уездное земство провело работы по углублению фарватера. И в новый навигационный период, несмотря на кончину Ф. Фогеля, последовавшую 3 марта 1884 г., движение на линии возобновилось. В 1884 г. «Сильфида» выполнила 32 рейса¹³⁷.

Незадолго до смерти судовладелец завещал все имущество сыну Теодору (на русский манер также именовался Федором Федоровичем), который сохранил мекленбургское подданство. Теодор взял курс на свертывание деловых начинаний отца, он продал дом в Петрозаводске и жил в Петербурге¹³⁸. Линия Вознесенье – Пудож уже в 1885 г. была им закрыта¹³⁹, а пароход «Сильфида» стал использоваться только как буксирный на р. Свирь. Последний раз пароходы Т. Фогеля среди судов, плавающих по водам Олонецкой губернии, упоминаются в 1889 г.¹⁴⁰ Правда, некоторое время он еще продолжал выбирать в Петрозаводске купеческие документы. Но при этом здешние податные органы указывали, что Т. Фогель «предприятий в губернии не имеет»¹⁴¹.

С 1889 г. на водных путях Олонецкого края появляются паровые суда столичного купца 1-й гильдии Константина Александровича Чертова, обосновавшегося на жительство в г. Олонце. Располагая тремя товарно-пассажирскими пароходами: «Александр» (80 л. с.), «Василий» (120 л. с.) и «Мария» (180 л. с.), он первоначально апробировал их на относительно коротких маршрутах Вознесенье – Сермакса, Лодейное Поле – Петрозаводск, Лодейное Поле – Петербург¹⁴², а с 1893 г. поставил все три судна на линию Петербург – Петрозаводск (часть рейсов продлевалась до Пудожа и Повенца)¹⁴³. Ни по скоростным характеристикам, ни по уровню комфорта пароходы К.А. Чертова не имели преимуществ перед судами столичных фирм, обслуживавших те же линии. Более того, самый мощный пароход предпринимателя – «Мария» – являл собой старое морское судно с глубокой осадкой, что ограничивало его эксплуатационные возможности в озерно-речных условиях. Цены на билеты и провоз багажа у конкурентов также были примерно одинаковыми¹⁴⁴. К тому же в навигацию 1894 г. пароход «Василий» дважды попадал в аварии, а «Мария» потерпела крушение¹⁴⁵. В итоге К.А. Чертов уступил в конкурентной борьбе столичным компаниям. После 1896 г. его пароходы в чис-

ле судов, действовавших на Онежско-Ладожском водном пути, не упоминаются¹⁴⁶. К.А. Чертов выбыл из купеческого сословия. В документах начала XX в. он именуется домашним учителем.

Действительно, довольно высокий уровень образования (три курса Петербургского технологического института) позволял ему заниматься в Олонце не только учительской практикой, но и частной адвокатурой. Однако К.А. Чертов полностью не отказался и от предпринимательской деятельности, хотя вел ее в более скромных, чем прежде, размерах. К 1913 г. ему принадлежали в Олонце два пивных заведения с оборотом до 5,3 тыс. руб. и ренсковый погреб, а также дом из 7 комнат, часть помещений которого сдавалась в аренду¹⁴⁷. Во время кампаний в I, II и III Государственную думу К.А. Чертов, сочувствовавший кадетам, избирался в выборщики от избирателей г. Олонца¹⁴⁸.

С конца 1870-х гг. по примеру своих коллег — крупных столичных промышленников — наиболее значительные из местных предпринимателей, занимавшихся лесозаготовками, стали приобретать собственные буксирные пароходы для транспортировки лесоматериалов. Некоторые из них увидели в буксировочном деле достаточно самостоятельную и перспективную сферу для приложения своих усилий и средств, так как на Мариинском водном пути, частью которого являлись р. Свирь и южная часть Онежского и Ладожского озер, существовал высокий спрос на услуги по буксировке судов и гонок. В период промышленного подъема 1890-х гг. при участии лесопромышленников из Южной Карелии возникли две компании буксирного пароходства.

В 1891 г. крестьяне из Важинской волости Олонецкого уезда С.С. Буравов, П.П. Кашинов, В.Е. и Я.П. Мирохины вместе с временным лодейнопольским купцом Г.Г. Торкачевым учредили полное товарищество под названием «Важинское пароходство». Целью фирмы в договоре определялась «перевозка грузов и буксировка судов и гонок по Ладожско-

му и Онежскому озерам и по рекам Свири и Неве, т. е. от г. Повенца до Санкт-Петербурга». Складочный капитал товарищества составил 42 тыс. руб., который делился на 14 паев по 3 тыс. руб. В соответствии с вложенной суммой 4 пая принадлежали С.С. Буравову, по 3 пая каждый имели Г.Г. Торкачев, В.Е. и Я.П. Мирохины и один пай — П.П. Кашинов. На складочный капитал было приобретено 5 буксирных пароходов с хозяйственным инвентарем¹⁴⁹.

В дальнейшем компания развивалась весьма динамично. На р. Свири, у д. Лаптевщина Лодейнопольского уезда, ею были построены судоремонтные мастерские. К концу 1890-х гг. товарищество купило два новых буксира и модернизировало старые суда, в результате чего стоимость его основного капитала возросла до 105 тыс. руб.¹⁵⁰ В начале 1910-х гг. пароходство располагало флотилией из 12 буксирных судов с суммарной мощностью двигателей в 629 л. с. Ежегодный чистый доход фирмы податная инспекция оценивала в 33,4 тыс. руб.¹⁵¹

В 1899 г. аналогичная судоходная фирма была создана в с. Вознесенье Лодейнопольского уезда. Учредителями ее наряду с местными крестьянами А.И. Миронковым, И.П. Сергешиним и лодейнопольской мещанкой Е.А. Бочкиной (дочь А.И. Миронкова) выступили пятеро братьев Кораблевых (Алексей, Николай, Василий, Тимофей и Федот)¹⁵² из д. Семеново Нигижемской волости Пудожского уезда¹⁵³. Фирма получила название «Товарищество Вознесенского буксирного пароходства А.И. Миронков, А.С. Кораблев и К°». Складочный капитал составил из уже имевшихся у компаньонов материальных ценностей общей стоимостью в 201 тыс. руб. (8 буксирных пароходов, сопутствующий инвентарь и материалы, ремонтная мастерская, пристани и др.). Для удобства в расчетах капитал был условно разделен на 100,5 пая стоимостью по 2 тыс. руб. каждый. В соответствии с долей внесенного имущества А.И. Миронков имел 47,5 пая, братья Кораблевы — 42,5 пая, И.П. Сергешин — 7 паев и Е.А. Бочкина — 3,5 пая. Директором-распорядителем

избрали А.С. Кораблева. Районом действия пароходства определялись Онежское озеро, р. Свирь и Ладожское озеро. В перспективе устав предусматривал возможность развития полного товарищества в акционерное общество¹⁵⁴.

Начало действия фирмы оказалось вполне благополучным. Но после смерти в 1900 г. самого крупного пайщика А.И. МIRONKOVA между его наследниками — сыновьями Яковом, Иваном и Николаем МIRONKOVЫМИ¹⁵⁵ — и братьями Кораблевыми разгорелся острый конфликт за контроль над компанией¹⁵⁶. В итоге к 1907 г. вместо единой компании возникли две самостоятельные фирмы в форме полных товариществ. К пароходству братьев МIRONKOVЫХ из общего имущества отошли 5 буксиров и ремонтная мастерская, а к пароходству братьев Кораблевых — 3 буксира. К 1910 г. компания братьев МIRONKOVЫХ имела 10 буксирных судов общей мощностью 577 л. с. и являлась одной из самых крупных на Онежско-Ладожском водном пути.¹⁵⁷ Кораблевы в 1907 г. построили в Вознесенье свою небольшую судоремонтную мастерскую (10 рабочих, сумма годового производства 1,5 тыс. руб.)¹⁵⁸.

После смерти старших братьев Алексея и Василия, не оставивших прямых наследников по мужской линии, Кораблевы в 1910 г. реорганизовали фирму. Ее пайщиками остались Николай, Тимофей, Федот, и к ним присоединился сын старшего из этих трех братьев Иван Николаевич. Складочный капитал был определен в 90 тыс. руб.¹⁵⁹ Из 15 паев (по 6 тыс. руб.) Тимофей и Федот имели по 5, Николай — 3 и его сын Иван — 2 пая. Помимо судоходства, реорганизованная фирма сосредоточила в своих руках также лесозаготовительные операции и торговые предприятия Кораблевых в Пудожском уезде. В 1912 г. один из трех буксиров компании во время шторма на Онежском озере затонул¹⁶⁰, но и после этого предприятие устояло. По данным казенной палаты, чистая прибыль фирмы в 1913 г. составила 9,6 тыс. руб., а в 1914 г. — 8,6 тыс. руб.¹⁶¹

Крестьянин Федот Семенович Кораблев
— один из основателей и совладельцев
фирмы «Братья Кораблевы».
Архив автора

В 1909 г. в Важинской волости Олонецкого уезда возникло еще одно небольшое буксирное пароходство под названием «Северный крестьянин». Оно имело 2 паровых судна «Людмила» в 25 л. с. и «Руслан» в 30 л. с. и занималось проводкой судов и лесных гонок по Свири и приладожским каналам. Организаторами и пайщиками фирмы были местные крестьяне — торговцы и лесопромышленники братья А.Г. и М.Г. Аристаровы, М.В. Дьяконов, М.М. Кайнулайнен,

П.Я. Мирохин, А.Т. Рачков, И.В. Филимонов. Директором-распорядителем компании являлся И.В. Филимонов¹⁶². Один из пайщиков этой фирмы крестьянин Михаил Гаврилович Аристаров (1855 — после 1917) представлял собой видную фигуру в общественной жизни края. Он многократно избирался членом уездной и губернской земской управы, являлся одним из редакторов журнала «Вестник Олонецкого губернского земства», а в 1912 г. был избран депутатом IV Государственной думы¹⁶³.

Важнейшим начинанием в области транспорта в Карелии в начале XX в. стало создание и развертывание деятельности крупнейшей в истории края компании «Онежское пароходное общество», занявшей доминирующее положение

ние в грузопассажирском сообщении на Онежском озере и на петербургском направлении.

В создании и развитии этой фирмы ведущую роль сыграл талантливый предприниматель Василий Дмитриевич Лысанов (1856 — после 1926). Родился в д. Лонгасы Кижской волости Петрозаводского уезда в зажиточной крестьянской семье. Его отец Дмитрий Петрович Лысанов занимался не только сельским хозяйством, но и мелкой торговлей, владел кожевенной мастерской. В 1896 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде за представленные им изделия из кожи был отмечен бронзовой медалью. Пользовался уважением земляков, избирался волостным старшиной, уездным земским гласным, председателем Петрозаводской уездной земской управы. Д.П. Лысанов был знаком с известным ученым-фольклористом П.Н. Рыбниковым. По его просьбе в 1860—1861 гг. записал былины от сказителей А. Сорокина и А. Сарафанова. В доме Лысановых имелось значительное собрание книг XVII — начала XX вв. и даже была устроена библиотека-читальня¹⁶⁴.

В начале 1880-х гг., по-видимому, получив от отца начальный капитал, В.Д. Лысанов переехал в Петрозаводск и открыл собственное торговое дело, которое шло весьма успешно. В конце 1890-х гг. он приобрел грузовой пароход «Три Святителя», вмещавший около 7 тыс. пудов, и поставил его на линию между Петрозаводском и Петербургом. При этом тариф на перевозку грузов В.Д. Лысанов установил в 20 коп. за пуд — на треть ниже, чем у столичных пароходных обществ. С 1901 г. судно стало приносить устойчивую прибыль¹⁶⁵. Кроме грузового парохода, предприниматель купил в столице пристань и баржу, служившую складом для приемки и хранения грузов¹⁶⁶.

Занявшись судоходством, В.Д. Лысанов приобрел немалые специальные знания в данной области. В 1903 г. в «Олонецких губернских ведомостях» он выступил со статьей «К вопросу о

нашем судоходстве». Автор отметил особенности фарватера на местных маршрутах, описал основные типы судов и характер перевозимых грузов, наметил некоторые перспективы развития водного транспорта в крае¹⁶⁷.

На основе собственной практики предприниматель пришел к выводу, что для дальнейшего развития дела только личного капитала и усилий недостаточно. Он выступил с идеей создания в крае крупной пароходной компании на паевых началах, способной успешно конкурировать со столичными фирмами. В.Д. Лысанов стремился заинтересовать своим проектом широкий круг местных коммерсантов, что позволило бы собрать достаточный стартовый капитал. Весомым аргументом для убеждения сомневающихся служила ссылка на завышенные тарифы на перевозку грузов у петербургских компаний. Указывалось и на то обстоятельство, что действующие фирмы не поспевают за растущими объемами перевозок и по окончании навигации часть грузов остается зимовать на пристанях. Чтобы мобилизовать как можно больше средств, инициатор предполагал определить минимальный паевой взнос в 100 руб. Петрозаводский городской общественный банк, директором которого являлся В.Д. Лысанов, объявил об открытии кредита для вступающих в общество лиц на срок в 3 года, с помощью которого они могли увеличить свои паи¹⁶⁸.

Учредительное собрание фирмы состоялось 2 июня 1905 г. На нем присутствовало 26 человек, по подписке было собрано 160 тыс. руб. Новую компанию решили назвать «Онежское пароходное общество». Директором правления был избран В.Д. Лысанов. Членами правления стали также крупные крестьяне-торговцы Петр Яковлевич Михеев из Заонежья и Иван Никифорович Тихонов из Петрозаводска. Правлению было поручено заказать в Англии два новых пассажирских парохода¹⁶⁹.

Собрание утвердило устав нового общества, базировавшийся на принципах товарищества на вере. В зависимости

от суммы взноса пайщики подразделялись на полных товарищей или членов-учредителей (взнос не менее 500 руб.) и на вкладчиков (взнос не менее 100 руб.) Различие между ними заключалось в объеме полномочий. Членам-вкладчикам предоставлялось право наблюдать за ходом операций и проверять отчетность общества с целью защиты своих интересов, но, в отличие от членов-учредителей, они не могли принимать участие в управлении компанией. Пайщики обязывались перевозить свои грузы только на пароходах товарищества, для нарушителей этого правила предусматривались штрафы. Правление было обязано в равной мере соблюдать интересы всех членов общества и не делать различия между учредителями и вкладчиками при отправлении грузов в порядке очереди¹⁷⁰. Срок действия договора определялся в 25 лет.

В декабре 1905 г. на сессии губернского земского собрания представитель «Онежского пароходного общества» обратился к земству с предложением войти в число учредителей фирмы. Он заверял, что общество удешевит цены на проезд и улучшит условия для пассажиров, чем послужит на пользу всему населению края. Сообщалось, что от пайщиков уже поступили заявления на перевозку грузов на сумму 14,9 тыс. руб.¹⁷¹ Но земцы не откликнулись на предложение.

Осторожность земских деятелей не смутила В.Д. Лыснова и его единомышленников. По данным губернской прессы, к февралю 1906 г. «Онежское пароходное общество» насчитывало свыше 120 пайщиков¹⁷². В архиве нам удалось найти черновой список участников компании, относящийся к началу 1906 г. Он охватывает 92 человека, в том числе 75 членов-учредителей и 17 членов-вкладчиков, внесших в сумме 240,5 тыс. руб. уставного капитала¹⁷³.

Анализ этого документа показывает, что основное ядро пайщиков составили купцы, торгующие крестьяне и мещане из Петрозаводска. Их насчитывалось 46 человек, вложивших 145,3 тыс. руб. в основной капитал¹⁷⁴. Это составляло

50 % всех пайщиков и 60,4 % уставного капитала. Из местных пайщиков за предпринимателями губернского центра следовали торговцы из прионежских местностей Петрозаводского (20 человек, внесших 33,5 тыс. руб.) и Повенецкого уездов (7 человек, внесших 23,2 тыс. руб.).

В целом представители карельского Обонежья первоначально составили 79,3 % участников пароходного общества, на их долю приходилось 84 % зафиксированного в документе складочного капитала (240,5 тыс. руб.). Из других уездов Олонецкой губернии (Вытегорский, Лодейнопольский) в организации нового пароходства приняло участие только 6 человек. Обращает на себя внимание отсутствие среди компаньонов купцов и торгующих крестьян из прилегающего к Онежскому озеру Пудожского уезда.

Инициаторы создания фирмы стремились вовлечь в дело и представителей столичного капитала. В какой-то мере им это удалось сделать. В начинании пожелали принять участие торговый дом братьев Буштуевых, специализировавшийся на торговле фруктами и бакалеей, и 9 индивидуальных предпринимателей из Петербурга (как выходцев из Карелии, так и уроженцев других мест). Всего столичными предпринимателями на этапе создания компании было вложено 20,5 тыс. руб. (8,5 % уставного капитала).

Кроме братьев В.А. и Ф.А. Буштуевых, наиболее известными из петербуржцев были потомственный почетный гражданин, владелец фабрики бытовых металлоизделий И.С. Смоленков и купец 1-й гильдии, собственник оптового склада масла и колониальных товаров М.А. Беховский¹⁷⁵. Большинство столичных участников (7), включая И.С. Смоленкова, внесшего пай в 10 тыс. руб., не решились войти в число учредителей. Они предпочли ограничиться ролью членов-пайщиков, сведя к минимуму финансовый риск.

Помимо жителей Олонии и Петербурга, в создании «Онежского пароходного общества» приняли участие также

хлеботорговец из Рыбинска Е.Я. Думмер, вложивший в дело 5 тыс. руб., и купцы из г. Калязина Тверской губернии братья Николай и Сергей Блохины (внесли по 3 тыс. руб. каждый)¹⁷⁶.

Группа наиболее крупных пайщиков включала 6 человек, вложивших в основной капитал не менее чем по 10 тыс. руб. Это были инициатор проекта В.Д. Лысанов (пай в 50 тыс. руб.), купец Н.Я. Белов из Повенца (15 тыс. руб.), капитан-судоводитель Н.П. Варзугин, приглашенный Лысановым из Поморья в Петрозаводск (15 тыс. руб.), купец С.А. Тиккоев из Петрозаводска и хлеботорговцы из Заонежья П.Я. Михеев и Ф.А. Михеев (паи по 10 тыс. руб.), а также вышеупомянутый столичный купец И.С. Смоленков. На долю данной группы лиц приходилась половина основного капитала компании (120 тыс. из 240,5 тыс. руб.). Они и оказывали в дальнейшем решающее влияние на развитие «Онежского пароходного общества».

Наряду с названными выше предпринимателями в число пайщиков компании вступил также целый ряд других видных деятелей делового мира Карелии. В их числе крупнейшие купцы-гостинодворцы Петрозаводска Х.Г. Кононов и С.Л. Леонтьев, представители известных в крае торговых династий М.А. Лейманов, М.А. и И.Н. Тихоновы, Н.Н. Румянцев; торговец из ярмарочного села Шуньга П.А. Белоглазов, крестьяне-лесопромышленники А.В. Калинин, М.М. Кирьянов, И.Н. Фершуков. Учитывая, что в уставе компании имелся пункт о перевозке пайщиками грузов только на судах своей фирмы, можно считать, что «Онежское пароходное общество», еще не приступив к практической деятельности, уже наносило первый удар по своим конкурентам, лишая их многих крупных по местным меркам клиентов-грузоотправителей.

Другой ключевой замысел руководителей «Онежского пароходного общества» заключался в том, чтобы противопоставить старым компаниям, пароходный парк которых составляли в основном суда постройки 1870 – начала 90-х

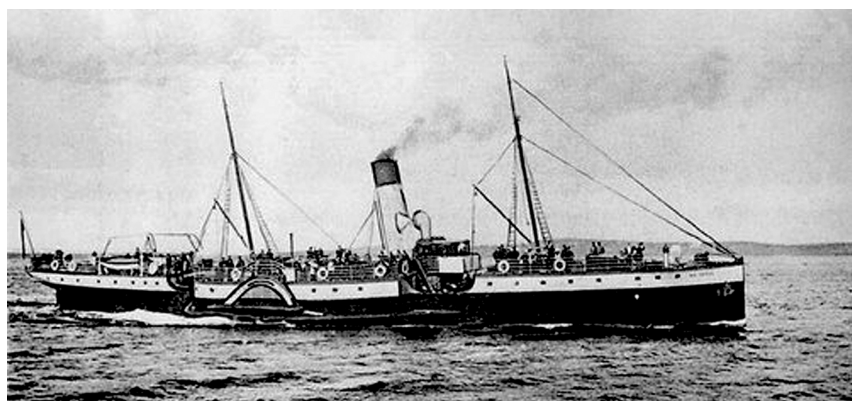
гг., новые пассажирские суда с лучшими эксплуатационными характеристиками.

К заказу двух новых судов правление подошло с большой тщательностью, были разработаны их эскизные проекты. Члены избранной на общем собрании комиссии по заказу и приемке судов В.Д. Лысанов и П.Я. Михеев лично осмотрели верфи в Петербурге, Финляндии, Германии, Голландии, Бельгии и Великобритании и провели переговоры с судостроителями. Большинство фирм стесняло выдвинутое заказчиками, исходившими из особенностей плавания в условиях Онежско-Ладожской озерно-речной системы, требование обеспечить быстроходность судов (не менее 25 верст в час) при малой осадке. Только в Великобритании в шотландском городе Гранджемуте опытные корабли фирмы «Докиард и К^о» взялись построить два парохода, отвечающих запросам петрозаводчан, за приемлемую для них общую сумму в 300 тыс. руб.¹⁷⁷

Спуск на воду первого из заказанных судов — «Апостол Петр» — состоялся 14 февраля 1906 г. По описанию, опубликованному в губернской газете, длина парохода равнялась 200 футам, ширина 26 футам и высота 10 футам, при малой осадке скорость доходила до 26,5 версты в час. Судно располагало прогулочной палубой, залами и каютами 1-го и 2-го классов. Под палубой, в носовой и кормовой частях находились помещения 3-го класса (отдельно для курящих и некурящих пассажиров). Помещения имели хорошую вентиляцию и электрическое освещение. Капитаном был назначен потомственный помор из Сумского Посада Ф.М. Рюхин, команда состояла из 14 крестьян Олонецкой губернии¹⁷⁸.

Несколько позже на воду был спущен и второй пароход — «Апостол Павел», имевший аналогичные характеристики. Его капитаном был назначен также моряк-помор из с. Кушерека Онежского уезда Архангельской губернии Н.П. Варзугин.

Пароход «Апостол Петр» прибыл в Петрозаводск 15 мая 1906 г. Между новой и двумя старыми компаниями (Петербургско-Волжского и Петербургско-Петрозаводского пароходства) сразу же началось соперничество, следствием которого стало снижение платы за проезд. Губернская газета отмечала, например, что 18 мая пассажиры, отправлявшиеся из Петрозаводска в Александро-Свирский монастырь, стали переходить с «Апостола Петра» на пароход старой компании, так как на нем объявили цену 1 руб. 30 коп. После же отправления «Апостола Петра» стоимость билета вновь поднялась до 2 руб. 25 коп.¹⁷⁹

Пароход «Апостол Петр» Онежского пароходного общества. *НА РК*

Но неожиданно судьба «Онежского пароходного общества» оказалась под угрозой. Выяснилось, что руководство компании, хорошо знавшее внутренние бассейны северо-запада России и стремившееся тщательно продумывать все свои шаги, допустило-таки оплошность. Оно не учло особенностей, связанных с морской транспортировкой новых судов. Поскольку пароходы предназначались для плавания в пресных водах, их котлы не были оборудованы опреснителями. При следовании судов из Великобритании в Россию в

котлы попала морская соль, что привело к появлению на их стенках вздутий. Из-за этой неисправности, чреватой взрывом, 14 июня 1906 г. во время пятого рейса с линии пришлось снять «Апостола Петра», а вскоре и «Апостола Павла». Суда отправили на длительный ремонт в Петербург, обошедшийся компании в дополнительные 20 тыс. руб. расхода¹⁸⁰. Пассажирская навигация была сорвана, что вызвало среди пайщиков упаднические настроения.

Кризис в компании нашел отражение на экстренном собрании 17 июля 1906 г. при участии 57 пайщиков из 80, имевших право голоса. Вставшая в оппозицию к правлению группа пайщиков во главе с книготорговцем А.М. Мазилковым обвинила комиссию по заказу и приемке судов во главе с В.Д. Лысановым в самоуправстве и некомпетентности, в том, что она не привлекла к надзору за постройкой опытного инженера. Оппозиционеры именовали новые пароходы «неуклюжими корзинами». Были озвучены и ходившие в городе слухи о том, что при постройке судов якобы были использованы старые корпуса и паровые машины.

В ответ В.Д. Лысанов заявил, что каждый свой шаг комиссия представляла на усмотрение общества, все проекты и сметы утверждались на общих собраниях, а суда успешно прошли испытания в присутствии английской и русской технических комиссий. Он выразил готовность уйти в отставку с поста директора. Собрание образовало специальную ревизионную комиссию для проверки документов по заказу и приемке судов, а также для их осмотра по прибытии в Петрозаводск после ремонта¹⁸¹.

Разногласия проявились и на годовом отчетном собрании 18 марта 1907 г. При выборе директора наибольшее число голосов получил не В.Д. Лысанов, а П.Я. Михеев, который, выразив компаньонам признательность, поспешил все же отказаться от должности. Следующим по числу голосов оказался В.Д. Лысанов. Он также пытался взять самоотвод, ссылаясь на запущенность личных торговых дел, расстройство нервов

и особенно на индифферентное отношение пайщиков к обществу. Но других кандидатур, способных взять на себя ответственность в критический момент, не оказалось. После уговоров В.Д. Лысанов все же согласился сохранить за собой пост директора. Глава фирмы поставил перед пайщиками условие: оказывать ему твердую поддержку с тем, «чтобы детище его окрепло в силах и стало неуязвимым со стороны конкурентов в то время, когда он передаст свои обязанности другому»¹⁸². Состав правления был расширен. Кроме В.Д. Лысанова, в него вошли П.Я. Михеев, а также Х.Г. Кононов и С.А. Тиккоев, ранее состоявшие кандидатами в члены правления¹⁸³. Как показал дальнейший ход событий, принятые решения оказались правильными.

Купец 2-й гильдии Степан Алексеевич Тиккоев — член правления Онежского пароходного общества. *Личный архив Т.Д. Щербачевой*

Решающей для судьбы «Онежского пароходного общества» стала навигация 1907 г., ознаменовавшаяся небывалой интенсивностью пароходного сообщения в крае. На столичную линию вышли шесть судов. Четыре парохода «Петербургско-Волжского» и «Петербургско-Петрозаводского» обществ делали по 13 рейсов в месяц, а два парохода «Онежского общества» — 9 рейсов. Если суда старых компаний преодолевали путь от Петрозаводска до Петербурга (без учета длительной промежуточной стоянки

в Вознесенье) за 38 часов, то пароходы Онежского общества — за 32. На путь из Петрозаводска до Петербурга «Апостол Петр» и «Апостол Павел» затрачивали 26 часов, а суда фирм-конкурентов — 30 часов¹⁸⁴.

Между Петрозаводском, Вознесеньем, Пудожем и Повенцом два судна старых обществ — «Геркулес» и «Петрозаводск» совершали 9 рейсов в месяц. С такой же частотой между Петрозаводском и Сенной Губой в Заонежье ходили пароходы «Апостол Петр» и «Апостол Павел» Онежского общества, а от Сенной Губы до Повенца рейс продолжал пароход той же компании «Св. Николай».¹⁸⁵

Конкуренция привела к снижению цен на перевозки. Если ранее проезд от Петрозаводска до столицы в 1-м классе обходился пассажиру в 12 руб., то теперь — в 8; во 2-м классе вместо 9 руб. — в 6, и в 3-м вместо 5 руб. 75 коп. — в 3 руб., то есть снижение составило от 33 до 48 %. На повенецкой линии цены на билеты уменьшились в 1-м классе на 12 %, а во 2-м — на 24 %.¹⁸⁶

Победителем в конкурентной борьбе стало «Онежское пароходное общество». Оно не только сумело прочно встать на ноги, но и вынудило столичные фирмы свернуть свою деятельность в Карелии. Общества «Петербургско-Волжского» и «Петербургско-Петрозаводского» пароходств продали свои суда петрозаводской компании¹⁸⁷, которая с этого времени стала господствовать на водах Олонецкой губернии.

Вместе с купленными у столичных фирм судами («Вознесенье», «Геркулес», «Кивач», «Олонец», «Петербург», «Петрозаводск», «Свирь») петрозаводская компания в 1908 г. располагала 10 товарно-пассажирскими пароходами. Кроме того, она имела 3 грузовых судна. На судах компании к 1913 г. было занято в общей сложности 138 матросов¹⁸⁸.

С окончанием конкуренции населению пришлось расстаться с надеждами на снижение тарифов. К 1909 г. цены за проезд на линии Петербург — Петрозаводск вернулись к уровню, существовавшему до 1907 г., а на повенецкой ли-

нии — возросли на 17—18 %.¹⁸⁹ И все же поездки на пароходах обходились значительно дешевле, чем по сухопутному пути на лошадях¹⁹⁰.

Вплоть до начала Первой мировой войны «Онежское пароходное общество» поддерживало сообщение на пяти линиях: 1) Петрозаводск — Вознесенье — Петербург; 2) Вознесенье — Пудож — Петрозаводск; 3) Петрозаводск — Повенец; 4) Петрозаводск — Кондопога (последняя линия функционировала не каждый год) и 5) Вознесенье — Вытегра (по Онежскому обводному каналу)¹⁹¹.

Кроме поддержания регулярных линий, выполнялись прогулочные рейсы по Онежскому озеру, а также рейсы для перевозки богомольцев из Петрозаводска в Валаамский, Клименецкий, Палеостровский и Александро-Свирский монастыри и обратно. Сборы от этих поездок, как правило, шли на благотворительные цели.

Став монополистом, «Онежское пароходное общество» почти не вкладывало средств в строительство новых судов. Лишь после того как осенью 1911 г. «Свирь», совершавшая рейсы на линии Петрозаводск — Повенец, наскочила на камни и затонула, был заказан новый пароход «Сусанин».¹⁹² Судно обошлось фирме в 70 тыс. руб., на нем была установлена паровая машина с погибшей «Свири». Пароход развивал среднюю скорость 18 верст в час и с августа 1912 г. ходил на линии Петербург — Петрозаводск¹⁹³. К 1914 г. относятся сведения еще о двух новых судах компании. Это пароходы «Царь Михаил Федорович» и «Император Николай II», совершавшие рейсы между Вытегрой и Вознесеньем и имевшие мощность двигателей по 50 л. с.¹⁹⁴

Коммерческие дела «Онежского пароходного общества» шли успешно. Начиная с 1908 г. фирма стабильно получала прибыль. Так, например, за навигацию 1911 г. при расходах в 292 тыс. руб. доходы исчислялись суммой в 444,7 тыс. руб. Чистая прибыль, таким образом, составила около 153 тыс. руб. Из этой суммы 84 тыс. руб. было выплачено в виде дивиден-

дендов пайщикам, что составило 12 % дохода на вложенный рубль. На поощрение служащим компании направили 3 тыс. руб., а остальная часть прибыли была отчислена в запасной капитал и на погашение амортизации имущества¹⁹⁵.

На общем собрании компании 9–10 февраля 1910 г. было принято решение об увеличении основного капитала, исчислявшегося в 397,2 тыс. руб., до 700 тыс. руб.¹⁹⁶ Достичь цели предусматривалось как за счет дополнительных вкладов прежних членов, так и принятия новых пайщиков. При этом в распоряжении правления предполагалось «оставить свободными 30 тыс. руб. «для привлечения новых лиц, полезных для общества»¹⁹⁷. В целом решение собрания было выполнено. По официальным данным, на 1 января 1914 г. основной капитал «Онежского пароходного общества» составил 683,6 тыс. руб.¹⁹⁸

Некоторые выводы об изменениях в составе компании, происшедших за время ее деятельности, позволяет сделать сохранившийся в архиве список членов «Онежского пароходного общества», последние записи в котором помечены 5 июля 1915 г. Как видно из документа, общее число участников фирмы по сравнению с 1906 г. заметно выросло и достигло 172-х (общий размер их вкладов в основной капитал, зафиксированных в списке, составил, по нашим подсчетам, 661,3 тыс. руб.). Обращает на себя внимание то, что членов-вкладчиков осталось 13 человек (в списке 1906 г. их было 17), остальные предпочли повысить свой статус и перешли в категорию полных товарищей (членов-учредителей)¹⁹⁹.

Лидирующее положение в компании сохранили представители Петрозаводска. Их насчитывалось 64 человека (37,2 % к общему числу пайщиков), а размер средств, внесенных ими в основной капитал фирмы, составил 225,1 тыс. руб. (34 % общей суммы). Следует особо отметить появление среди пайщиков-петрозаводчан, наряду с купцами и торговцами из крестьян и мещан и их родственниками, новой социальной категории — чиновников. Кроме столоначальника ка-

зенной палаты Ф.И. Богословского — пайщика еще с 1906 г., ряды полных товарищей пополнили заведующий казенным винным складом А.М. Канавин, лесничий И.Ф. Кучевский, горные инженеры Я.Э. Крюгер и К.К. Крюков с супругой, мастер Александровского завода А.М. Рубен, инженер путей сообщения К.П. Мелехов²⁰⁰.

Уездную периферию Карелии в компании представляли 50 человек, инвестировавших в основной капитал 176,2 тыс. руб. Помимо предпринимателей из Петрозаводского и Повенецкого уездов, в ряды компании влилась группа купцов и торгующих крестьян из Пудожского уезда (6 человек, в том числе Н.А. Базегский, Ф.А. Нечаев, М.П. Борисов), а также лесопромышленники из Олонецкого уезда братья А.П. и Я.П. Мирохины. В целом пайщики из Карелии составляли в 1915 г. 66,3 % участников компании, и на их долю приходилось 60,7 % уставного капитала.

Несколько расширилось участие в фирме представителей южных уездов Олонецкой губернии — Вытегорского и Лодейнопольского. Из Вытегорского уезда к 1915 г. в фирме состояло 10 человек, вложивших 25,9 тыс. руб., из Лодейнопольского — 5, с суммой вклада в 21,0 тыс. руб. Среди пайщиков из Лодейнопольского уезда особо следует выделить весьма влиятельного в деловых и общественных кругах губернии купца из с. Вознесенье, управляющего туэрным (цепным) пароходством на Свири, члена губернской земской управы П.А. Иткина²⁰¹. Всего на два данных уезда приходилось 8,7 % участников компании и 7,1 % уставного капитала.

Значительно возрос интерес к «Онежскому пароходному обществу» у столичных предпринимателей. К 1915 г. в компании состояло 33 участника из столицы, вложивших в основной капитал 155,2 тыс. руб. За период с 1906 г. количество петербуржцев среди пайщиков повысилось в 3,3 раза (до 19,2 % от общего числа), а сумма инвестированных ими средств возросла в 7,6 раза и достигла 23,5 % основного капитала фирмы.

Крупнейшим из столичных пайщиков стала вдова потомственного почетного гражданина Ксения Васильевна Клеерова, вступившая в компанию в 1908 г. и вложившая в дело в общей сложности 40 тыс. руб.²⁰² По размеру вклада она к 1915 г. заняла второе место в фирме, уступая лишь В.Д. Лысанову. Ксения Васильевна и ее муж Иван Федорович происходили из крестьян Сенногубского общества Петрозаводского уезда и были земляками Лысанова. Перебравшись в столицу, они нашли здесь свое место под солнцем. К 1898 г. И.Ф. Клеерову принадлежали столярно-паркетная мастерская и дом в Дегтярном переулке, он имел звание потомственного почетного гражданина²⁰³. После смерти мужа в 1904 г. К.С. Клеерова, по-видимому, продала мастерскую и часть вырученных средств вложила в «Онежское парходное общество». Сама она содержала в столице небольшое буксирное парходство и артель водолазов²⁰⁴. Будучи неграмотной, К.С. Клеерова свои дела по петрозаводской компании доверяла вести В.Д. Лысанову²⁰⁵.

Среди новых столичных компаньонов петрозаводской фирмы были также «Торгово-промышленное товарищество Ф.Г. Бажанова и А.П. Чувадиной» и такие известные предприниматели, как владелец гастрономической торговой сети М.А. Антонов, собственник кондитерской мастерской и трех магазинов купец 1-й гильдии В.А. Корнилов, крупный торговец железом и металлоизделиями П.М. Петров²⁰⁶. Активное участие в «Онежском парходном обществе» представителей столичного капитала по сути означало признание ими общероссийского значения провинциальной фирмы.

Появились в составе компании и новые пайщики из других регионов, кроме Олонецкой губернии и Петербурга. К Е.Г. Думмеру из Рыбинска и братьям Блохиным из Калязина присоединились акцизный чиновник В.А. Саханский, вступивший в фирму во время службы в Петрозаводске, но

затем переехавший в Вологду, а также лесопромышленники братья В.Ф. и И.Ф. Хозяиновы из с. Салми Выборгской губернии Великого княжества Финляндского²⁰⁷.

Группа крупных вкладчиков, внесших в дело по 10 и более тыс. руб., к 1915 г. выросла с 6 до 23 человек, на ее долю приходилось 52,1 % основного капитала фирмы (338,8 тыс. руб.). Лидирующее положение в этой группе занимали В.Д. Лысанов (пай в 65,1 тыс. руб.) и его давние знакомые и партнеры: К.В. Клеерова (40 тыс. руб.), П.Я. Михеев (39 тыс. руб.), Е.Я. Думмер (29,5 тыс. руб.), С.А. Тиккоев (21,6 тыс. руб.), Ф.А. Михеев (21 тыс. руб.), Я.П. Белов и Н.П. Варзугин (паи по 20 тыс. руб.).

Считая дело поставленным на прочную основу, В.Д. Лысанов летом 1912 г. добровольно отказался от должности директора, оставшись членом правления²⁰⁸. Обязанности директора временно были возложены на известного предпринимателя, пайщика компании Г.Е. Пименова²⁰⁹. Затем этот пост занял П.Я. Михеев, имевший, по аттестации губернской газеты, «большой опыт и деловую хватку»²¹⁰. Деятельность «Онежского пароходного общества» продолжалась вплоть до национализации в 1918 г.

Организатор пароходной компании (самого успешного в истории края предпринимательского проекта) и автор многих других деловых начинаний, В.Д. Лысанов имел лишь домашнее образование. Однако, несомненно, он был талантливым, всесторонне одаренным человеком, неустанно занимавшимся самообразованием и обладавшим широким кругом интересов. В начале 1880-х гг. Лысановым был изобретен ветряной двигатель с крыльями из парусины и автоматическим регулирующим прибором самобытной конструкции. Профессор Петербургского технологического института В.Л. Кирпичев, производивший экспертизу проекта, дал заключение, что двигатель «производит приятное впечатление, несмотря на некоторые недостатки». Отмечалось, что автор, не имея специальной подготовки, не знал о суще-

ствовании американских ветряных двигателей и сделал изобретение вполне самостоятельно²¹¹.

В 1883 – 1885 гг. В.Д. Лысанов, демонстрируя эрудированность в богословских вопросах, вел полемику со шведским проповедником Ф. Гаммарстедтом, пропагандировавшим в Петрозаводске лютеранское вероучение. Материалы их переписки были опубликованы в столичном журнале «Христианское чтение», редактором которого был профессор духовной академии, уроженец Олонецкой губернии И.Е. Троицкий. В письмах петрозаводчанина приводится масса ссылок на религиозную литературу, указываются места, где можно приобрести то или иное издание (г. Сергиев Посад, редакция «Троицких листков»; книжная лавка Тузова в Петербурге по Садовой ул.; духовная семинария в Архангельске)²¹².

Живой интерес В.Д. Лысанов проявлял к народному культурному наследию. В 1902 г. он принял участие в 1-й международной выставке исторического, современного и этнографического костюма в Петербурге, представив на нее образец старинного наряда заонежской женщины, принадлежавшего его матери. Василий Дмитриевич вел записи традиционных обычаев и фольклора, на основе которых в 1916 г. издал книгу «Досюльная (старинная) свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии», которая до сих пор не утратила научной ценности²¹³.

Интересно, что уже после революции, в конце 1918 г. Олонецкий губсовнархоз, планируя вновь запустить в действие спичечную фабрику (бывшую товарищества «Огонек»), использовал опыт и знания В.Д. Лысанова, командировав его в центр для решения вопроса о поставках химического сырья на фабрику²¹⁴.

Последние сведения об этом незаурядном человеке относятся к 1926 г. В.Д. Лысанов проживал тогда в Петрозаводске в своем доме по Онежской набережной в небольшой квартире с воспитанницей Колобовой. Кроме владельца, в доме числилось еще двенадцать квартиросъемщиков²¹⁵.

Ся Средагоитиелетву
Клещини Иванови
Мидловской.

От автора В. Д. Лысанова.

2. Тиражированъ
8/II 1917г. ✓

Досюльная свадьба,

пѣсни, игры и танцы въ Заонежьѣ,
Олонецкой губерніи.

Собрано и изложено въ драматической формѣ
В. Д. Лысановымъ.

Петрозаводскъ.
„Сѣверная Скоропечатня“ Р. Г. Кашъ.
1916.

Титульный лист книги В. Д. Лысанова.
Национальная библиотека РК

Попытку нарушить монополию «Онежского пароходного общества» в 1910–1911 гг. предприняла группа местных торговцев и чиновников, не состоявших в этой компании и недовольных существующими тарифами на водные перевозки. Инициатором создания новой фирмы выступил торгующий крестьянин Великогубской волости Петрозаводского уезда Михаил Евсеевич Медведев²¹⁶.

Учредительное собрание фирмы, получившей название «Олонецкое пароходство», состоялось в Петрозаводске 4 апреля 1910 г. Был утвержден устав, базировавшийся на принципах товарищества на вере. Размер минимального взноса с правом голоса определялся в 100 руб., без права голоса — в 25 руб., что было значительно ниже норм, принятых в «Онежском пароходном обществе»²¹⁷. В товарищество вступило около 30 человек, многих из них привлекла обещанная инициаторами низкая цена на перевозку грузов — 15 коп. за пуд²¹⁸. Предполагалось установить собственное грузовое и пассажирское сообщение на линии Петербург — Петрозаводск — Повенец — Пудож. Директором правления избрали адвоката С.Ф. Чернецкого.

Однако общество смогло мобилизовать лишь ограниченный капитал. В навигацию 1910 г. было решено ограничиться арендой двух грузовых пароходов-паромов. Осенью оба судна потерпели аварию, и находившийся на них товар оказался подпорченным. Отчетное собрание 30 января 1911 г. констатировало убытки. Отмечалось также, что многие пайщики не выполнили обязательств по взносам и к тому же не внесли платы за провоз грузов. Общая сумма их задолженности составила 13 тыс. руб.

И все же пайщики решили продолжить дело. Новым директором правления был избран владелец одной из петрозаводских фотографий К.И. Иогансон, казначеем — провизор Г.Г. Форштедт. Членами правления стали бухгалтер казенной палаты Д.Е. Загон и крестьянин из с. Деревянное В.В. Кикинов.²¹⁹ К началу навигации фирме удалось купить паро-

ход «Озерный». Но «Олонецкому пароходству» не суждено было окрепнуть. В октябре 1911 г. «Озерный» потерпел аварию в устье р. Видлицы и затонул вместе с товаром на сумму в 22,3 тыс. руб. Судно и груз не были застрахованы²²⁰. Это событие привело к краху компании.

Помимо ограниченности средств, причинами неудачи «Олонецкого пароходства» стали отсутствие у его руководителей опыта ведения крупных коммерческих дел и недостаток специальных знаний в области судоходства. Сыграло свою роль и неблагоприятное стечение обстоятельств.

Однако в целом развитие предпринимательства в сфере водного транспорта в Карелии в рассматриваемый период следует признать успешным. Благодаря усилиям крупных предпринимателей из центра России и при финансовой поддержке правительства установилось регулярное грузопассажирское сообщение на Белом и Баренцевом морях.

В Южной Карелии представителями местного бизнеса, помимо нескольких сравнительно небольших буксирных фирм, была создана крупная озерно-речная пароходная компания «Онежское пароходное общество», имевшая общероссийское значение.

¹ ОГВ. 1873. 21 ноября; НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 12/40. Л. 1, 17, 18.

² Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 221; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 16 – 20.

³ ОГВ. 1881. 12 августа; 1895. 21 октября; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 221.

⁴ Обзор Олонецкой губернии за 1897 г. Петрозаводск, 1897. С. 7 – 8; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 221.

⁵ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 220.

⁶ ОГВ. 1904. 15 июня; 1905. 28 мая; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 220, 221; Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 298.

⁷ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 33.

⁸ НА РК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 11, 12.

⁹ Там же. Л. 23, 81, 83 об., 116; Разные известия. Новое металлургическое предприятие // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5/8. С. 60–61.

¹⁰ Благовещенский И.И., Гарязин А.Л. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895. С. 50–53.

¹¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30/38. Л. 5.

¹² Там же. Ф. 30. Оп. 2. Д. 5/77. Л. 13, 40, 41, 46, 48, 128–129.

¹³ Обзор Олонецкой губернии за 1898 г. Петрозаводск, 1899. С. 46–47; Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). № 1499 Б.

¹⁴ Список предприятий Олонецкой губернии по материалам Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Тула, 1919. С. 2–9.

¹⁵ Балагуров Я.А. Лесопильное производство Карелии в XVIII–XIX вв. // Учен. зап. Карело-Финского ун-та. Т. 3. Вып. 1. Петрозаводск, 1949. С. 10, 21, 26.

¹⁶ Подсчитано по данным: Обзор Олонецкой губернии за 1878 г. Петрозаводск, 1879. С. 18, 19, 21; НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 9/121. Л. 1; Д. 9/130. Л. 23 об. – 24; Д. 10/133. Л. 27 об.; Оп. 7. Д. 1/3. Л. 30, 31 об.

¹⁷ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 26.

¹⁸ Подсчитано по данным: Отчет Архангельского губернского статистического комитета (далее АГСК) за 1898 г. Архангельск, 1899. С. 83; Отчет АГСК за 1899 г. Архангельск, 1900. С. 77; Отчет АГСК за 1900 г. Архангельск, 1901. С. 71; Отчет АГСК за 1901 г. Архангельск, 1902. С. 71; Отчет АГСК за 1902 г. Архангельск, 1903. С. 71.

¹⁹ ОГВ. 1873. 24 января; 1877. 27 июля; НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 8/110. Д. 23.

²⁰ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 74.

²¹ ОГВ. 1877. 27 июля.

²² Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1/7. Л. 261–307; Ф. 7. Оп. 1. Д. 24/206. Л. 97–162; Ф. 8. Оп. 1. Д. 15/127. Л. 827–883.

²³ Статистическое описание сельского населения Архангельской губернии и его промыслов // Справочная и памятная книжка Архангельской губернии на 1875 г. Архангельск, 1875. С. 82; НА РК. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1/7. Л. 827–829.

²⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 8/20. Л. 16, 86–88; Балагуров Я.А. Лесопильное производство Карелии в XVIII–XIX вв. С. 11, 12, 15, 17, 18.

²⁵ ОГВ. 1873. 24 ноября; 1876. 15 мая.

²⁶ Иванов А.И. Фабрики и заводы в Олонецкой губернии в 1867 и 1868 гг. // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869. С. 65–70; ОГВ. 1870. 27 июня; 1876. 15 мая.

²⁷ ОГВ. 1895. 12 декабря. Фирма «Э.Г. Брандт и К^о» основана в 1869 г. петербургским купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином

Эммануэлем Генрихом Брандтом (1832–1909) – одним из потомков основателя семейного дела в России Вильгельма Брандта, приехавшего в 1802 г. в Архангельск из Гамбурга. Учреждена в форме полного товарищества с капиталом в 50 тыс. руб. К 1890 г. владела несколькими лесозаводами в Петербурге, Архангельске, Тверской губернии и Вытегорском уезде Олонецкой губернии. Э.Г. Брандт получил известность также как один из учредителей Петербургского международного коммерческого банка (1869), Русского для внешней торговли банка (1871) и Центрального банка русского поземельного кредита (1873). (Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 84; Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М., 2009. С. 248).

²⁸ ОГВ. 1891. 30 ноября; 1898. 31 января; НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68/1687. Л. 35.

²⁹ Русанов Николай Иванович (1820–1882), предприниматель-лесопромышленник. Родился в д. Матвеевской Онежского уезда Архангельской губернии в семье крестьянина. С 1830-х гг. участвовал в подрядных операциях отца по сплаву леса из Олонецкой и Новгородской губерний в Петербург. С 1855 г. начал самостоятельную деятельность по заготовке древесины в Олонецкой губернии и поставке ее для Морского ведомства. В 1858 г. записался в купцы 1-й гильдии по г. Царское Село. Приобрел и взял в длительную аренду у казны ряд лесных дач в Новгородской, Олонецкой и Архангельской губерниях. В 1861 г. в Петербургском уезде на р. Утке основал свой первый лесозавод. В 1871 г. построил паровой лесозавод на р. Мезени в Архангельской губернии (150 рабочих), а в 1872 г. – в Архангельске (100 рабочих). Избирался старостой лесного торгового в Петербурге, городским гласным в Кронштадте. Состоял церковным старостой столичного Знаменского собора (ОГВ. 1882. 1 мая; Цейтлин М.А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М., 1968. С. 210, 215, 217–220; Шумилов Н.А. Архангельский родословец. Архангельск, 2009. С. 256).

³⁰ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40/96. Л. 1, 4–5; ОГВ. 1870. 14 февраля.

³¹ ОГВ. 1872. 16 февраля; 1873. 24 ноября.

³² Там же. 8 ноября.

³³ Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 384; Шумилов Н.А. Архангельский родословец. С. 257.

³⁴ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 12/199. Л. 34–35; Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. С. 137.

³⁵ Громов Илья Федулович (1821–1882) – петербургский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, сын основателя семейного дела купца-старообрядца Федула Григорьевича Громова. Встал во главе дела после смерти в 1869 г. своего старшего брата Василия Федуловича. Унаследовал 5 лесозаводов в Петербурге, Петербургской, Новгородской губерниях и Вытегорском уезде Олонецкой губернии;

16 домов в Петербурге, дома в Гатчине, Кронштадте, Царском Селе, Вытегре; 360 тыс. десятин земли. См.: ОГВ. 1869. 6 августа.

³⁶ Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим Княжеством Финляндским. 2-е изд. С. 145.

³⁷ Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. С. 246.

³⁸ ОГВ. 1898. 6 мая; Барышникова Т.Е., Иосифова М.М. Дело Громовых / Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сб. статей. Вып. 2. СПб., 2003. С. 14; Османов А.И. Социокультурные аспекты формирования петербургского купечества в XIX веке // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2006. № 16: Общественные и гуманитарные науки. С. 123 – 125.

³⁹ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 21.

⁴⁰ Обзор Олонеккой губернии за 1898 г. Петрозаводск, 1899. Вед. 15.

⁴¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3025. Л. 79 об. – 80; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 20 – 21.

⁴² Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 20.

⁴³ Пашков А.М. Лесозаводы Беляевых в Поморье и освоение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Сб. статей. Вып. 3. СПб., 2007. С. 91 – 92. После кончины П.А. Беляева в 1880 г. дело некоторое время возглавлял М.П. Беляев, но уже с 1884 г. он занимался в основном меценатством и музыкальной деятельностью, передав руководство фирмой младшему брату С.П. Беляеву (Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 64 – 67).

⁴⁴ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9/88. Л. 53 – 54.

⁴⁵ Сурков Альберт Юльевич (1848 – 1917) и Шергольд Егор Иванович (1860 – 1921), архангельские купцы. Ко времени постройки Кемского лесозавода владели пивоваренным и лесопильным заводами в г. Архангельске. См. Поморская энциклопедия. Т. 1. Архангельск, 2001. С. 401, 444; Тевлина В.В. Предприниматели Архангельского Севера А. Сурков и Е. Шергольд // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1995. Вып. 2. С. 32 – 40.

⁴⁶ Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. С. 128.

⁴⁷ Архангельские губернские ведомости. 1863. 26 января.

⁴⁸ Кораблев Н.А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX в. С. 80.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 23.

⁵¹ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 15/132. Л. 30 об.

⁵² Там же. Д. 16/141. Л. 25, 31, 32, 51, 54, 59, 65; Д. 19/160. Л. 1, 4, 6, 7, 12, 18, 25.

⁵³ Немирович-Данченко Вас. И. Страна холода. Т. 1. СПб., 1903. С. 115.

⁵⁴ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 15/132. Л. 28.

⁵⁵ Там же. Д. 9/83. Л. 102 – 103; Д. 9/88. Л. 53 – 54.

⁵⁶ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 г. Архангельск, 1903. С. 150 – 151.

⁵⁷ Стюарт Карл (Чарльз) – британский подданный, приехал в Архангельск в начале 1880-х гг. В 1894 г. построил здесь на арендованной земле паровой лесозавод. Развернул также экспортные операции по поставкам российского леса в Англию. К 1913 г. сосредоточил в своих руках 1,9 тыс. дес. лесных площадей, а также являлся владельцем и совладельцем 7 лесозаводов в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Новгородской губерниях. В 1913 г. на основе своих предприятий в России учредил «Акционерное общество Северных лесопильных заводов «Карл Стюарт» с основным капиталом 2,5 млн руб. См.: Тевлина В.В. Из истории иностранного предпринимательства на Европейском Севере // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 5 – 7.

⁵⁸ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 г. С. 150 – 153.

⁵⁹ Подсчитано по: Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 94; Цейтлин М.А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. С. 236.

⁶⁰ Балагуров Я.А. Лесопильное производство Карелии в XVIII – XIX вв. С. 18 – 20; Он же. Фабрично-заводские рабочие... С. 94.

⁶¹ Е.И. Овсянкин неточно датирует возникновение фирмы «Товарищество кемских лесопильных заводов» 1900 г. См.: Овсянкин Е.И. Архангельское купечество. Архангельск, 2000. С. 258.

⁶² Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 г. С. 146, 150; Акционерно-паевые предприятия России. С. 49, 64, 167, 199; Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 66 – 67, 260, 384; Поморская энциклопедия. Т. 1. Архангельск, С. 134.

⁶³ Обзор Олонецкой губернии за 1902 г. Петрозаводск, 1903. С. 13.

⁶⁴ Там же. С. 15.

⁶⁵ Подсчитано по данным: Обзор Олонецкой губернии за 1900 г. Вед. 8; То же за 1904 г. Петрозаводск, 1905. Вед. 10.

⁶⁶ Обзоры Архангельской губернии за 1900 – 1904 гг. Архангельск, 1901 – 1905.

⁶⁷ Олонецкий край. 1906. 2 июля.

⁶⁸ ОГВ. 1907. 30 января.

⁶⁹ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68/1687. Л. 35, 36; Оп. 50. Д. 56/33. Л. 1, 9.

⁷⁰ ОГВ. 1905. 10 декабря.

⁷¹ Подсчитано по данным: Обзор Олонецкой губернии за 1900 г. Вед. 8; То же за 1909 г. Петрозаводск, 1910. Вед. 8.

⁷² Николаевский Б. Лесопильные заводы Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 16. С. 743 – 746.

⁷³ Фабрично-заводские предприятия Российской империи... Изд. 2. № 779 Ж.

⁷⁴ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. С. 19 – 20.

⁷⁵ Там же. С. 20; Барышников. М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 64.

⁷⁶ НА РК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1/198. Л. 1 – 3.

⁷⁷ Балагуров Я.А. Лесопильное производство Карелии... С. 22.

⁷⁸ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 40.

⁷⁹ Машезерский В.И. Установление советской власти в Карелии (1917 – 1918). Петрозаводск, 1957. С. 116; Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880 – 1940. Helsinki, 1993. S. 378.

⁸⁰ НА РК. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 20/337. Л. 1 – 102.

⁸¹ ОГВ. 1910. 10 июня; Фабрично-заводские предприятия Российской империи... Изд. 2. № 779 Ж.

⁸² Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 39, 40; Фабрично-заводские предприятия Российской империи... Изд. 2. № 20 Ж.

⁸³ НА РК. Ф. 552. Оп. 1. Д. 4/12. Л. 124 – 125 об.

⁸⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 14.

⁸⁵ Фабрично-заводские предприятия Российской империи... Изд. 2. № 779 Ж.

⁸⁶ НА РК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 74.

⁸⁷ Там же. Ф. 304. Оп. 1. Д. 13/115. Л. 48 – 49.

⁸⁸ Там же. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 13 – 14 об.; Д. 4/12. Л. 18 – 19 об.

⁸⁹ Акционерно-паевые предприятия Российской империи... С. 64.

⁹⁰ Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 38 – 40. Данные приведены без учета лесозавода на о. Неглин в Петрозаводске, сведения о производительности которого отсутствуют.

⁹¹ Полуйко И.З. Леса и лесная промышленность КФСР. Петрозаводск, 1949. С. 41.

⁹² Фирмы «Э.Г. Брандт и К^о» и «Товарищество Кемских лесопильных заводов», на наш взгляд, не могут рассматриваться как иностранные, что ранее подчас делалось. Как показано в современной литературе, эти фирмы были зарегистрированы в России, их основатели и ведущие пайщики не только постоянно жили в нашей стране (а некоторые здесь и родились), но и имели российское подданство. См.: Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 84; Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 134, 401, 444; Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. С. 248.

⁹³ Подсчитано по данным: Фабрично-заводские предприятия Российской империи... Изд. 2. № 15–41 Ж; 770–783 Ж. Это издание подготовлено Советом съездов представителей промышленности и торговли на основе показаний заводчиков. Итоговая сумма производства по лесозаводам, располагавшимся в Петрозаводском, Повенецком и Пудожском уездах Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии, по данному источнику (6,3 млн руб.) несколько превышает вышеприведенный нами показатель (5,8 млн руб.), рассчитанный Я.А. Балагуровым по «Обзорам» данных губерний за 1913 г., сведения для которых готовили местные статкомитеты. В вышеназванном указателе отсутствуют данные о размерах производства лишь по Повенецкой лесопильне. Однако из «Обзора Олонецкой губернии» за 1913 г. явствует, что они были невелики – 3,0 тыс. руб. при 13 рабочих (Обзор Олонецкой губернии за 1913 г. С. 76–77), а следовательно, не могли сколько-нибудь заметно повлиять на общую картину.

⁹⁴ ОГВ. 1870. 1 июля; 1873. 1 декабря.

⁹⁵ Там же. 1873. 1 декабря; 1874. 5 октября.

⁹⁶ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 100.

⁹⁷ Витковский В.В. Петрозаводск в 1883 г. (отрывок из путевого дневника) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 251.

⁹⁸ Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. С. 719.

⁹⁹ ОГВ. 1890. 29 августа.

¹⁰⁰ НА РК. Ф. 30. Оп. 2. Д. 2/33. Л. 2, 30; Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/45. Л. 88.

¹⁰¹ Сборник сведений о действующих в России торговых домах. С. 124.

¹⁰² НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 51 об. – 52.

¹⁰³ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 23–24.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 6. Д. 53/135. Л. 1, 2, 4, 5.

¹⁰⁵ ОГВ. 1896. 17 февраля.

¹⁰⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1/41. Л. 4.

¹⁰⁷ Там же. Л. 5 об. 6.

¹⁰⁸ ОГВ. 1897. 20 сентября; Илюха О.П. Книгоиздание в Олонецкой губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1994. С. 140–142.

¹⁰⁹ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. С. 20, 21.

¹¹⁰ ОГВ. 1905. 27 сентября.

¹¹¹ Там же. 1913. 26 октября.

¹¹² См.: Кораблев Н.А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии. Вторая половина XIX – начало XX вв. Петрозаводск, 2009.

¹¹³ НА РК. Ф. 4. Оп. 15. Д. 18/13. Л. 261, 270–271.

¹¹⁴ Там же. Д. 30/37. Л. 18 об. – 19.

- ¹¹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 18/13. Л. 22 об. — 23.
- ¹¹⁶ Архив КГКМ. Д. 771. Л. 35.
- ¹¹⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/45. Л. 823 — 823 об.
- ¹¹⁸ Там же. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 19 об. — 20, 39 об. — 40.
- ¹¹⁹ Подсчитано по данным: Обзор Олонецкой губернии за 1913 г. Петрозаводск, 1914. С. 76 — 77; Обзор Архангельской губернии за 1913 г. Архангельск, 1914. С. 130 — 131.
- ¹²⁰ ПСЗ-II. Т. 45. № 48369; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Указ. соч. С. 29.
- ¹²¹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1438. Л. 10 — 11.
- ¹²² Попов Г.П., Давыдов Р.А. Указ. соч. С. 39.
- ¹²³ Вехов Н.В. Товарищество «Архангельско-Мурманское срочное пароходство» // Морской флот. 2005. № 1. С. 73.
- ¹²⁴ Сиденснер А.К. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 г. СПб., 1897. С. 76 — 77.
- ¹²⁵ Попов Г.П., Давыдов Р.А. Указ. соч. С. 46.
- ¹²⁶ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 г. С. 157; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Указ. соч. С. 55 — 57.
- ¹²⁷ Ушаков И.Ф. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дореволюционный период. Мурманск, 1997. С. 400; Вехов Н.В. Указ. соч. С. 73.
- ¹²⁸ Вехов Н.В. Указ. соч. С. 74.
- ¹²⁹ ОГВ. 1890. 20 января.
- ¹³⁰ Там же. 1869. 21 июня.
- ¹³¹ Там же. 1869. 13 декабря.
- ¹³² Там же. 1877. 16 марта.
- ¹³³ НА РК. Ф. 4. Оп. 17. Д. 65/115. Л. 1, 4 об., 5 об.
- ¹³⁴ ОГВ. 1871. 30 октября; 1874. 6 марта.
- ¹³⁵ Там же. 1873. 10 ноября.
- ¹³⁶ Там же. 1883. 17 декабря.
- ¹³⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 7/4. Л. 50 об.
- ¹³⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 133/1382. Л. 1, 4, 23 об.
- ¹³⁹ С 1887 г. на линии Вознесенье — Пудож стал ходить пароход «Геркулес» Петербургско-Петрозаводского пароходства (ОГВ. 1888. 23 января).
- ¹⁴⁰ ОГВ. 1890. 13 января.
- ¹⁴¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 43/6. Л. 78 об.
- ¹⁴² ОГВ. 1890. 11 марта; 1891. 30 марта; 1892. 1 марта; 1893. 24 февраля.
- ¹⁴³ Там же. 1894. 16 марта; 1895. 7 января.
- ¹⁴⁴ Там же. 1893. 16 июня, 13 октября.
- ¹⁴⁵ Там же. 1894. 20 июля, 20 августа.
- ¹⁴⁶ НА РК. Ф. 1. Оп. 17. Д. 46/55. Л. 80; ОГВ. 1898. 9 мая.
- ¹⁴⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 25/268. Л. 3 об. — 4, 23 об. — 24, 28.

¹⁴⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 26/39. Л. 1–1 об., 66, 84; Ф. 22. Оп. 1. Д. 81/1273. Л. 204–205; Д. 83/1293. Л. 534 – 534 об.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 1/7. Л. 7–8 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 6 об., 29 об.

¹⁵¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910. Справочный отдел. С. 159; НА РК. Ф. 4. Оп. 8. Д. 6/76. Л. 225–226.

¹⁵² Василий Кораблев приобрел права пудожского купца 2-й гильдии, а его братья оставались в крестьянском сословии.

¹⁵³ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 65/4. Л. 28, 28 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 35.

¹⁵⁵ Иван Миронков ранее имел собственную флотилию из четырех буксирных пароходов. См.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 г. Справочный отдел. С. 258.

¹⁵⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 41/12. Л. 3 – 3 об.; Ф. 25. Оп. 4. Д. 65/4. Л. 25–27, 58 – 59.

¹⁵⁷ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Справочный отдел. С. 159.

¹⁵⁸ См.: Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 298.

¹⁵⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1/13. Л. 4–4 об.

¹⁶⁰ ОГВ. 1912. 16 июля.

¹⁶¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1/14. Л. 16.

¹⁶² Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Справочный отдел. С. 159; НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10/111. Л. 4.

¹⁶³ НА РК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1118/1657. Л. 45; Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. Т. 1. М., 2006. С. 29.

¹⁶⁴ Мошина Т.А. Купец и городской голова В.Д. Лысанов. Штрихи к портрету. С. 78.

¹⁶⁵ ОГВ. 1901. 2 октября.

¹⁶⁶ Там же. 1905. 28 мая.

¹⁶⁷ Там же. 1903. 25, 27 января.

¹⁶⁸ Там же. 1905. 28 мая; НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 79.

¹⁶⁹ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 43, 43 об.

¹⁷⁰ Там же. Д. 10/262. Л. 79–81; ОГВ. 1906. 2 июня.

¹⁷¹ ОГВ. 1908. 25 мая.

¹⁷² Там же. 1906. 18 февраля.

¹⁷³ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 28–28 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 27–28 об. В самом списке не указаны места жительства компаньонов. Однако соответствующие сведения о многих из них содержатся в сопутствующих документах в деле (доверенности на право представления интересов), а также в материалах податного учета (НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 43/6. Л. 8–82). Кроме того, для получения данной информации нами была использована справочная литература: Барышников М.Н. Деловой

мир Петербурга; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 г. Петрозаводск, 1906; Весь Петербург на 1904 г. СПб., 1904; Весь Петербург на 1909 г. СПб., 1909; Весь Петербург на 1913 г. СПб., 1913; Вся торгово-промышленная Россия. Киев, 1913. Дополнительную информацию удалось обнаружить на всех 92 пайщиков общества.

¹⁷⁵ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 28–28 об., 47–48 об., 51; Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 90–91, 418; Весь Петербург на 1904 г. СПб., 1904. Отд. 3. С. 58; Весь Петербург на 1909 г. СПб., 1909. Отд. 3. С. 115.

¹⁷⁶ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 68, 70, 71.

¹⁷⁷ Там же. Л. 43–44; ОГВ. 1906. 18 февраля, 1 июня.

¹⁷⁸ ОГВ. 1906. 11 марта.

¹⁷⁹ Там же. 1 июня.

¹⁸⁰ Там же. 22 июня, 4 июля, 12 августа.

¹⁸¹ Олонецкий край. 1906. 23 июля.

¹⁸² ОГВ. 1907. 28 марта.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. 1908. 8 мая.

¹⁸⁵ Там же. 1907. 4 июля.

¹⁸⁶ Пароходное сообщение // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 г. Петрозаводск, 1907. С. 224.

¹⁸⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 3/23. Л. 4.

¹⁸⁸ Там же. Д. 23/233. Л. 64 об. – 69.

¹⁸⁹ Пароходные сообщения // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 160–165.

¹⁹⁰ Сообщения из уездов // ВОГЗ. 1908. № 14. С. 15.

¹⁹¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Справочный отдел. С. 154–155; Олонецкая губерния. Стат. справочник. С. 75–78; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1914 г. Петрозаводск, 1914. Справочный отдел. С. 53–54.

¹⁹² ОГВ. 1911. 4 октября.

¹⁹³ ОГВ. 1912. 23 августа.

¹⁹⁴ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 51/3. Л. 26.

¹⁹⁵ ОГВ. 1912. 8 марта.

¹⁹⁶ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 40.

¹⁹⁷ Там же. Л. 104.

¹⁹⁸ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). С. 183.

¹⁹⁹ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1–3 об. Данный архивный список членов «Онежского пароходного общества», как и более ранний за 1906 г., содержит сведения о фамилии, имени и отчестве пайщика, его взносах в основной капитал, а также о положении в компании (полный товарищ или вкладчик).

Дополнительная информация об участниках фирмы нами была извлечена из источников, перечисленных в сноске 174. Из 172 человек, названных в списке, не удалось обнаружить дополнительных данных на четырех пайщиков — П.Н. Амоскова, А.И. Моисеева, Н.Ф. Мишурова и И.Г. Никонова.

²⁰⁰ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1–3 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 117/60. Л. 29–31; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г. Петрозаводск, 1913. Справочный отдел. С. 48, 59, 115.

²⁰¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г. Справочный отдел. С. 30, 32, 35, 38 и др.

²⁰² НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 2 об.; Д. 10/259. Л. 89, 93.

²⁰³ Весь Петербург на 1898 г. Адресная и справочная книга. СПб., 1898. Отд. 3. С. 248.

²⁰⁴ Весь Петербург на 1913 г. Адресная и справочная книга. СПб., 1913. Отд. 3. С. 289.

²⁰⁵ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 89.

²⁰⁶ Там же. Д. 1/2. Л. 2 об. — 3 об.; Д. 10/259. Л. 185, 193; Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 44, 233, 351, 478.

²⁰⁷ НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10/259. Л. 102–103, 241. Еще один из братьев Хозяиновых — Михаил Федорович, также вступивший в «Онежское пароходное общество», жил в Петербурге. См.: Там же. Л. 101 об.

²⁰⁸ ОГВ. 1912. 23 августа.

²⁰⁹ НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 30/473. Л. 48.

²¹⁰ ОГВ. 1912. 23 августа.

²¹¹ Там же. 1884. 14 августа.

²¹² Приложения к статье «По поводу попыток к распространению брошюр с пашковским лжеучением на севере России» // Христианское чтение. 1886. № 9–10. С. 698–730.

²¹³ Мошина Т.А. Заонежанин Лысанов — предприниматель, общественный деятель, изобретатель, знаток и популяризатор культуры // Рябининские чтения — 2007. Материалы V научн. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. С. 80–82.

²¹⁴ Богданова Г.Н. На хозяйственном фронте. Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. 1918–1920. Петрозаводск, 1980. С. 71.

²¹⁵ НА РК. Ф. 659. Оп. 1. Д. 56/938. Л. 110; Ф. 352. Оп. 6. Д. 4/46. Л. 23.

²¹⁶ ОГВ. 1910. 23 марта.

²¹⁷ Олонецкое пароходство // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 165–166.

²¹⁸ ОГВ. 1910. 6 апреля.

²¹⁹ Там же. 1911. 17 февраля.

²²⁰ Там же. 1911. 27 октября.

ГЛАВА IV

Общественная и благотворительная деятельность предпринимателей

Важной составной частью деятельности представителей торгово-промышленного класса в пореформенной России являлась общественная служба предпринимателей в органах всесословного местного самоуправления.

Олонецкая губерния относилась к числу 34-х губерний Европейской России, где в эпоху «великих реформ» Александра II было введено земское самоуправление. Реализация земского положения здесь началась на три года позднее, чем в центральных губерниях страны, — с 1867 г. Введение земских учреждений, согласно закону, передавались дела, «относящиеся к местным хозяйственным пользам и нуждам». Земства получили право вводить свои налоги. Гласные уездного земства избирались на основе имущественного ценза по трем куриям: землевладельцев, городских избирателей и крестьян. В землевладельческую курию входили обладатели имений площадью не менее 200 — 800 десятин (по разным уездам) и собственники другой недвижимости от 15 тыс. руб. и выше. Городская курия объединяла владельцев торгово-промышленных заведений с оборотом не менее 6 тыс. руб. или недвижимости, оцененной не менее чем в 3 тыс. руб. (в крупных и средних городах), или не менее 1 тыс. руб. в городах с населением в 1-2 тыс. жителей. Крестьянская курия составлялась из выборных от волостных сходов. Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях¹.

Как известно, в целом по Европейской России руководящее положение в земствах заняло дворянство, на что и делал ставку законодатель. Однако в Олонецкой губернии поместное дворянство было крайне малочисленным, да и сосредоточивалось оно лишь в двух южных, не относящихся к карельскому краю, уездах — Вытегорском и Лодейнопольском. В силу этого ведущую роль в олонецком земстве стали играть представители предпринимательского слоя, избравшиеся по городской курии и от сельских обществ. Они если не по уровню образования и общего кругозора, то по самой своей жизненной практике оказались наиболее подготовленными к решению тех задач, которые были возложены на земство.

Любопытно, что накануне введения земства в крае губернатор Ю.К. Арсеньев весьма скептически высказался о возможностях местного купечества на поприще земской деятельности. Он писал: «Равнодушные ко всему, кроме насущного барыша, торговцы до сих пор проявляли свое усердие к общественным делам только молчанием в комитете о земских повинностях и в подневольном участии в службе по городским выборам... Без сомнения, в собраниях окажется сейчас же несколько дельных людей, но гораздо более дельцов из туземных чиновников и купцов, которых служба оставила плачевную память в прошлом края»². Ю.К. Арсеньев даже предлагал изменить выборное законодательство, чтобы шире привлечь в земские органы служащих в крае дворян-чиновников, но не получил поддержки в правительственных органах, принявших решение о формировании земских учреждений в губернии на общих основаниях³.

Хотя в итоге первых земских выборов, состоявшихся в 1867 г., купцы составили по губернии лишь около 10 % уездных земских гласных, а в губернском собрании из 15 гласных оказалось два купца и два крестьянина-торговца⁴, именно предприниматели заняли ключевое место в руководстве исполнительными органами земства. Председателем губер-

ской земской управы стал виднейший представитель делового мира Олонии потомственный почетный гражданин, купец Ефим Григорьевич Пименов. Из остальных четырех выборных членов губернской управы двое также относились к предпринимательским кругам — олонецкий купец Иван Фролович Фролов и торгующий по 2-й гильдии крестьянин Петрозаводского уезда Алексей Иванович Михеев⁵.

Председателем Петрозаводской уездной управы был избран крестьянин-торговец Василий Мокеевич Ипатов, Олонецкой — купец, владелец Куйтежского железоковательного завода Николай Петрович Серебряков, Повенецкой — почетный гражданин из купцов Петр Иванович Васильев⁶.

Первые годы деятельности олонецкого земства оказались необычайно трудными. В 1866 — 1868 гг. губернию постигла серия тяжелых неурожаев, и земцам пришлось сосредоточиться на борьбе с их последствиями, не помышляя о разработке каких-либо перспективных программ. К тому же в условиях края, где частное землевладение имело слабое распространение, выявились большие сложности с формированием доходной части земских бюджетов. В этой сложной обстановке руководители земства и губернская администрация во главе с Ю.К. Арсеньевым сумели в целом наладить диалог и сотрудничество.

Пользуясь влиянием и широкими связями в столице, губернатор Ю.К. Арсеньев содействовал привлечению председателя губернской земской управы купца Е.Г. Пименова к участию в марте 1868 г. в особой комиссии по сбору и распределению пособий жителям России, пострадавшим от неурожая, под председательством Великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III). По решению этой комиссии олонецкое земство получило значительные пособия для продовольствия местных жителей⁷. Используя свои давние деловые связи в Рыбинске, Е.Г. Пименов неоднократно выезжал туда и лично занимался закупкой и доставкой в губернию муки и зерна для земских

хлебозапасных магазинов, из которых продовольствие продавалось по удешевленным против рыночных ценам или выдавалось особо нуждающимся в кредит.

Губернатор при поступлении в его адрес благотворительных средств в помощь голодающим обычно привлекал к их распределению земские органы. Так, в мае 1868 г. он передал в капитал Повенецкого уездного земства 900 рублей, присланных ему неизвестным благотворителем. На эти деньги земство организовало выдачу из своих запасов 857 пудов хлеба для 2057 человек. В июне 1869 г. Ю.К. Арсеньев, получив 567 рублей, пожертвованных служащими Одесской железной дороги, и 573 рубля из комиссии под председательством Александра Александровича, приобрел из губернских земских запасов по удешевленной цене 1620 пудов муки, которые были бесплатно розданы наиболее нуждающимся семьям в карельских волостях Петрозаводского и Повенецкого уездов⁸. Земские органы совместно с губернской администрацией оказывали содействие бесплатной столовой для бедных Петрозаводского благотворительного общества, действовавшей в 1867 – 1870 гг., в которой ежедневно питалось до 500 человек⁹. Согласованные действия губернских властей и земства в значительной мере способствовали преодолению тяжелейшего продовольственного кризиса.

Земские лидеры нашли у главы губернской администрации поддержку и в решении вопроса о привлечении к земскому обложению в Олонецкой губернии обширных земельных и лесных владений казны. Совместными усилиями удалось добиться издания указа от 16 октября 1869 г., где данный вопрос в принципе решался положительно¹⁰. Однако предметом дискуссии оставался принцип обложения казенных лесов. В качестве временной меры казна стала выделять пособие губернскому земству в размере 25 тыс. руб. в год, что далеко не покрывало бюджетного дефицита. В связи с этим по соглашению с постановлением губернского земского собрания от 16 декабря 1869 г. Ю.К. Арсеньев во-

шел с развернутым запросом в Сенат¹¹. В конечном итоге с середины 1870-х гг. сборы с земель и лесов казны стали основной статьёй доходов олонецкого земства, послужив источником его относительного финансового благополучия¹².

Е.Г. Пименов находился во главе губернской земской управы вплоть до внезапной кончины в 1873 г. Вместо него был избран отставной генерал-майор, лодейнопольский помещик А.В. Гаврилов. Но после смерти А.В. Гаврилова в августе 1876 г. пост руководителя губернской земской управы вновь на долгое время перешел к представителям предпринимательских кругов. До истечения очередного выборного трехлетия в мае 1877 г. обязанности председателя управы исполнял петрозаводский купец С.М. Румянцев. А в результате выборов 1877 г. данную руководящую должность занял другой известный петрозаводский купец Н.Ф. Пикин¹³. Период председательства Н.Ф. Пикина ознаменовался постановкой олонецкими земцами при поддержке губернатора Г.Г. Григорьева перед правительством вопроса о присоединении к Олонечкой губернии Кемского уезда, с последующим введением в этом уезде земских учреждений. Однако проект, отражавший интересы местного делового сообщества, был отклонен правительством¹⁴.

С 1880 г. в течение четверти века во главе исполнительного органа губернского земства стоял дворянин-предприниматель Василий Владимирович Савельев. Он в значительной мере способствовал поддержанию и упрочению бесконфликтных отношений земских органов с губернскими властями, ибо приходился родным братом Елизавете Владимировне Григорьевой (Савельевой) — супруге олонецкого губернатора Г.Г. Григорьева, занимавшего этот высокий пост в течение двух десятилетий (1870—1890). В конечном итоге влияние В.В. Савельева на ход дел в крае настолько возросло, что вновь прибывший в Петрозаводск в 1902 г. из Тобольска губернатор Н.В. Протасьев, обладавший власт-

ным характером и не имевший опыта совместной работы с земством, узрел в земском лидере опасного соперника своему единовластию.

Начальник Олонецкого губернского жандармского управления полковник А. Шафалович доносил 17 марта 1905 г. в Департамент полиции: «По собственному признанию губернатора его время почти целиком уходит на борьбу с председателем Олонецкой губернской управы действительным статским советником Савельевым. Поводом к этой борьбе губернатор выставляет кажущуюся ему нечестность Савельева. Истинною же причиною является самостоятельность председателя управы, не способного всегда и во всем следовать предъявляемым ему часто неосновательным требованиям»¹⁵. Под давлением Н.В. Протасьева В.В. Савельев вынужден был передать пост председателя губернской управы вытегорскому дворянину, врачу Николаю Александровичу Ратькову. Однако победа Протасьева в известной мере оказалась «пирровой». В.В. Савельев в течение 1905—1917 гг. четырежды избирался членом Государственного совета Российской империи от олонецкого земства и одновременно оставался губернским земским гласным, что позволяло ему оказывать воздействие на принятие решений¹⁶. В 1914 г. В.В. Савельеву за заслуги в организации строительства Олонецкой железной дороги было присвоено звание Почетного гражданина г. Петрозаводска.

Видная роль предпринимателей в земских органах Олонии, особенно в их губернском звене, в значительной мере способствовала продуктивной работе земств по решению насущных проблем местной жизни. Установленные законом обязательные расходы на административно-управленческие цели (как правительственные, так и земские) составляли 30—40 % бюджета земств Олонецкой губернии, а остальная часть средств направлялась в основном на социально-экономические и культурные нужды.

В начале XX века ассигнования земств Олонецкой губернии по «производительным» статьям (образование, здравоохранение, агротехническая помощь, дорожное дело) на душу населения вдвое превышали общероссийский уровень. Наиболее весомые результаты были достигнуты в области развития народного образования и здравоохранения. Так, главным образом благодаря усилиям земских учреждений число народных школ в карельских уездах Олонецкой губернии за период с конца 1860-х по конец 1890-х гг. выросло почти в 3 раза, а количество учащихся в них в 6 раз.

На рубеже XIX – XX вв. олонецкое земство в числе первых в стране, наряду с московским, тульским и нижегородским, поставило в повестку дня вопрос о введении всеобщего начального обучения. К 1913 г. в ходе реализации этого плана в губернии была создана сеть начальных школ, достаточная для обучения всех местных детей школьного возраста¹⁷. За годы работы земства число врачей в Карелии возросло в три раза¹⁸. К 1913 г. было развернуто строительство сети больниц, внедрялась прогрессивная участковая система организации медицинской помощи. Ведущее лечебное учреждение края – губернская земская больница в Петрозаводске из небольшой лечебницы стала превращаться в многопрофильное учреждение со специализированными отделениями, число коек в ней за 1880–1907 гг. увеличилось с 54 до 265.¹⁹ Отметим, что основная масса населения губернии – крестьяне пользовались услугами земской медицины бесплатно, включая лечение в губернской больнице.

В целях содействия промышленности и торговле на средства земств было организовано несколько геологических экспедиций. Принимались меры по улучшению дорожной сети, земскими органами неоднократно ставился вопрос об улучшении Мариинской водной системы и строительстве Беломорско-Балтийского канала, железной дороги. В области сельского хозяйства с конца XIX в. развертывалась работа по распространению усовершенствов-

ванных орудий, пропаганде передовых агротехнических приемов, улучшению пород скота и т. д.

Нельзя особо не отметить также большую активность земцев во главе с председателями губернской управы Н.Ф. Пикиным и В.В. Савельевым в решении вопроса о введении в крае в действие судебных уставов 1864 г. в полном объеме, которое затянулось на 30 лет. В течение 1875–1891 гг. губернское земство пять раз входило в высшие правительственные инстанции с ходатайствами о завершении судебной реформы и взяло на себя часть расходов по организации окружного суда. Именно эти шаги помогли сдвинуть дело с мертвой точки. 28 мая 1894 г. состоялось открытие Петрозаводского окружного суда, а в 1898 г. в нем был введен институт присяжных заседателей²⁰.

Крупную роль играли представители предпринимательских кругов в деятельности пореформенных органов городского управления, в особенности в губернском центре – г. Петрозаводске. Как известно, по Городовому положению 1870 г., прежние сословные органы управления в городах заменялись всесословными учреждениями. Распорядительным органом определялась городская дума, исполнительным – управа. Выборы в думу проводились на основе имущественного ценза. Право участия в них предоставлялось лицам, владевшим недвижимой собственностью; купцам, платившим городские сборы; владельцам торгово-промышленных заведений. Избиратели делились на три курии: наиболее крупные налогоплательщики, вносящие треть общей суммы городских налогов; средние, платившие другую треть налогов, и все остальные. Каждая курия избирала равное число гласных. Члены думы выбирали управу из 2-3 человек и городского голову, который одновременно возглавлял и думу и управу.

На органы городского управления возлагались в основном административно-хозяйственные функции: благоустройство, попечение о торговле и про-

мышленности, содействие здравоохранению и образованию, общественное признание, принятие санитарных и противопожарных мер. В пределах компетенции органам самоуправления предоставлялись известная самостоятельность и независимость, но для надзора за ними учреждалось губернское по городским делам присутствие во главе с губернатором. Формирование городского бюджета должно было осуществляться за счет налогов и сборов с недвижимости, доходов от городских имуществ, пошлин за клеймение весов и пр., а также пособий из казны. Органы городского самоуправления не могли сами вводить новые налоги и превышать установленную законом норму обложения (1 % от стоимости недвижимого имущества).

В силу особенностей самой избирательной системы, допускавшей к выборам лишь узкий круг имущих горожан, преобладающее положение в городских органах власти получили торгово-промышленные деятели. По новому закону, в результате первых же выборов в городскую думу, прошедших в Петрозаводске в конце 1870 г., из 54 гласных 52 % составили купцы и почетные граждане из купеческого сословия, а также торгующие крестьяне и мещане²¹. На первой сессии думы в 1871 г. городским головой был избран известный купец Е.Г. Пименов, одновременно являвшийся и председателем губернской земской управы. В целом в период действия Городового положения 1870 г., по оценке В.В. Ефимовой, гласные-предприниматели составляли до 68 % состава Петрозаводской городской думы²². Пост городского головы в Петрозаводске в данный период занимали почти исключительно представители купечества: помимо Е.Г. Пименова, это были Н.Ф. Пикин (1875–1881), ранее уже состоявший в этой должности в 1855–1859, 1862–1865 и 1869–1871 гг.; Н.П. Серого (1881–1888); И.С. Селиверстов (1881–1891) и Н.П. Левин (1892–1893). Лишь в 1873–1875 гг. городским головой являлся чиновник Я.П. Дейхман и в течение нескольких месяцев в 1891–1892 гг. — мещан-

нин К.Н. Пименов, впрочем, по происхождению принадлежавший к известному купеческому клану и сам содержавший мелочную лавочку²³.

Здание Петрозаводской городской думы. Ок. 1909 г. Из кн. *«История Петрозаводска: власть и горожане»*. Петрозаводск, 2008

Утвержденное Александром III в 1892 г. новое Городовое положение сузило и до того небольшой круг городских избирателей путем ужесточения имущественного ценза. Отныне участвовать в выборах могли только владельцы купеческих свидетельств и обладатели крупной недвижимости (в губернских городах — свыше 1 тыс. руб., в уездных — 300 руб.). Избиратели объединялись в одно собрание, без курий. По положению 1892 г., в Петрозаводске избирательные права получили всего 104 жителя из 12,5 тыс., или 0,85 %, тогда как ранее эти права имело около 8 % жителей.

Количество гласных в думе было сокращено до 20 (с 1897 г. — до 16). В результате первых выборов по новому положению

в составе Петрозаводской городской думы оказалось восемь купцов и семь торгующих крестьян и мещан (в сумме 75 % всех гласных), два неторгующих мещанина-домовладельца, три дворянина и чиновника²⁴. Фактически контрреформа привела к дальнейшему усилению позиций предпринимательской верхушки в городском управлении. В 1901 г., накануне очередных городских выборов, обозреватель газеты «Олонецкие губернские ведомости» констатировал, что в составе Петрозаводской думы «интеллигентные лица составляют только почти 1/10 часть, и что вопросы по городским делам решаются всегда в том духе, в каком желательно купцам». «Присматриваясь поближе к составу городского управления за последние двадцать лет, — писал далее он, — мы замечаем, что при избрании его всегда руководствовались желанием поддержать своих товарищей-торговцев...»²⁵.

С 1893 по 1917 гг. Петрозаводский муниципалитет возглавляли купцы Н.П. Серого, Н.П. Левин и И.А. Румянцев (по несколько месяцев в 1893 г.), торгующие крестьяне Ф.И. Тихонов (1895—1897), И.У. Зайцев²⁶ (1897—1901), В.Д. Лысанов (1910—1913) и потомственный почетный гражданин из купцов Г.Е. Пименов (1901—1910 и 1913—1917)²⁷. И лишь весьма краткий срок в роли отцов города пребывали чиновники А.М. Рудницкий (октябрь—декабрь 1893 г.) и Ф.И. Валегин (1894)²⁸.

В пределах небогатых возможностей муниципальной казны городские органы Петрозаводска, возглавлявшиеся представителями предпринимательских кругов, в пореформенные годы XIX в. сумели при материальной поддержке губернского земства осуществить ряд значительных мероприятий по благоустройству города и развитию городского хозяйства. Главные площади — Петровская и Соборная — украсились монументальными памятниками Петру I (1873) и Александру II (1885); в 1899 г. был заложен Левашовский бульвар; тогда же началось мощение камнем центральных улиц и площадей. С 1864 г. улицы освещались керосиновыми фонарями (до этого с середины 1840-х гг. применялись масляные). В 1897 г. бы-

ла сооружена пожарная каланча в виде надстройки над зданием городской думы, что облегчило борьбу с пожарами в городе, застроенном преимущественно деревянными домами. В быт жителей вошла телеграфная связь (1863).

По инициативе городского головы купца Н.Ф. Пикина в 1877 г. широко отмечалось 100-летие со времени возведения Петрозаводской слободы в ранг города, в ознаменование этого события была сооружена деревянная Екатерининская церковь на Неглинском кладбище. Лес для постройки этой церкви по решению думы бесплатно отпускался из городской дачи. В 1896 г. в связи с 200-летием со дня кончины учредительницы города Екатерины II думой были установлены пять стипендий для учащихся городского училища²⁹.

Памятник Петру I в Петрозаводске. Скульптор И.Н. Шрегер. 1872 г.
Из кн. «Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян
Олонецкой губернии». Петрозаводск, 1905

Из городских голов первых пореформенных десятилетий современники особо выделяли Николая Федоровича Пикина, имевшего репутацию экономного и рачительного хозяина, «при котором у муниципальной казны всегда имелся запасной капитал на экстренные расходы». В качестве отца города ему довелось за свою долгую управленческую карьеру принимать в Петрозаводске целый ряд лиц императорской фамилии и видных сановников. Среди них — император Александр II (1858); Великие князья Николай Александрович (1863), Сергей и Павел Александровичи, Константин и Дмитрий Константиновичи (1878); министры: государственных имуществ П.А. Валуев (1876) и А.А. Ливен (1888), народного просвещения Д.А. Толстой (1877), внутренних дел Л.С. Маков (1879). Александр II по итогам визита выразил личное благоволение Н.Ф. Пикину за порядок и чистоту в городе. Не было претензий по этой части и у последующих высоких визитеров. Откликаясь в 1890 г. на кончину Н.Ф. Пикина, губернская газета, подчеркивая его незаурядные не только деловые, но и личные качества, отмечала, что он был «аристократом в нашем купечестве»³⁰.

Екатерининская церковь в Петрозаводске, построенная по инициативе городского головы Н.Ф. Пикина, в основном на купеческие пожертвования.
Личный архив Е.Ю. Дубровской

И все же особенно продуктивной была деятельность петрозаводского самоуправления в начале XX в., когда во главе его стояли такие виднейшие фигуры местного делового мира, как Г.Е. Пименов и В.Д. Лысанов. В 1901 г. в городе появилась телефонная сеть. В 1903 г. при муниципалитете открылось первое в Карелии специализированное банковское учреждение — Петрозаводский городской общественный банк. Средства на образование основного капитала банка в сумме 25 тыс. руб. по ходатайству Петрозаводской думы от 13 августа 1901 г. выделило в виде займа Министерство финансов. Заем был предоставлен на 30 лет на условиях залога недвижимого имущества (здания городской управы) под 4 % годовых³¹.

Новое учреждение имело право производить все операции, предусмотренные типовым положением о городских банках: принимать вклады от юридических и физических лиц; учитывать векселя; выдавать ссуды под залог недвижимого имущества, товаров и ценностей; покупать и продавать ценные бумаги; получать платежи по векселям и другим срочным документам; переводить деньги в места, где находятся корреспонденты банка, и др.

При ведении операций часть чистой прибыли, за исключением отчислений на составление основного и запасного капитала, предусматривалось присоединять к городскому бюджету для удовлетворения «общих по городу потребностей» или на благотворительные цели по решению думы³².

Первым председателем правления банка был утвержден гласный городской думы известный предприниматель В.Д. Лысанов. Интересно, что первоначально намеченная на этот пост кандидатура Д.В. Ивашенцева была губернатором отклонена, так как он был государственным чиновником и занимал официальный пост неперменного члена губернского по земским и городским делам присутствия.

В дальнейшем с 1907 г. В.Д. Лысанова на посту директора банка сменил Матвей Андреевич Лейманов. Петрозаводский городской общественный банк стал весьма доходным учреж-

дением. Уже первый операционный год оказался успешным: со 2 июня по 31 декабря 1903 г. в банк поступило вкладов на сумму около 60 тыс. руб., кредитов было выдано почти на 82 тыс. руб. Общий оборот составил более 140 тыс. руб. В 1905—1908 гг. Петрозаводский общественный банк получал в Госбанке ежегодные кредиты на сумму в 10 тыс. руб., которые умело использовались для наращивания оборотов.

К 1910 г. обороты городского банка достигли 3,5 млн руб., а чистая прибыль — 14 тыс. руб. Из нее на жалование служащим ушло более 4,5 тыс. руб., в доходы города поступило около тысячи рублей. Остальные средства были перечислены на усиление основного и резервного капиталов банка³³.

Крупнейшим событием в хозяйственной жизни Петрозаводска явился также пуск в октябре 1910 г. городской гидроэлектростанции общего пользования на р. Лососинке. Строительство станции началось в 1908 г. и велось в основном на кредиты, полученные городской думой от Министерства финансов в размере 30 тыс. руб. на 20 лет под 5 % годовых и из пожарного капитала Министерства внутренних дел — 20 тыс. руб. на тех же условиях. В районе бывшего Пименовского моста (в створе современной ул. Луначарского) были сооружены плотина высотой в 8 метров, заменившая мост, и двухэтажное здание энергоблока. Основное оборудование состояло из двух гидроагрегатов общей мощностью в 240 киловатт. К станции на первых порах были подключены 7 линий, включавших 6 тыс. лампочек и 36 уличных дуговых фонарей, что позволило обеспечить устойчивое электроосвещение центральной части города³⁴. Для своего времени Петрозаводская гидроэлектростанция являлась одной из самых крупных в стране. Выступая на открытии станции, 12 октября 1910 г. губернатор Н.Д. Грязев лично поблагодарил городского голову В.Д. Лысанова за энергию и настойчивость в реализации проекта.

В память об Отечественной войне 1812 г., по случаю ее 100-летия, Петрозаводской думой при городском и техниче-

ском училищах были учреждены шесть стипендий для обучения бедных детей. Дума принимала живейшее участие также в организации праздничных торжеств в честь этого юбилея и отмечавшегося в 1913 г. 300-летия Дома Романовых.

Здание и плотина Петрозаводской ГЭС. Справа — корпус Епархиального училища (до 1902 г. — дом купцов Пименовых). Фото 1910-х гг. Из кн. *«История Петрозаводска: власть и горожане»*. Петрозаводск, 2008

За свою общественную деятельность городские головы Г.Е. Пименов и В.Д. Лысанов были возведены в потомственные почетные граждане, неоднократно награждались медалями «За усердие». Г.Е. Пименов получил также орден Св. Анны 3-й степени. В.Д. Лысанов избирался делегатом от Петрозаводска на Всероссийский съезд городских представителей в Киеве в 1913 г.³⁵

В муниципальных органах уездных городов края, формировавшихся как на основе положения 1870 г., так и после издания положения 1892 г.³⁶, представители торгово-промышленных кругов также играли довольно весомую роль.

В Олонце, например, на протяжении многих лет городскими головами и старостами избирались, сменяя друг друга, купцы 2-й гильдии В.Ф. Кузнецов, В.И. Жданов, Ф.И. Богатенков, М.Ф. Тухкин. Более десятка лет возглавляли органы самоуправления в Повенце и Пудоже купцы И.С. Мартынов и А.Д. Копейкин³⁷. Однако из-за крайней скудости городских бюджетов заметных хозяйственных и социальных проектов в уездных центрах за счет муниципальных средств реализовано не было. Правда, городские власти обычно оказывали организационную и материальную поддержку социальным начинаниям, предпринимавшимся на основе частной благотворительности или по линии земства.

Представители торгово-промышленных кругов неизменно принимали участие в работе целого ряда губернских и уездных совещательных присутствий и комиссий при административных органах в качестве выборных представителей от земских и городских учреждений (присутствия по земским и городским делам, по промысловому налогу, воинские, оценочная комиссия, тюремные отделения и комитет и др.). Некоторые видные местные предприниматели (А.П. и Н.А. Базегские, Н.Ф. и М.Н. Пикины, С.М. Румянцев, Г.М. Сывороткин, С.А. Тиккоев и др.) состояли по выбору от земства почетными мировыми судьями.

В период думской монархии в России, когда в стране зародилась многопартийность и активизировалась политическая жизнь, некоторые из представителей делового мира Карелии небезуспешно попробовали свои силы на политическом поприще. В число депутатов II Государственной думы от Олонецкой губернии был избран крестьянин Ладвинской волости Петрозаводского уезда крупный лесопромышленник и торговец Михаил Михайлович Кирьянов (род. 1865). В думе он примкнул к кадетам, входил в комиссию по местному самоуправлению. Депутатами IV Государственной думы избирались также сельские торговцы, крестьяне Степан Григорьевич Романов (1865–1908) из д. Сандалы

Богоявленской волости Повенецкого уезда (III созыв) и Михаил Гаврилович Аристаров (род. 1855) из д. Усть-Боярской Важинской волости Олонецкого уезда (IV созыв). Они примыкали к фракции октябристов. С.Г. Романов являлся членом думских комиссий по делам православной церкви и по рыболовству, а М.Г. Аристаров — по местному самоуправлению и по исполнению государственной росписи доходов и расходов³⁸.

Депутат II Государственной думы крестьянин-лесопромышленник
Михаил Михайлович Кирьянов. *Личный архив Ю.В. Шлейкина*

В силу малого политического опыта три вышеупомянутых депутата, как и почти все олонецкие представители, кроме смотрителя Петрозаводского духовного училища К.И. Казанского, не проявляли себя активно на думской трибуне. Отвечая на упреки по этому поводу в местной прессе, М.Г. Аристаров разъяснял свою позицию так: «На трибуне Государственной Думы мы – олонецкие депутаты – выступаем очень редко, а о заседаниях комиссий обыкновенно даются в газетах лишь общие и краткие отчеты. Тем не менее, смею уверить, что в комиссиях мы работаем также как и другие... и, думаю, приносим посильную пользу. Кто, хотя отчасти, представляет себе характер деятельности Государственной Думы, тот поймет, что вся существенная работа сосредоточена именно в комиссиях, где каждый вопрос при участии всех рассматривается во всех подробностях и где выносятся то или другое определенное решение, с которым большей частью и считается Государственная Дума.

На общих заседаниях Государственной Думы естественно выступать только избранным представителям отдельных фракций для заявления особого мнения, если какая-либо фракция не согласна с решением комиссии. Тут необходимы опытные ораторы.

Депутат IV Государственной думы, торговец из с. Важины Олонецкого уезда Михаил Гаврилович Аристаров. Из кн. «Четвертая Государственная дума. Портреты и биографии». Изд. Н.Н. Ольшанского. СПб., 1913

Выступать же только для того, чтобы появилась моя фамилия на столбцах газет, лично не только не считаю нужным, но даже и возможным: у Думы время дорого»³⁹.

Важной и неотъемлемой частью общественной деятельности торгово-промышленного сообщества являлась благотворительность. Пожертвования на социальные нужды, на церковные потребности, на развитие культуры, образования и здравоохранения для многих предпринимателей были привычной статьёй расходов. Побудительными мотивами благих деяний служили и традиционные религиозные установки православия о необходимости делиться нажитым добром с нуждающимися и страждущими и понимание своей социальной ответственности и стремление повысить общественный престиж (крупные жертвования отмечались почетными званиями и другими правительственными наградами, вызывали искреннее уважение и признательность сограждан)⁴⁰. Думается, что играло свою роль и свойственное каждому человеку чувство любви к малой родине.

Одним из главных направлений благотворительности были жертвования на храмостроительство, на нужды церковных приходов и монастырей, что определялось искренним религиозным чувством, свойственным для большинства представителей делового мира второй половины XIX — начала XX вв. Массовый характер носили жертвования купцов, зажиточных крестьян и мещан Петрозаводска и всего края на постройку главного храма Олонецкой епархии — Святодуховского кафедрального собора, продолжавшуюся с 1860 по 1872 г. Наибольшую сумму из местных купцов — 7 тыс. руб. в течение всего периода строительства внес Г.М. Сывороткин⁴¹. При постройке Екатерининской церкви на Неглинском кладбище в 1877 г., которая обошлась в 7 тыс. руб., 3 тыс. руб. пожертвовал петрозаводский купец Е.Г. Софушкин, у которого на этом кладбище были похоронены жена и дочь.

К числу самых крупных жертвователей на религиозные цели в крае по праву можно отнести пудожского купца И.И. Малокрошечного. В 1859 г. он на свои средства построил православную церковь в с. Лекса, являвшемся одним из традиционных центров старообрядчества в крае⁴². В 1863 г. вскоре после внезапной кончины старшего брата Василия Ивановича И.И. Малокрошечный решил пожертвовать 10 тыс. руб. на восстановление старинного Муромского монастыря в Пудожском уезде, существовавшего с XIV в., но закрытого в 1787 г. в связи с секуляризацией церковно-монастырских владений.

В свое время мысль о необходимости возрождения местной святыни подал купцу архиепископ Венедикт, занимавший олонецкую кафедру в 1842 – 1850 гг., он выражал искреннее сожаление, что «при гробах преподобных Лазаря и Афанасия (основатели обители – *Н.К.*)... не может каждодневно отправляться божественная служба» и остаются «без удовлетворения благочестивые желания богомольцев, приходящих из дальних мест». В 1867 г. по постановлению Синода деятельность Муромского мужского монастыря, в основном на средства Малокрошечного, была возобновлена с назначением 7 монашествующих вакансий и продолжалась до 1918 г.⁴³

Наследник И.И. Малокрошечного, его зять А.П. Базегский продолжал опекать Муромский монастырь и затратил до 10 тыс. руб. на отделку церквей и устройство каменной ограды в обители. Он также в течение долгого времени состоял старостой Троицкой соборной церкви в г. Пудоже и в 1890 г. за свой счет осуществил ее реконструкцию. Построенный в конце 1820-х гг. каменный храм был расширен, к нему пристроена колокольня, а территорию церкви обнесли металлической оградой на каменном фундаменте. Значительное пожертвование было сделано А.П. Базегским и на устройство церкви при губернской мужской гимназии⁴⁴. Олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев в 1881 г. писал о нем: «Пудожский

2-й гильдии купец А.П. Базегский, будучи человеком глубоко набожным и добрым, усердно заботится о благосостоянии церквей и монастырей, щедро рукою посылает он денежные пособия в некоторые храмы Олонецкой епархии»⁴⁵.

Верность семейным традициям религиозной благотворительности сохранил и Н.А. Базегский, который в память об отце близ места его упокоения в 1902 г. на собственные средства соорудил каменную Александро-Невскую кладбищенскую церковь, а в 1906 г. пристроил к ней колокольню⁴⁶.

Активно проявила себя на ниве православного благотворения и семья крупных предпринимателей-поморов Савиных. В 1867 г. Ф.В. Савин в основном на собственные средства завершил постройку в родном селе Кереть Никольской церкви с тремя приделами. По заказу его жены в Петербурге для этой церкви была изготовлена богатая рака, в которой покоились мощи местно чтимого святого Варлаамия Керетского. А в 1889 г. попечением сыновей Федора Васильевича Савина — Владимира, Александра и Алексея — в Керети была построена и благоукрашена Георгиевская церковь⁴⁷.

Неустанно заботился о старинных храмах родного города известный олонецкий купец Василий Федорович Кузнецов. Его «тщанием» в 1856 г. была возобновлена старинная церковь Николая Чудотворца (постройки 1630 г.), а в 1862 г. капитально отремонтирована Успенская церковь на городском кладбище в д. Кунелицы, на что ушло более 3,5 тыс. руб. В 1873 г. купец вызолотил иконостасы в приделах собора Смоленской Божьей матери и произвел текущий ремонт собора, затратив 2,5 тыс. руб.⁴⁸ Перед смертью В.Ф. Кузнецов завещал треть всего своего состояния церквям и монастырям. Олонецкой соборной церкви Смоленской Божьей матери выделялось 3,1 тыс. руб., церквям и монастырям Олонецкого уезда и Соловецкому монастырю — 4,7 тыс. руб.⁴⁹

К числу виднейших религиозных благотворителей края следует отнести и крестьянина-торговца и лесопромышленника из с. Ладва Петрозаводского уезда Василия Федо-

ровича Кипрушкина, являвшегося много лет старостой местной Успенской приходской церкви. В 1891—1894 гг. в местечке Борки близ с. Ладва на месте обветшавшей старой часовни В.Ф. Кипрушкин на свои деньги построил новый храм во имя святых Кирика и Иулитты, в память спасения наследника престола, будущего императора Николая II от покушения во время его путешествия по Японии⁵⁰. В 1901 г., после смерти жены, благотворитель выделил 11,5 тыс. руб. на открытие при храме женской монашеской общины и на содержание священника. Торжественное открытие общины по указу Святейшего Синода состоялось 17 июля 1901 г. при участии ректора Олонецкой духовной семинарии архимандрита Нафанаила⁵¹.

В 1903 г. по решению Синода община была преобразована в женский Кирико-Иулитгинский Боголюбский монастырь. В.Ф. Кипрушкин предоставил обители 18 десятин пахотной и сенокосной земли, ранее находившейся в его собственности. Незадолго до кончины, последовавшей в 1904 г., благотворитель завещал подопечной обители еще 20 тыс. руб. на приобретение процентных бумаг для образования неприкосновенного капитала, 5 тыс. руб. на устройство второго этажа над новым деревянным корпусом и 2 тыс. руб. на различные хозяйственные постройки. Монастырской общине также передавалась значительная часть движимого и недвижимого имущества: домашние иконы Николая Чудотворца, Святой Троицы, Трех святителей, Феодосия Черниговского, Казанской Божьей матери, Кирика и Иулитты, мебель, чайная посуда, сани, телеги, тарантас и кабриолет, коровы, лошади и даже спальные принадлежности⁵².

Кроме того, В.Ф. Кипрушкин завещал «на вечное поминовение» его души и души покойной жены Паданскому, Палеостровскому, Яшезерскому монастырям по 1000, а Клименецкому и Кирилло-Челмогорскому монастырю (в Новгородской епархии) по 500 руб. Ладвинским церквям — Никольской и Успенской — предназначалось по 500 руб. на ремонт

ограды. Правда, в реальности, после уплаты долгов, оставшихся за В.Ф. Кипрушкиным, его душеприказчик М.М. Кирьянов смог выдать получателям наследства около половины назначенных им по завещанию денег⁵³. Тем не менее и окончательная общая сумма последнего пожертвования В.Ф. Кипрушкина на церковно-монастырские нужды была по местным меркам весьма значительной — более 15 тыс. руб.

Другим важным направлением частной благотворительности являлась поддержка сирот, инвалидов, стариков и других социально незащищенных групп населения. Наиболее значительными и действенными акциями в данном направлении стали организация и поддержка деятельности разного рода приютов и богаделен.

Первый в крае детский приют был создан еще в дореформенное время — в 1849 г. в Петрозаводске именитым местным купцом М.П. Пименовым. Марк Пименович и его супруга Матрена Тимофеевна были бездетными, и, переживая это как личную драму, они не только усыновили племянника Ефима Григорьевича, но и искренне стремились облегчить участь детей-сирот. Для приюта на принадлежавшей Пименову земле благотворителем был построен деревянный на каменном фундаменте дом с мезонином. При приюте имелся приусадебный участок с садом и огородами. Первоначально учреждение было рассчитано на 20 приходящих детей обоего пола⁵⁴. Дети находились в приюте с восьми часов утра до шести часов вечера и обучались грамоте, церковной истории и хоровому пению. Девочек обучали также рукоделиям, а мальчиков — основам ремесел. В августе 1849 г. открылось ночлежное отделение, рассчитанное на 10 детей-сирот. Первым директором учреждения был акушер А.П. Голиков, смотрительницей — М.М. Шелехова, прошедшая специальную подготовку в Образцовом детском приюте в Санкт-Петербурге. В 1855 г. в приюте устроили домовую церковь⁵⁵.

Со времени основания приют носил официальное наименование Пименовского, но после кончины Николая I в 1855 г.

был переименован в Николаевский. С 1869 г. по решению попечительского совета приют стал закрытым воспитательным учреждением, предназначенным исключительно для девочек-сирот всех сословий в возрасте от 5 до 16 лет. Обучение общеобразовательным предметам теперь осуществлялось в рамках программы начальной народной школы. В период с 1870 по 1880 гг. воспитанницы имели право продолжать обучение в женской гимназии за счет средств Петрозаводского благотворительного общества. При этом они могли оставаться в приюте сверх установленного срока, до окончания учебного заведения. В 1897 г. при приюте была открыта модная мастерская. Число воспитанниц в 1870—80-е гг. составляло до 60 человек, в начале XX в. — 80—90 человек. Всего за время существования приюта (1849—1918) в нем получили воспитание и образование более тысячи детей.

Здание Николаевского детского приюта, основанного купцом 1-й гильдии М.П. Пименовым. 1910-е гг. Из кн. «Петрозаводск. 300 лет истории». Документы и материалы. Кн. 2. Петрозаводск, 2001

При приюте со времени его основания действовало попечительство, членами которого были купцы и наиболее крупные губернские и горные чиновники, а также их жены. В разное время попечительство возглавляли известные пред-

ставители делового мира Петрозаводска — Е.Г. Пименов, Г.Е. Пименов, И.Ф. Тихонов, Н.П. Серого и другие.

С 1849 по 1862 гг. приют содержался почти исключительно на средства Марка Пименовича Пименова, который затратил для этой цели свыше 16 тыс. руб. В дальнейшем его финансирование осуществлялось из нескольких источников — пособий от губернского и уездных земств (покрывали 20 % расходов); процентов с собственного капитала, образовавшегося из пожертвований разных лиц и учреждений и взносов членов попечительского совета; разовых пожертвований; арендной платы за сдачу помещений; доходов от продажи предметов рукоделия, изготовленных воспитанницами⁵⁶. В начале XX в. крупный вклад в укрепление финансового положения приюта внес попечитель, внук основателя Георгий Ефимович Пименов, сумевший собрать по подписке среди жителей Олонецкой губернии 22 тыс. руб.⁵⁷

Николаевский детский приют, отличавшийся образцовой постановкой учебно-воспитательного дела, служил одной из достопримечательностей Петрозаводска, его неизменно показывали различным столичным визитерам высокого ранга.

В 1903 г. по инициативе супруги губернатора Анны Васильевны Протасьевой в Петрозаводске был открыт также приют для мальчиков-сирот, который получил официальное наименование Протасьевского. Однако создан он был на проценты из капитала в 16 тыс. руб., образовавшегося из частных пожертвований. При этом основную лепту в 10,5 тыс. руб. внес пудожский купец 1-й гильдии потомственный почетный гражданин Н.А. Базегский. Кроме того, пудожанин выделил 600 руб. на первоначальное обзаведение приюта и полностью принял на себя обеспечение приюта в течение первых четырех месяцев существования, на что затратил еще 1,4 тыс. руб.

Разместился приют в специально выстроенном двухэтажном доме. Принимали в него мальчиков от 4 до 15 лет со всей губернии, как полных сирот, так и имевших лишь

одного из родителей. Первоначально число пансионеров составляло 15 чел., но с начала 1904 г., после выделения земством специальных стипендий, число призываемых увеличилось до 40 чел. Детям преподавались общеобразовательные предметы по программе начальной народной школы. В приюте имелись мастерские, где было организовано обучение столярному, сапожному и переплетному ремеслу⁵⁸.

Помимо организации Протасьевского приюта, Н.А. Базегский пожертвовал 1000 руб. на создание открытого земством в 1893 г. приюта «Ясли» для детей-сирот обоего пола до 4-летнего возраста. Кроме того, он ежегодно вносил по 300 руб. на текущие нужды обоих приютов. Неутомимая благотворительная деятельность пудожского купца на благо церкви и детских приютов была отмечена орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени⁵⁹.

По сравнению с первогильдейскими купцами М.П. Пименовым и Н.А. Базегским петрозаводчанин Николай Максимович Беляев (1840 — 1912) обладал куда более скромным состоянием, но также вписал свое имя в число наиболее значительных благотворителей дореволюционной Карелии. Он долгое время служил в армии в нижних чинах, а затем содержал в городе меблированные комнаты из 5 покоек в своем доме на Соборной улице. Годовой оборот его гостиницы, по данным за 1900 г., составлял 2 тыс. руб., а прибыль от нее — около 600 руб. Детей Николай Максимович не имел. Незадолго до кончины он овдовел и все свои средства (6,6 тыс. руб.) и недвижимое имущество завещал на создание в Петрозаводске приюта для слепых.

Открытие учреждения состоялось 3 ноября 1913 г., в годовщину смерти благотворителя. В приюте, смотрителем которого стал глазной врач губернской земской больницы, приемный сын одного из петрозаводских купцов И.А. Шехман, нашли пристанище, уход и квалифицированную медицинскую помощь первые обитательницы — четыре слепые

старушки. Новое социальное учреждение получило официальное название приюта для слепых имени Петра Максимо- вича и Марфы Абрамовны Беляевых⁶⁰.

В уездном городе Пудоже с 1867 г. вплоть до революции 1917 г. действовала частная богадельня, в которой призрева- лось до 30 неимущих престарелых жителей Пудожского уезда. Она функционировала на проценты с неприкосно- венного капитала в 31 тыс. руб., пожертвованного специаль- но для данной цели известным местным благотворителем купцом И.И. Малокрошечным. Он же на свои средства по- строил для богадельни добротный одноэтажный деревян- ный дом на ул. Маккавеевской (ныне Горького), сохранив- шийся и до наших дней, а также весь необходимый инвен- тарь (мебель, тюфяки, белье, посуду). После кончины благо- творителя богадельня находилась под управлением попечи- тельного комитета, возглавлявшегося наследниками осно- вателя — Александром Петровичем, а затем Николаем Александровичем Базегскими. По уровню постановки дела частная пудожская богадельня ни в чем не уступала анало- гичным учреждениям в Петрозаводске и Повенце, содер- жавшимся земством⁶¹.

Кроме того, частым явлением были разовые пожертвова- ния предпринимателей в пользу нуждающихся по праздни- чным и памятным датам или, напротив, по случаю недородов, пожаров, накопления недоимок и иных бедствий, а порой и без особых на то поводов. Неоднократно погашали, напри- мер, недоимки по городским сборам за неимущих граждан служившие городскими головами петрозаводские купцы Пи- меновы, Г.М. Сывороткин, олончанин В.Ф. Кузнецов, пудо- жанин И.И. Малокрошечный. В 1863 г. М.П. Пименов офи- циально отказался от взыскания в свою пользу более 4 тыс. руб. с задолжавших ему крестьян Рыборецкой волости Пет- розаводского уезда. Губернатор Ю.К. Арсеньев расценил этот поступок как акт «освобождения бедных крестьян от тяжкого и почти неоплатного для них долга»⁶². Купец

М.Н. Пикин несколько раз в год организовывал бесплатные обеды для всех нищих Петрозаводска⁶³. Торгующий крестьянин и лесопромышленник, староста Важинской церкви С.С. Буравов в 1877 г. пожертвовал 2 тыс. руб. епархиальному управлению для раздачи бедным духовного звания⁶⁴. В неурожайные 1891 — 1892 гг. крупную сумму в 20 тыс. руб. пожертвовал на нужды бедняков своего уезда А.П. Базегский⁶⁵. И подобных примеров можно привести немало.

Для многих представителей торгово-промышленного класса не чужды были и интересы развития народного просвещения и культуры. Так, торговец и лесопромышленник из д. Трешкина Гора Ладвинской волости И.Ф. Кипрушкин построил на свои средства здание для двухклассного министерского училища в с. Ладва; один из владельцев Кумсинской лесопильни Ф.П. Захарьев — здания для земской школы и больницы в с. Толвуя; торгующий крестьянин д. Погостской Фоймогубского общества А.Д. Изотов — здание для церковно-приходской школы в с. Фоймогуба⁶⁶. Известный петрозаводский предприниматель Михаил Лейманов в 1894 г. организовал постройку церковно-приходской школы в родной деревне Сулажгоре, выделив необходимые лесоматериалы и собрав для оплаты работ свыше тысячи рублей у зажиточных уроженцев деревни (сам внес 442 руб.)⁶⁷.

Некоторые представители местного делового мира учреждали свои стипендии для учащихся. Крупный благотворитель пудожский купец И.И. Малокрошечный внес 5 тыс. руб. в виде неприкосновенного капитала для выплаты десяти стипендий ученицам Петрозаводской Мариинской гимназии — дочерям беднейших граждан городов Олонецкой губернии⁶⁸. Кроме того, Малокрошечный выделил 3 тыс. руб. на укрепление основного капитала женской гимназии. Более скромное, но не менее значимое пожертвование для своих земляков — жителей отдаленных карельских волостей Повенецкого уезда — сделал торгующий крестьянин из д. Лахты К.В. Кузнецов, внесший 300 руб. для учреждения

двух стипендий при Ругозерском одноклассном министерском училище. Стипендии предназначались для учеников из числа «недостаточных местных поселян, отличающихся как прилежанием и хорошим поведением, так и достаточными успехами по преподаваемым предметам». Еще одного школьника Кузнецов содержал за свой счет в Паданском двухклассном земском училище⁶⁹.

Довольно массовый характер приобрело попечительство над учебными заведениями. Так, например, из 37 почетных попечителей и блюстителей земских училищ Петрозаводского уезда в начале 1910-х гг. подавляющее большинство составляли местные предприниматели⁷⁰. Попечители земских школ избирались на 3 года уездными земскими собраниями, учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения — губернским и уездными училищными советами, церковно-приходских школ — епархиальным училищным советом. Почетные попечители и блюстители брали на себя обязательство заботиться о материальном положении учебных заведений, следить за состоянием их хозяйственной части, оказывать нравственное воздействие на местных жителей, чтобы обеспечивать исправное посещение детьми школьных занятий.

На практике некоторые из почетных попечителей ограничивались перечислением в пользу учебного заведения обязательного ежегодного взноса обычно в сумме от 10 до 100 руб. Конечно, и эти суммы при скромных школьных бюджетах не были лишними. Учитель Кемского мужского приходского училища А. Кондратьев в 1911 г. в связи с досрочной отставкой попечителя купца А.Е. Дятлева прямо писал уездному инспектору народных училищ: «В интересах училища весьма желательно иметь даже такого почетного блюстителя, от которого получается только материальная помощь в виде обязательного, хотя бы и незначительного ежегодного взноса»⁷¹.

Однако среди почетных попечителей было немало и таких людей, которые понимали свои задачи более широко и явля-

лись подлинными ревнителями народного просвещения. Так, известные лесопромышленники из с. Кереть Кемского уезда Савины, состоявшие попечителями здешней церковно-приходской школы, на свой счет приняли содержание учительницы, выплачивая ей жалованье в 120 руб. в год⁷².

Крестьянин, торговец и лесопромышленник Иван Алексеевич Попов, попечительствовавший более 20 лет над Остречинским земским училищем, помимо уплаты обязательных взносов, выписывал педагогические журналы для учителей и детские издания для учащихся, устраивал школьные елки, обеспечивал текущий ремонт школьного здания. Его деятельность по линии Министерства народного просвещения была отмечена в 1900 г. серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, а в 1905 г. — на Владимирской ленте⁷³.

О попечителе Тивдийской министерской двухклассной школы — петрозаводском купце Я.М. Румянцеве инспектор народных училищ отзывался так: «Кроме ежегодных взносов... жертвовал книги и учебные пособия, средствами его поддерживается ученическая библиотека. Неимущих учеников снабжает платьем и обувью...»⁷⁴. Купец Х.Г. Кононов — попечитель 2-го приходского училища в г. Петрозаводске с 1894 г., не довольствуясь обязательным ежегодным взносом в 50 руб., приобретал стройматериалы для ремонта училища, покупал праздничные гостинцы для учащихся и вообще, как отмечала школьная администрация, «много помогал своими советами и заботами о нуждах училища»⁷⁵.

Красноречивым свидетельством неподдельного интереса к школьным делам являются и дошедшие до нас фрагменты переписки попечителя Загубского и Слободского земского училищ Толвуйской волости торгующего крестьянина д. Масельская Гора, одного из совладельцев Кумсинской лесопилы И.В. Захарьева с инспектором народных училищ Петрозаводского уезда С.А. Лосевым.

17 января 1907 г. И.В. Захарьев пишет С.А. Лосеву о проблемах формирования школьной библиотеки и своих

впечатлениях от устроенного на его средства праздника елки в Слободском училище: «Спешу Вас поблагодарить за Ваше живейшее участие и хлопоты по устройству спектакля, который прошел не худо. Теперь просьба относительно библиотеки. С этой почтой Вам отправляем нашу челобитную, к которой, я думаю, отнесетесь с хорошей стороны и похлопочете. Прошу Вас дать адрес моему брату, который вышлет нам из Петербурга каталог, где приобрести нам книги. Прошу Вас еще раз похлопотать и пожаловать к нам, посмотреть и открыть библиотеку.

27 декабря была елка в Толвуйском училище для учеников Слободского училища. Приношу большую благодарность учителю и законоучителю за подготовку детей, которые кое-что говорили на елке. Я, сказать правду, не предполагал, что так хорошо могут приготовить детей; впрочем, не я один, а сотни зрителей остались в восторге»⁷⁶.

В письме от 13 марта 1907 г. благотворитель, видимо, находившийся в то время в Петербурге, охотно откликается на просьбу С.А. Лосева о пополнении библиотеки соседнего со Слободским Толвуйского земского училища: «Согласно Вашему желанию мною будут высланы в Толвуйское училище указанные Вами журналы, кроме "Нивы", которая за последние годы издается слабо. Вместо нее выпишу что-нибудь другое. Очень прошу сообщить мне о нуждах училища, какие будут установлены Вами при посещении его. В Толвуйе открылась новая школа. Не могу ли я быть полезен для нее?»⁷⁷.

Благотворительная деятельность осуществлялась предпринимателями не только путем различного рода частных пожертвований, но и в форме участия в деятельности общественных добровольных организаций по оказанию помощи нуждающимся. Наиболее крупной из них в крае являлось Петрозаводское благотворительное общество, которое было основано 17 июля 1865 г. Согласно уставу, утвержденному министром внутренних дел, оно имело своей целью «доставлять средства к улучшению нравственного и материального благо-

состояния бедных». Деятельностью организации руководил совет во главе с председателем. Первым председателем совета Петрозаводского благотворительного общества была избрана супруга губернатора Олонецкой губернии Ю.К. Арсеньева — Софья Дмитриевна Арсеньева⁷⁸. И в последующем, по традиции, совет возглавляли жены губернаторов.

Первоначально в общество записалось около 30 человек. К концу 1870 г. число членов организации увеличилось до 137 человек, а в дальнейшем составляло около 150—200 человек. Почетными членами общества неизменно являлись олонецкие губернаторы и епископы. В общество вступали чиновники, купцы, богатые торгующие крестьяне, зажиточные представители церковной и светской интеллигенции. Активнейшими участниками организации в разное время выступали крупные представители делового мира Олонецкой губернии — петрозаводские купцы П.В. Аврамов, Е.Г. и Г.Е. Пименовы, Н.Ф. и М.Н. Пикины, Н.П. Серого, Г.М. Сывороткин, С.А. Тиккоев, братья Матвей и Михаил Леймановы, лесопромышленники Захарьевы из Заонежья, пудожанин Н.А. Базегский.

Средства общества складывались из ежегодных членских взносов (5 рублей в год), пожертвований, а также целевых взносов от учреждений и организаций. Общество оказывало материальную помощь наиболее нуждающимся жителям города денежными пособиями, продовольствием и вещами, а также оплачивало учебу детей из отдельных небогатых семей в начальных школах.

25 марта 1867 г. в целях борьбы с голодом после нескольких неурожайных лет общество открыло бесплатную столовую для бедных. Обычно ею пользовалось до 100 человек в день, но весной 1868 г., когда в Петрозаводск прибыло множество голодающих крестьян со всей Олонецкой губернии и из Финляндии, число посетителей превысило 1200 человек. Со стабилизацией продовольственного положения осенью 1870 г. столовая была закрыта. Однако в не-

урожайные 1880, 1882 и 1892 гг. она вновь возобновляла работу. В 1868 – 1870 гг. поставку муки для столовой по цене, значительно удешевленной против рыночной, осуществлял Е.Г. Пименов, а в 1892 г. – М.Н. Пикин. Кроме того, М.Н. Пикин добровольно принял на себя руководство всей деятельностью столовой⁷⁹.

С начала 1870-х гг. общество содержало несколько стипендиатов из детей беднейших жителей Петрозаводска в губернской мужской и Мариинской женской гимназиях. Врачи – члены общества – оказывали бесплатную медицинскую помощь неимущим горожанам.

В 1872 г. на добровольные пожертвования общество построило в Петрозаводске деревянное театральное здание, в котором в течение многих десятилетий ставила спектакли и давала концерты любительская труппа основанного в 1877 г. Петрозаводского общества любителей музыкального и драматического искусства. Значительная часть билетной выручки от постановок шла в пользу благотворительного общества. Здесь также размещалось городское общественное собрание. В 1906 г. старое здание сгорело, но на его месте в 1912 г. благотворительным обществом было построено новое, каменное, в котором с 1913 г. находился кинотеатр «Триумф»⁸⁰. После установления советской власти в 1918 г. общество было распущено.

Особо следует также выделить деятельность Ладвинского общества вспомоществования бедным, которое в изданной в 1884 г. книге публициста С.А. Приклонского названо «едва ли не единственным» сельским благотворительным объединением в России⁸¹. Оно было создано в 1874 г. группой богатых крестьян с. Ладва, занимавшихся торговлей и лесопромышленными операциями. Учредителями организации выступили крестьяне Иван Кипрушкин; Семен, Алексей и Дорофей Тулины; Иван Дьяконов и Григорий Москвичев, которые сообща пожертвовали на образование неприкосновенного капитала 5,5 тыс. руб.⁸² Проценты с капитала,

размещенного в ценных процентных бумагах, и расходовались на цели благотворения. В дальнейшем неприкосновенный капитал пополнялся за счет членских взносов (по 3 руб. в год), кружечного сбора в приходской церкви и новых пожертвований богатых крестьян-ладвинцев, в основном из числа родственников и наследников членов-учредителей. К 1913 г. число членов общества составило 16 человек, а неприкосновенный капитал достиг 14 тыс. руб.⁸³

Устав общества, утвержденный министром внутренних дел, довольно точно определял круг подопечных лиц. Пункт 1-й гласил, что общество «имеет целью оказывать помощь живущим в с. Ладва и в смежных с ним деревнях всем истинно бедным, как-то: беспомощным вдовам, сиротам, престарелым, увечным, больным, обремененным большим семейством и всем тем, кои не имеют возможности честным трудом снискивать себе пропитание; а равно потерпевшим от пожаров, скотских падежей и тому подобных несчастных случаев». Оговаривалось, что при назначении пособий общество будет строго отделять «истинную бедность от промышленного нищенства, происходящего от лени и привычки к праздности и бродячей жизни»⁸⁴.

Благотворительное объединение оказывало ежегодные пособия бедным односельчанам на праздники Пасхи и Рождества (в размере до 6 руб.), уплачивало за них подати. Число призреваемых по мере роста материальных возможностей общества постепенно увеличивалось. Так, если в начале 1890-х г. их было 69, то два десятилетия спустя — 140 человек⁸⁵. Однако этим дело не ограничивалось. Общество выделяло также разовые пособия пострадавшим от несчастных случаев. Оно содержало бесплатную столовую для учащихся в Ладвинском двухклассном училище, назначало надбавки к жалованью некоторым учителям и небольшие стипендии отдельным ладвинцам, учившимся в учебных заведениях Петрозаводска.

В 1899 г. в ознаменование 25-летия общества общим собранием его членов было постановлено ежегодно выделять 225 руб. на поддержание портновского класса при двухклассном училище, содержавшегося на средства А.Т. Кипрушкина⁸⁶. Расходы общества имели устойчивую тенденцию к увеличению. Если в 1875 г. они составили 208 руб., в 1890 г. — 494,8 руб., то в 1912 г. — около 650 руб.⁸⁷ Таким образом, ладвинское объединение благотворителей вносило весьма существенный вклад в становление и развитие социальной сферы родного села.

Выше нами уже отмечался факт оттока людей с предпринимательской жилкой из Карелии в ведущие центры деловой жизни страны, главным образом, в столицу Российской империи. Однако многие из таких мигрантов, завоевав «место под солнцем» в деловом мире столицы, не порывали связей с родным краем и вкладывали часть накопленных ими капиталов в его обустройство. Одним из таких лиц был, например, крестьянин-карел из дер. Кинелахта Видлицкой волости Олонецкого уезда Василий Богданович Богданов. Благодаря незаурядным способностям он сумел стяжать славу одного из лучших портных Санкт-Петербурга и к концу 1860-х гг. стал владельцем элитной швейной мастерской, обслуживавшей императорский двор. В дальнейшем он приобрел права купца 2-й гильдии, был награжден золотой и серебряной медалями «За усердие»⁸⁸.

Опыт петербургской жизни наглядно убедил В. Богданова в необходимости широкого распространения грамотности среди карельских детей. В июне 1870 г. он обратился к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой об открытии у себя на родине в с. Большие Горы Видлицкой волости одноклассного училища с ремесленно-столярным классом, предоставив на его содержание 3,1 тыс. руб. в билетах Государственного банка, приносящих ежегодно 5,5 % ренты (170,8 руб.). Сверх этого, Богданов обязался приготовить помещение для училища, снабдить его учеб-

ными пособиями и ежегодно в течение 5 лет вносить по 100 руб. на покупку хлеба для учащихся. Министерство народного просвещения приняло предложение благотворителя, добавив на содержание училища в Больших Горах 226 руб. ежегодно.

Учебное заведение начало свою деятельность 20 декабря 1870 г.⁸⁹ В. Богданов ревностно следил за первыми шагами своего детища. После посещения уроков в новой школе он в письме к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа отмечал беглое чтение учащихся по-русски и их «толковые ответы на задаваемые вопросы» и с удовлетворением заключал: «Учреждение это оправдало мои желания и, несомненно, достигнет цели...»⁹⁰. Благотворитель неукоснительно выполнял все добровольно взятые на себя обязательства. Кроме того, В.Б. Богданов оказывал помощь престарелым землякам, а также церквям своих родных мест⁹¹.

По недоброй иронии судьбы дочь купца-благотетеля Александра Васильевна Богданова, служившая в столице домашней учительницей рисования, впоследствии жаловалась в Министерство народного просвещения, что «не имеет никакого обеспечения для своей жизни», и просила вернуть «после 35 лет пользования» пожертвованные отцом на народное училище в Больших Горах суммы⁹².

Среди петербургских предпринимателей, выходцев из Олонии, особое место принадлежит выдающемуся мастеру-ювелиру фирмы Карла Фаберже Михаилу Евлампиевичу Перхину (1860 – 1903). Родился он в крестьянской семье в д. Окуловской Ялгубского сельского общества Шуйской волости Петрозаводского уезда. По мемуарному свидетельству его коллеги по ювелирному цеху Ф. Бирнбаума, Михаил Перхин «прибыл в Петербург еще мальчиком, без всякого образования, по всей вероятности, даже безграмотный... упорным трудом и сметливостью сумел выбиться из подмастерьев в мастера, организовать с помощью фирмы мастерскую и привлечь к себе способных работников по всем

специальностям производства. Соединяя в себе громадную трудоспособность, знание дела и настойчивость в преследовании определенных технических задач, он высоко ценился фирмой и пользовался редким авторитетом среди подмастерьев»⁹³. К 1895 г. М.Е. Перхин имел звание купца 2-й гильдии и личного почетного гражданина⁹⁴.

Здание народной школы в с. Большие Горы, построенное на средства петербургского купца 2-й гильдии В.Б. Богданова. 1899 г. *Фото М.А. Круковского. Из кн. М.А. Круковского «Олонецкий край». СПб., 1904*

Первоначально с 1886 г. ювелирная мастерская Перхина размещалась в доме по ул. Большой Морской, 11, а с 1900 г. — по ул. Большой Морской, 24. В ней изготовлялись граверные и чеканные оправы для драгоценных камней, художественные изделия из золота, серебра и платины, выполнялись ответственные заказы императорской семьи и представителей аристократии. В частности, М.Е. Перхин принимал активное участие в создании серии знаменитых пас-

хальных яиц — ежегодного подарка, исполнявшегося фирмой Фаберже по заказу императора для его супруги. Мастером из Карелии созданы 23 пасхальных яйца, в том числе такие шедевры, как «Крейсер «Памяти Азова» (1891), «Часы» (1899), «Транссибирский экспресс» (1900), «Ажурное» (1902).⁹⁵ На Парижской всемирной выставке 1900 г. ювелир был удостоен золотой медали. Знаменитый мастер не порывал связей со своей малой родиной. Вплоть до безвременной кончины М.Е. Перхин состоял попечителем Ялгубского двухклассного земского училища, а после смерти отца дочь Евгения Михайловна продолжала выписывать на свои средства журналы для этого училища⁹⁶.

По масштабам своей коммерческой и общественной деятельности наиболее значительными фигурами из столичных предпринимателей — олончан во второй половине XIX — начале XX вв., несомненно, являлись купцы 1-й гильдии отец и сын Василий Тимофеевич и Михаил Васильевич Максимовы. Уроженец карельской деревни Гомсельга Спасо-Преображенской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии Василий Максимов (1839 — 1902) еще в детстве, едва обучившись грамоте, был отправлен родителями «на заработки» в Санкт-Петербург и определен мальчиком по кожевенной торговле. В 1870 г. ему удалось открыть собственную небольшую кожевенную лавку в Мучном переулке. Природная сметка, знание всех тонкостей дела, старательность и аккуратность позволили В.Т. Максимову быстрыми темпами наращивать масштабы торговли. К 1878 г. он был уже купцом 2-й гильдии, а к 1895 г. его семейная фирма «Торговля кожевенными товарами и материалами для обуви, торговый дом В.Т. Максимов с сыновьями» имела объем оборота в 4,5 млн руб.⁹⁷ В.Т. Максимов проживал в доме на набережной Фонтанки, 101, с женой Александрой Ивановной, четырьмя сыновьями — Михаилом, Александром, Павлом, Николаем и четырьмя дочерьми — Ольгой, Евдокией, Марией и Еленой. Ему принадлежали лавки и

кладовые в Мучном переулке (д. 8, 9, 10, 11).⁹⁸ Глава фирмы активно участвовал в общественной жизни столицы, неоднократно избирался выборным от купеческого сословия в различные учреждения⁹⁹.

Вышедший из крестьянских низов, В.Т. Максимов горячо отзывался на нужды земляков и был исключительно щедрым благотворителем. По свидетельству олонецкой губернской газеты, ежегодно «целые партии с мукой от Максимова жертвовались для неимущих крестьян деревень Кончезера, Гомсельги, Пертнаволка, Намоева, Сургубы, Липчаги, Речки»¹⁰⁰. На средства купца были построены дорога от родной для него Гомсельги до Кончезерского тракта, более десятка крестьянских домов в самой Гомсельге, мост в д. Намоево. Он состоял почетным членом Олонецкого попечительства детских приютов и попечительства при Петрозаводском ремесленном училище, покровительствовал нескольким сельским училищам в Спасо-Преображенской волости.

Особое место занимала деятельность В.Т. Максимова в должности почетного блюстителя Вохтозерского одноклассного министерского училища, которую он принял в 1891 г. Учителем в этой школе работал последователь идей К.Д. Ушинского, замечательный педагог К.И. Дмитриев, разработавший собственную методику обучения карельских детей русскому языку, в основе которой лежал принцип наглядности (создание зрительного образа предмета или явления при заучивании слова)¹⁰¹. Добровольно приняв на себя материальные заботы по школе, В.Т. Максимов по существу стал меценатом для педагогов-новатора. К середине 1890-х гг. при Вохтозерском училище К.И. Дмитриевым был создан музей народного быта, экспонаты которого использовались на уроках в качестве наглядных пособий. В августе 1895 г. этот музей с успехом демонстрировался в Петрозаводске на выставке учебно-воспитательного дела в народных училищах Олонецкой губернии, в декабре того же года – на всероссийской

сельскохозяйственной выставке в Москве, а в 1896 г. — на всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. В Москве «за устройство музея для обучения карел русскому языку и за умелое и последовательное обучение» К.И. Дмитриев был удостоен малой серебряной медали, а в Нижнем Новгороде — диплома I степени¹⁰².

В 1895 г. В.Т. Максимов построил при Вохтозерском училище общежитие-приют для бедных учеников из отдаленных селений и детей-сирот на 15 мест, снабдив его мебелью и инвентарем. В общежитии была оборудована небольшая мастерская для обучения ребят столярному делу. Благотворитель полностью обеспечивал детей, живших в приюте, продуктами питания, обувью (сапоги и валенки) и одеждой (белье, рубашки, брюки, полушубки, меховые зимние шапки)¹⁰³. По образцу Вохтозера приюты-общежития стали строиться и при других сельских училищах края в рамках выполнения земской программы введения всеобщего начального обучения в Олонецкой губернии. Любопытно, что В.Т. Максимов неизменно оказывался от наград за благотворительную деятельность в пользу земляков, считая ее своим моральным долгом.

После получения вести о кончине В.Т. Максимова К.И. Дмитриев писал его сыну Михаилу Васильевичу 29 января 1901 г.: «Великое горе о дорогой потере разделяет с Вами в эти тяжелые дни вся семья Вохтозерского училища и приюта при нем, устроенного родителем Вашим для призрения школьной нищеты.

Без заботы жили до сих пор детки под сенью дорогого покровителя, имея теплое гнездышко, сытный кусочек и приличное одеяние... Теперь же... Не стало у них милого кормильца. Плач и рыдание детей огласили стены приюта, когда я прочитал им (27 января) телеграмму Вашу. «Что нам делать?», «куда пойдем теперь?» — повторяли дети-сироты. Добрейший Михаил Васильевич! На Вас устремлены ныне

взоры Вохтозерского училища и «малых сих детей божиих». Во имя любви к незабвенному родителю своему не оставьте на произвол судьбы начатое им дело — сие полезнейшее в нашем диком крае учреждение...»¹⁰⁴.

После смерти В.Т. Максимова фирма перешла к его сыну — купцу 1-й гильдии, потомственному почетному гражданину М.В. Максимову, проживавшему на Ивановской улице в собственном доме (д. 5) с женой Надеждой Михайловной, сыновьями Василием, Михаилом, Сергеем, Петром, Алексеем и дочерью Натальей. В его собственности также находился дом на 3-й линии Васильевского острова (д. 14) и кладовые в Москательном переулке (№ 34, 35, 37). 30 декабря 1910 г. М.В. Максимов вместе с братьями учредил торговый дом (полное товарищество) «В.Т. Максимов с сыновьями» с капиталом в 1 млн руб.

Помимо предпринимательской деятельности, М.В. Максимов был известен своей общественной активностью. Он был председателем совета Санкт-Петербургского купеческого общества взаимного кредита и членом учетного комитета Волжско-Камского коммерческого банка, с 1906 г. состоял выборным от петербургского купеческого сословия, с 1910 г. — председателем Попечительского совета Петровского коммерческого училища при С.-Петербургском купеческом обществе и торговой школы им. цесаревича Алексея Николаевича и Петровских курсов для мальчиков, с 1906 г. — гласным Санкт-Петербургской городской думы, с 1910 г. — членом губернского по промысловому налогу присутствия¹⁰⁵.

Кроме того, М.В. Максимов, несмотря на большую загруженность коммерческими и общественными делами и на то, что в течение ряда лет уже состоял почетным блюстителем Кончезерского училища в Петрозаводском уезде, принял под свою опеку Вохтозерскую школу. Он выполнял свои попечительские обязанности столь же ревностно и в том же объеме, как и отец¹⁰⁶. После перевода К.И. Дмитрие-

ва в Петрозаводск теплые, дружеские отношения установились у М.В. Максимова и с новым учителем Вохтозерской школы Н.М. Степановым.

Характерно, что В.М. Максимов выделялся масштабами своей благотворительной деятельности даже на фоне богатейшей верхушки столичных деловых кругов. Так, только за 1903 – 1908 гг. он пожертвовал в пользу различных образовательных, церковных и социальных учреждений в столице и провинции свыше 75 тыс. руб., по существу, целое состояние. В 1915 г. его заслуги в виде исключения были отмечены необычной для лица купеческого сословия наградой — званием статского советника, дававшимся чиновникам высокого ранга и соответствовавшем военному чину полковника¹⁰⁷.

В начале XX в. широкую известность в родном крае своими благотворительными акциями получили петербургские предприниматели, выходцы из Заонежья, потомственные почетные граждане К.М. Изотов и И.И. Крылов.

Карп Матвеевич Изотов происходил из крестьян д. Миково Великогубской волости Петрозаводского уезда. В 12-летнем возрасте, как и многие сверстники, был отправлен родителями в столицу, где поступил в столярную мастерскую для изучения ремесла. После пяти лет нелегкого ученичества стал мастером и начал выполнять самостоятельные подряды по отделке домов. Постепенно дело расширялось, и к середине 1890-х гг. он владел крупной столярно-паркетной мастерской на углу ул. Подольской и Обводного канала, содержал около 100 рабочих и имел звание поставщика императорского двора¹⁰⁸. Состояние его оценивалось сотнями тысяч рублей.

Бывая летом в родной деревне, неизменно оказывал материальную помощь бедным соседям, чинил за свой счет мосты и прокладывал гати через болота. В течение многих лет он был почетным блюстителем Космозерского земского училища, к школьным нуждам относился особенно чутко. В беседе с инспектором народных училищ Петрозаводского уезда

С.А. Лосевым Карп Матвеевич однажды не без горечи признавался: «Ребятам учиться нужно. Я сам человек темный и неграмотный. Знаю, какое это большое горе и как тесно неграмотному»¹⁰⁹. Он регулярно приобретал для училища книги для внеклассного чтения, выписывал газеты и журналы, купил «волшебный фонарь» и диапозитивы к нему.

С помощью друзей разработал проект нового здания для Космозерского училища, на постройку и оборудование которого ассигновал до 20 тыс. руб. Заготовка стройматериалов велась летом 1906 г. под его личным наблюдением, а 8 июня 1907 г. состоялась торжественная закладка здания. Однако К.М. Изотову не довелось увидеть свое детище, 29 сентября 1907 г. он скончался в Санкт-Петербурге. Согласно последней воле благотворителя постройку заканчивали супруга Елена Ефимовна и управляющий делами С.Д. Раевский. В итоге к 1909 г. Космозерское училище получило двухэтажный учебный корпус с 25-ю классными комнатами, рекреационным залом, тремя квартирами для учителей, помещениями для приюта-общежития и для столярной мастерской. Из земского оно было преобразовано в образцовое министерское и по решению попечителя Петербургского учебного округа получило официальное наименование «Изотовское»¹¹⁰.

Иван Иванович Крылов родился в 1859 г. в д. Деригузово Шунгской волости Повенецкого уезда в семье зажиточных крестьян. До середины 1890-х гг. вел торговлю в Заонежье, имел лавки с мануфактурным, колониальным, бакалейным и кожевенным товаром в деревнях Деригузово и Кажма, оборот которых податная инспекция оценивала в 16 тыс. руб.¹¹¹ Затем, став по наследству владельцем бумажно-толевой фабрики на ст. Стрельна, перечислился в купцы 2-й гильдии по Санкт-Петербургу.

Ивана Ивановича с юности отличало глубокое религиозное чувство. В 1879 г. он на свои средства построил часовню во имя Святителя кн. Владимира в родной деревне Деригу-

зово. В течение 30 лет служил старостой церкви Св. Богородицы в селе Шуньга — старинном ярмарочном центре Олонии, не оставив этот общественный пост и после переезда в столицу. В 1900 г. купец И.И. Крылов восстановил церковь после страшного пожара, уничтожившего большую часть Шуньги, а в 1908 г. по его заказу для восстановленной церкви были отлиты 2 колокола весом в 200 и 50 пудов. Он также регулярно вносил пожертвования на нужды храмов города Повенца. В столице И.И. Крылов обращался за духовными наставлениями к знаменитому проповеднику Иоанну Кронштадтскому. Совершив паломничество к мощам Св. Николая Мирликийского в г. Бари (Италия), прислал в дар землякам икону, освященную на святых мощах¹¹².

Дом призрения для детей-инвалидов в г. Повенце, основанный в 1912 г. купцом Иваном Ивановичем Крыловым. *НА РК*

В 1909 г. И.И. Крылов построил и оборудовал богадельню для престарелых на 10 человек в Шуньге (с правом увеличения числа призреваемых, смотря по обстоятельствам), обеспечив ее существование на долгие годы неприкосновенным капиталом в 24 тыс. руб.¹¹³ Учреждение носило официальное наименование Шунгской Никольской

богадельни имени супругов Ивана Ивановича и Парасковьи Яковлевны Крыловых. В 1912 г. купец-благотворитель основал в Повенце уездный дом призрения для детей-инвалидов, пожертвовав для этой цели 15 тыс. руб. и принадлежавший ему земельный участок¹⁴. Кроме того, И.И. Крылов состоял попечителем Вожмосалмской церковно-приходской школы Повенецкого уезда, земской библиотеки и участковой больницы в Шуньге. За общественную и благотворительную деятельность был награжден золотой медалью «За усердие» и орденом Св. Анны 3-й степени. Скончался в Шуньге 24 июля 1915 г.¹⁵

Таким образом, предпринимательские круги играли важную роль в системе земского и городского самоуправления дореволюционной Карелии. Представители делового мира занимали, как правило, ключевые позиции в земских исполнительных и городских органах и способствовали реализации таких значимых проектов, как создание сети медицинских учреждений, введение плана всеобщего начального обучения, реализация либеральной судебной реформы, постройка железной дороги. В Петрозаводске благодаря их усилиям была начата электрификация города, открыт городской общественный банк. Выступая на ниве благотворительности, предприниматели инициировали и субсидировали строительство храмов, богаделен, приютов, школ и других жизненно необходимых краю социальных заведений. Активное участие в благих деяниях на пользу малой родины принимали даже те видные деятели делового мира, которые в силу своих коммерческих интересов проживали за пределами Карелии.

¹ ПСЗ-П. Т. 39. № 40457.

² Цит по кн.: Бузин В.И., Левитский С.А. История Олонецкого земства. Вып. 1. Дореформенный период и введение земских учреждений. Петрозаводск, 1917. С. 185–186.

³ Подробнее см.: Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Олонецкий губернатор Ю.К. Арсеньев — государственный деятель эпохи «великих реформ»

1860 – 1870-х годов // Приграничный регион в условиях интеграционных процессов и реформирования местной власти. IV Арсеньевские чтения. Петрозаводск, 2005. С. 23 – 25.

⁴ Бузин В.И., Левитский С.А. Указ соч. С. 206, 210.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ ОГВ. 1867. 10 октября; Бузин В.И., Левитский С.А. Указ соч. С. 209 – 210.

⁷ ОГВ. 1870. 14 ноября; Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 40.

⁸ ОГВ. 1868. 1 июня; 1869. 5 июля.

⁹ Там же. 1869. 4 января.

¹⁰ ПСЗ-II. Т. 44. № 47519.

¹¹ ОГВ. 1870. 7, 10 января. Приложение; 17, 21 января.

¹² См.: Баданов В.Г., Гнетнев К.В. Финансы Карелии. С. 56.

¹³ ОГВ. 1877. 9 июля.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Кораблев Н.А. Территориально-административное устройство Карелии в XVIII – начале XX в. // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 20 – 27; Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Олонецкие губернаторы эпохи «великих реформ» // Российская история. 2009. № 3. С. 156 – 163.

¹⁵ НА РК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 27/5. Л. 3 – 4.

¹⁶ Полвека государственной и общественной службы В.В. Савельева // ВОГЗ. 1916. № 2. С. 46 – 51.

¹⁷ Школьная статистика: Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 г. Вып. I. Петрозаводск, 1913. С. 9 – 12.

¹⁸ Баданов В.Г., Гнетнев К.В. Финансы Карелии. С. 60 – 62.

¹⁹ Шиф И.А. Краткий очерк развития земской медицины в Олонецкой губернии // Врачебно-санитарный обзор Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1912. С. 45.

²⁰ Мухин Н.П. К 20-летию Петрозаводского окружного суда. Петрозаводск, 1915. С. 9, 10, 11, 14; Сабанцев А.Н. Судебные учреждения Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XX века. Петрозаводск, 2005. С. 106 – 107.

²¹ Подсчитано по данным: Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 36 – 37. В числе гласных оказались 15 купцов, личный почетный гражданин из купеческого сословия А.И. Севериков и 12 владельцев торгово-промышленных заведений из мещан и крестьян: Я.Н. Бегьков, И.И. Гостев, В.М. Ипатов, С.Е. Китаев, Н.Е. Кошелев, В.А. Крысин, С.М. Румянцев, Т.В. Самсонов, В.П. Самсуков, Ф.И. Тихонов, И.Л. Тупицын, В.Е. Шипицын.

²² Ефимова В.В. Указ. соч. С. 120.

²³ Там же. С. 234 – 236.

²⁴ Подсчитано по данным: ОГВ. 1893. 27 февраля. Торгующие крестьяне – М.Л. Акимов, И.У. Зайцев, А.И. и Ф.И. Тихоновы, Матв. А. Лейманов, В.Д. Лысанов, торгующий мещанин – владелец трактира В.А. Аффельн.

²⁵ ОГВ. 1901. 8 мая.

²⁶ Крестьянин-каранел, уроженец с. Пряжа Иван Ульянович Зайцев по данным за 1900 г. владел хлебно-овощной лавкой в петрозаводском гостинином дворе с оборотом в 6 тыс. руб. (НА РК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/45. Л. 124).

²⁷ В.В. Ефимова указывает, что по официальным отчетным формам городского самоуправления Г.Е. Пименов до 1909 г. проходил как почетный гражданин, а с 1909 г. – как чиновник (См.: Ефимова В.В. Петрозаводское городское самоуправление (1870 – 1918). С. 123). Однако это отнюдь не означает, что он прекратил предпринимательскую деятельность. Вплоть до 1918 г. Г.Е. Пименов оставался собственником вододействующего лесозавода в устье р. Лососинки (См.: Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 134). Кроме того, он входил в число пайщиков-учредителей и руководителей фирмы «Онежское пароходное общество» (НА РК. Ф. 372. Оп. 1. Л. 2). В свете этого утверждение В.В. Ефимовой о том, что в последние три четырехлетия (1901 – 1917) из пяти городских голов (а в реальности из двух – Г.Е. Пименова, который избирался и назначался четырежды, и В.Д. Лысанова) только Лысанов занимался торгово-промышленной деятельностью, нуждается в корректировке.

²⁸ В.В. Ефимова. Указ. соч. С. 236 – 238.

²⁹ Петрозаводск. 1703 – 2003. Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002. С. 144.

³⁰ ОГВ. 1890. 25 апреля.

³¹ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 8/149. Л. 58.

³² ОГВ. 1901. 18 августа; 1903. 22 мая, 3 июня; 1914. 5 февраля.

³³ Баданов В.Г., Гнетнев К.В. Финансы Карелии. С. 68 – 69.

³⁴ ОГВ. 1908. 1, 15 марта, 10 июня; 1910. 5 октября.

³⁵ Там же. 1913. 24 августа.

³⁶ На основании Городового положения 1892 г. в трех из четырех уездных городов Карелии (Олонец, Пудож, Кемь) было введено так называемое упрощенное общественное управление. Сход домохозяев избирал собрание уполномоченных из 12 – 16 человек, а они из своей среды – городского старосту и одного-двух помощников. Городская дума и управа с должностью городского головы сохранились только в Повенце. См.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 256.

³⁷ Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903. С. 215; ОГВ. 1877. 19 февраля; 1912. 12 января.

³⁸ ОГВ. 1907. 9 февраля, 16 октября; 1908. 8, 10 июля; 1912. 16, 20 октября; Боиович М.М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв. М., 1907. С. 208; Четвертый созыв. М., 1913. С. 203; Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. Т. 1. М., 2006. С. 29–30, 265, 551.

³⁹ Аристаров М.Г. Письмо члена Государственной думы // ВОГЗ. 1916. № 12. С. 24.

⁴⁰ См.: Г.Н. Ульянова. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. С. 364, 382, 384.

⁴¹ ОГВ. 1874. 6 февраля.

⁴² НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45/173. Л. 4.

⁴³ Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Мурманский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 9–10. С. 522, 526, 528; Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 127–132.

⁴⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 2/38. Л. 1, 2; Мисаил, епископ. Путевые заметки // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 23. С. 573.

⁴⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 2/38. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 50. Д. 52/33. Л. 9–10.

⁴⁷ Митрофан, игумен (Бабадин). Преподобный Варлаам Керетский. Исторические материалы к составлению жития. СПб. – Мурманск, 2007. С. 223, 236; Поляков С.Н. Дорогами двадцатого века. Книга воспоминаний. Петрозаводск, 2007. С. 39, 41.

⁴⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 1/18. Л. 2 об. – 3 об.; Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX столетия. Сост. Н.С. Шайжин // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников императорского Московского археологического общества. Т. V. М., 1914. С. 90.

⁴⁹ ОГВ. 1876. 24 июля.

⁵⁰ Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 92.

⁵¹ ОГВ. 1901. 12 июля.

⁵² НА РК. Ф. 4. Оп. 8. Д. 2/15. Л. 4–8; Ф. 30. Оп. 2. Д. 14/221. Л. 3–5.

⁵³ Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 2/15. Л. 30 об., 38.

⁵⁴ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. С. 325.

⁵⁵ Инно Х. К истории Петрозаводского детского приюта // Краевед Карелии. 10 лет. Петрозаводск, 1999. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 34–35.

⁵⁷ НА РК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 11/425. Л. 10 об.

⁵⁸ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. С. 330–331; ОГВ. 1908. 4 декабря.

- ⁵⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114а/30. Л. 6–7.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/45. Л. 76; ОГВ. 1913. 5, 13 ноября.
- ⁶¹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45/173. Л. 2–4 об.; Ф. 27. Оп. 2. Д. 13/207. Л. 46 об.
- ⁶² ОГВ. 1863. 16 марта.
- ⁶³ Три встречи с М.Н. Пикиным // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 10. С. 269–271.
- ⁶⁴ ОГВ. 1877. 26 октября.
- ⁶⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 17. Д. 42/33. Л. 7 об., 15; ОГВ. 1898. 7 января.
- ⁶⁶ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14/214. Л. 3, 5 об., 7, 12; ОГВ. 1897. № 79, 11 октября; Благотворительность // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 24. С. 325.
- ⁶⁷ НА РК. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 9.
- ⁶⁸ ОГВ. 1869. 25 октября.
- ⁶⁹ Там же. 1877. 18 июня; 1880. 5 июля.
- ⁷⁰ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 79/980. Л. 29–90 об.
- ⁷¹ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 11/197. Л. 2.
- ⁷² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской губернии. Вып. 3. Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896. С. 186.
- ⁷³ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 64/761. Л. 38 об., 81, 94.
- ⁷⁴ Там же. Д. 72/784. Л. 12.
- ⁷⁵ Там же. Д. 64/761. Л. 2 об. – 3.
- ⁷⁶ Там же. Д. 60/681. Л. 2–3.
- ⁷⁷ Там же. Л. 8–8 об.
- ⁷⁸ ОГВ. 1865. 24 июля; Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703–2003. С. 94–95.
- ⁷⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 5/137. Л. 1–2, 8, 12.
- ⁸⁰ ОГВ. 1912. 4 декабря.
- ⁸¹ Приклонский С.А. Указ. соч. С. 254.
- ⁸² НА РК. Ф. 1. Оп. 17. Д. 46/21. Л. 7–8.
- ⁸³ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г. Справочный отдел. С. 128.
- ⁸⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 17. Д. 46/21. Л. 2–2 об.
- ⁸⁵ Там же. Д. 44/50. Л. 17; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г. Справочный отдел. С. 128.
- ⁸⁶ ОГВ. 1900. 7 марта; 1905. 19 февраля.
- ⁸⁷ Приклонский С.А. Указ соч. С. 255; НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 13/207. Л. 47; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г. Справочный отдел. С. 128.
- ⁸⁸ ОГВ. 1879. 1 августа.
- ⁸⁹ Там же. 1870. 4 ноября; 1871. 13 марта.
- ⁹⁰ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 123–124.
- ⁹¹ ОГВ. 1879. 1 августа.

- ⁹² НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 3.
- ⁹³ Цит. по газ.: «Петрозаводск». 1994. 9 сентября. С. 10 (Публикация В. Скурлова).
- ⁹⁴ Скурлов В., Смородинова Г. Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 1992. С. 57, 99.
- ⁹⁵ См.: Государственные музеи Московского Кремля. Оружейная палата. Золотые и серебряные изделия русских мастеров XVIII – начала XX века. Путеводитель. М., 1981. С. 2, 11, 17, 18.
- ⁹⁶ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 64/761. Л. 91.
- ⁹⁷ ОГВ. 1901. 8 марта.
- ⁹⁸ Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 277.
- ⁹⁹ Журавлев А.А. Общественная деятельность петербургского купечества и наградная система России на рубеже XIX–XX вв. // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. Сб. статей. СПб., 2005. С. 190.
- ¹⁰⁰ ОГВ. 1901. 8 марта.
- ¹⁰¹ См.: Кучепатов Н.Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956. С. 61–62; Инно Х. Кузьма Иванович Дмитриев // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск – Кондопога, 2000. С. 166–172.
- ¹⁰² Там же. С. 169.
- ¹⁰³ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 46/522. Л. 7. Д. 49/533. Л. 23, 30.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 51/563. Л. 5 об.
- ¹⁰⁵ Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. С. 277.
- ¹⁰⁶ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 59/658. Л. 1, 6, 8, 9, 9 об. Д. 61/710. Л. 33.
- ¹⁰⁷ Журавлев А.А. Указ. соч. С. 198–199, 203–204.
- ¹⁰⁸ Коренной П. Очерк из истории развития грамотности и школьного образования детей в Космозерском сельском обществе Петрозаводского уезда // ВОГЗ. 1915. № 17. С. 16.
- ¹⁰⁹ Лосев С. Памяти К.М. Изотова // ВОГЗ. 1915. № 23. С. 18.
- ¹¹⁰ НА РК. Ф. 78. Оп. 3. Д. 2/28. Л. 1, 3, 7, 7 об.; Коренной П. Указ. соч. // ВОГЗ. 1915. № 18. С. 18.
- ¹¹¹ НА РК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 113–123.
- ¹¹² ОГВ. 1900. 2 августа; 1909. 17 августа; Олонецкое утро. 1915. 4 августа.
- ¹¹³ Шунгско-Никольская церковная богадельня И.И. и П.Я. Крыловых // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 г. Петрозаводск, 1911. С. 216–217.
- ¹¹⁴ ОГВ. 1911. 6 декабря; 1912. 9 августа.
- ¹¹⁵ Олонецкое утро. 1915. 4 августа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя начало формирования торгово-промышленного класса в Карелии относится еще к дореформенному времени, после отмены крепостного права в России и становления страны на путь развития капиталистической рыночной экономики этот процесс значительно ускорился. На основе данных податной инспекции общую численность лиц, занимавшихся в крае предпринимательской деятельностью в торгово-промышленной сфере к концу XIX в., можно определить приблизительно в 0,9 тыс. человек, а к 1913 г. (с учетом пайщиков местных фирм, не имевших единоличных предприятий) она приближалась к 1,1 тыс. человек. На общероссийском фоне местная деловая среда состояла преимущественно из мелких и средних предпринимателей и была представлена в основном купцами 2-й гильдии и торгующими крестьянами и мещанами.

Преобладающая роль в экономике сельского хозяйства и крестьянских промыслов, относительно слабое развитие промышленности и активный рост торговли определяли особенности формирования местного торгово-промышленного класса. Основными источниками накопления и приращения капиталов в крае являлись торговля и торгово-ростовщические операции: скупка и перепродажа промысловой продукции, доставка и реализация по повышенным ценам хлебопродуктов и промышленных изделий, мелкое кредитование. Даже вкладывая капиталы в промышленное производство, местные предприниматели, как правило, не прекращали торговых операций. В наиболее перспективной отрасли крупного промышленного произ-

водства — лесной индустрии — ключевые позиции прочно занимал пришлый крупный капитал из Петербурга и Архангельска.

Немногочисленную часть представителей местного делового мира составляли потомки купеческих фамилий XVIII — первой половины XIX вв. (Базегские, Серого, Захарьевы, Пименовы и др.), передававшие свои капиталы по наследству. В основном же буржуазно-предпринимательский слой в изучаемой период формировался за счет выходцев из «неименитой» среды, главным образом из разбогатевших крестьян и мещан. Часть из них в 1860 — 90-е гг. пополнила ряды купечества, другие, выбирая гильдейские документы, сохраняли первоначальную сословную принадлежность. Именно выходцы из крестьян, наряду с деятельностью в торгово-посреднической сфере, стали в пореформенное время наиболее активно включаться в организацию промышленных и транспортных предприятий: Куттуевы, В.Д. Лысанов, братья Савины из Керети, С.А. Тиккоев, Кипрушкины и Фершукоты из с. Ладва и другие. С принятием в 1898 г. нового положения о торгово-промышленном налогообложении, ликвидировавшего связь между получением промыслового свидетельства на предпринимательские занятия и принадлежностью к купеческим гильдиям, пополнение рядов купеческого сословия в крае практически прекратилось.

Предпринимательская среда формировалась на многонациональной основе. В нее входили не только русские, но и карелы (Куттуевы из Олонца, крупные петрозаводские купцы Кононовы и Леонтьевы, владелец лесного двора в Петрозаводске А. Калинин и др.), а также представители других национальностей.

В начале XX в., значительно позднее, чем в центре России, в Карелии начинают развиваться ассоциированные (коллективные) формы предпринимательства, способствовавшие концентрации капиталов. Для края были характерны первичные типы ассоциаций — торговые дома в форме

полных товариществ (обычно состояли из нескольких родственников) и товариществ на вере. К 1914 г. пять местных торговых домов функционировали в сфере торговли, два — во второстепенных отраслях промышленности (пивоваренное и спичечное производство) и два — в сфере водного транспорта. Наиболее успешно действовало крупнейшее из них — товарищество на вере «Онежское пароходное общество». Монополизировав грузопассажирское сообщение на Онежском озере и между Петрозаводском и Петербургом, эта компания приобрела общероссийское значение и известность.

Сильное влияние на развитие товарно-денежных отношений в крае оказывал крупнейший рыночный центр страны — Петербург. Местные деловые люди наладили активные торговые связи со столицей, туда сбывалась значительная часть продукции местной промышленности и крестьянских промыслов. Некоторые из крупных петербургских предпринимателей и фирм имели свое дело в Карелии. Однако более распространенным явлением был переезд крупных купцов и людей с предпринимательской жилкой в столицу Российской империи. Наблюдался и отток капиталов в соседнюю Финляндию.

Являясь в целом людьми прагматичными, многие предприниматели тем не менее не замыкались в круге своих коммерческих интересов, а принимали активное участие в общественной жизни, прежде всего на земском и муниципальном поприще, и занимались благотворительностью. В карельском крае, практически лишенном такого культурного элемента, как поместное дворянство, общественная и филантропическая деятельность деловой элиты имела особенно важное значение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Условия для развития предпринимательства в крае. Численность, источники формирования и состав предпринимательского слоя	28
ГЛАВА II. Торговое предпринимательство	76
ГЛАВА III. Предпринимательство в сфере промышленности и водного транспорта	135
ГЛАВА IV. Общественная и благотворительная деятельность предпринимателей	214
Заключение	265

Научное издание

Н.А. Кораблев

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАРЕЛИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Печатается по решению Ученого совета Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН

На обложке:
картонный завод Ю. Тейфеля в с. Усланка
Олонецкого уезда. 1909 г.
Фото С.М. Прокудина-Горского

Оформление обложки - Л. Шпаковский

Редактор Е.В. Азоркина
Оригинал-макет Н.Н. Балашова

Подписано в печать 27.06.2011. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Baltica. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 15,6.
Тираж 300 экз. Изд. № 164. Заказ 969.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50